

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
САРАТОВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОВОЛЖЬЕ

Сборник научных трудов

Выпуск 14

Саратов 2021

ББК 63.3 я 43 В63
УДК [930.9 + 355.48] (082)
В63

Военно-исторические исследования в Поволжье: сборник научных трудов. – Саратов: Саратовский университет, 2021. – Вып. 14. – 197 с.

ISSN 1819-3145

Вниманию читателя предлагается очередной, 14-й, выпуск продолжающегося издания «Военно-исторические исследования в Поволжье». Он традиционно объединяет военных историков как из Поволжья, так и иных регионов России и соседних стран. Открывает выпуск раздел по проблемам военной истории России и Европы периода средних веков и нового времени. Первая мировая война представлена трудами о социальных аспектах великого противостояния. Традиционно для сборника многочисленны сопряженные тематические разделы о Гражданской войне в России. Вторая мировая война и военная проблематика послевоенного мира сгруппированы в раздел, объединивший исследования и мемуарный материал. Заключительные разделы содержат материал по исторической памяти, историографии и книжным новинкам.

Для специалистов в области всеобщей и отечественной военной истории, учителей, студентов, курсантов и слушателей военно-учебных заведений, всех, интересующихся военной проблематикой.

Редакционная коллегия:

докт. ист. наук, доц. *А. В. Посадский* (отв. редактор),
докт. ист. наук, проф. *А. А. Герман*, докт. ист. наук, проф. *В. Н. Данилов*,
канд. ист. наук, доц. *А. А. Симонов* (отв. секретарь).

ББК 63.3 я 43
УДК [930.9 + 355.48] (082)

© Институт истории
и международных отношений
СГУ им. Чернышевского

СОДЕРЖАНИЕ

СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

<i>Галямичев А.Н.</i> (Саратов) День рождения гуситского вагенбурга (к 600-летию битвы у Судомержи).....	7
<i>Рабинович Я.Н.</i> (Саратов) Малоизвестная страница смутного времени: Алатырь в 1614 году.....	12

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

<i>Бутов И.С.</i> (Минск), <i>Соложеницын Р.В.</i> (Барнаул) Дело об «аэропланах» в Воронежской и Тамбовской губерниях в 1914–1916 годах.....	27
<i>Лаврентьев М.В.</i> (Саратов) Лазарет «чинов тюремного ведомства» в начальный период Первой мировой войны (1914 – 1915 гг.).....	43
<i>Юшко В.Л.</i> (Москва) Зигзаги судьбы Владимира Николаевича Гатовского.....	49

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

<i>Войтиков С.С.</i> (Москва) А.И. Окулов и дискуссия по военному вопросу в преддверии VIII съезда РКП(б)	68
<i>Карпухин К.В., Овчаров В.В.</i> (Красноярск) «Знаменосцы» революции.....	80
<i>Симонов А.А.</i> (Саратов) Краткие сведения о Рязанско-Уральской железной дороге в годы Гражданской войны.....	92

ПОВСТАНЧЕСТВО И СОПРОТИВЛЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

<i>Вебер М.И.</i> (Екатеринбург) «Я лично считаю, что никакие активные выступления партии в настоящее время невозможны»: документы следственного дела члена Учредительного собрания от Пензенской губернии И.А. Цинговатова.....	98
<i>Ренёв Е.Г.</i> (Ижевск) Муниципализация жилья как забытая причина Ижевско– Воткинского восстания.....	120
<i>Раджабов К.К.</i> (Ташкент) Усиление вооруженного противостояния в Туркестанской АССР в 1920–1924 годах.....	128
<i>Яценко В.Г.</i> (Волгоград) Пример легализации степных партизан и дезертиров в Царицынско-Астраханском Заволжье в 1920 году.....	140

ПРОБЛЕМЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

<i>Сороков С.П., Семёнова Ю.А.</i> (Саратов) Подготовка военных кадров в Саратовском военном училище НКВД в 1943–1945 гг.	147
<i>Шевела В.А.</i> (Люберцы) Особое задание: эпизод из воспоминаний лётчика Авиации дальнего действия А.Я. Вавилова.....	153
<i>Щербин А.А.</i> (Саратов) «Басиджи» в военно-политической системе современного Ирана.	171

ПАМЯТЬ И РЕКОНСТРУКЦИЯ

- Лёвин С.В.** (Москва) 75-летний юбилей победы советского народа в Великой Отечественной войне в выставках, экспозициях и исторических реконструкциях музеев Саратовской области (по материалам музейных сайтов)175

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

- Сулимин А.Н.** (Саратов) Историография Корейской войны 1950–1953 гг.: основные этапы и проблемы изучения.....182

НОВОСТИ И РЕЦЕНЗИИ

- Посадский А.В.** (Саратов) Снова «Новый часовой»190
Васильченко М.А. (Москва) Рецензия на монографию П.А. Мистрюгова «Местные чрезвычайные структуры советской власти в годы Гражданской войны»192

CONTENT

MIDDLE AGES AND MODERN TIMES

- Galyamichev A.N.** (Saratov) Birthday of the hussite Wagenburg (the 600th anniversary of the battle of Sudomerzhi).....7
- Rabinovich Ya.N.** (Saratov) A little known page of the time of Troubles: Alaty in 1614.....12

SOCIAL HISTORY OF THE FIRST WORLD WAR

- Butov I.S.** (Minsk), **Solozhenitsyn R.V.** (Barnaul) The case of «aeroplanes» in the Voronezh and Tambov provinces in 1914–1916.....27
- Lavrentiev M.V.** (Saratov) «Infirmary of prison officials» in the initial period of the First world war (1914–1915).....43
- Yushko V.L.** (Moscow) Zigzags of the fate of Vladimir Nikolaevich Gatovsky.....49

THE CIVIL WAR IN RUSSIA

- Voitikov S.S.** (Moscow) A. I. Okulov and discussion on a military issue in the run-up to the VIII congress of the RCP(B)68
- Karpukhin K.V., Ovcharov V.V.** (Krasnoyarsk) The «flag bearers» of the revolution.....80
- Simonov A.A.** (Saratov) Brief information about the Ryazan-Ural Railway during the Civil War.....92

INSURGENCY AND RESISTANCE IN THE CIVIL WAR

- Weber M.I.** (Yekaterinburg) «I personally believe that active actions of the party are currently impossible»: investigative case of a member of the Constituent Assembly from the province of Penza I.A. Tsingovatov.....98
- Renov E.G.** (Izhevsk) The municipalization of habitation and Izhevsk-Votkinsk anti-bolsheviks revolt.....120
- Radzhabov K.K.** (Tashkent) Strengthening of the armed confrontation in the Turkestan ASSR in 1920–1924.....128
- Yaschenko V.G.** (Volgograd) Example of legalization of steppe partisans and deserters in the Tsaritsyn-Astrakhan Zavolzhye region in 1920.....140

PROBLEMS OF THE SECOND WORLD WAR AND THE POST-WAR PERIOD

- Sorokov S.P., Semenova Yu.A.** (Saratov) Military personnel training at the NKVD Saratov military school in 1943–1945.....147
- Shevela V.A.** (Lyubertsy) Special assignment (from the memoirs of a long-range aviation pilot, colonel A.YA. Vavilov).....153
- Shcherbin A.A.** (Saratov) «Basiji» in the military and political system of modern Iran.....171

MEMORY AND RECONSTRUCTION

- Levin S.V.** (Moscow) 75th anniversary of the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War in exhibitions, expositions and historical reconstructions of museums of the Saratov oblast' (region) (based on materials from museum sites).....175
- Sulimin A.N.** (Saratov) Historiography of the Korean War of 1950–1953: the main stages and problems of study.....182

NEWS AND REVIEWS

- Posadsky A.V.** (Saratov) Again the «New Sentry».....190
- Vasilchenko M.A.** (Moscow) Review of the monograph by P.A. Mistryugov «Local emergency structures of Soviet power during the Civil War».....192

СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

УДК 94(437)|14|

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ГУСИТСКОГО ВАГЕНБУРГА (К 600-ЛЕТИЮ БИТВЫ У СУДОМЕРЖИ)

Аннотация. В статье рассматривается одно из самых ярких событий начального этапа гуситских войн – сражение у Судомержи 25 марта 1420 г., имевшего важнейшее значение для становления главного центра гуситского радикализма – Табора – и выработки основ гуситского военного искусства, коренным образом отличавшегося от принципов ведения рыцарской войны эпохи Средневековья

Ключевые слова. Гуситские войны, гуситы, Табор, Ян Жижка.

BIRTHDAY OF THE HUSSITE WAGENBURG (THE 600TH ANNIVERSARY OF THE BATTLE OF SUDOMERZHI)

Abstract. The article deals with one of the most striking events of the initial stage of the Hussite wars – the battle of Sudomerzhi on March 25, 1420, which was crucial for the formation of the main center of Hussite radicalism – Tabor – and the development of the foundations of the Hussite military art, radically different from the principles of chivalric warfare of the middle Ages

Key words. The Hussite wars, the Hussites, Tábor, Jan Žižka.

А. Н. Галямичев (Саратов)

В военно-историческом календаре 2020 года видное место принадлежит сражению, состоявшемуся 25 марта 1420 г., в начальный период гуситских войн, близ чешского селения Судомержи.

Хотя масштабы этой битвы были невелики даже по меркам эпохи Средневековья и она не принадлежит к числу крупнейших сражений собственно гуситской эпохи, её исторические последствия дают основание уделить специальное внимание этой странице драматической эпопеи гуситских войн.

Историческое значение битвы при Судомержи определяется прежде всего тем, что от её исхода зависел успех важнейшего предприятия радикальных гуситов — основания Табора.

Ещё летом 1419 г. значительной частью населения Чехии овладели представления о приближающемся Страшном Суде и Конце Света, которые поддерживались проповедями странствующих проповедников. Начались массовые паломничества крестьян в горы, названные библейскими именами. Как сообщает хронист Лаврентий из Бржезовой, в июне 1419 г. на холме Табор в Бехиньской области собралось более 40 тысяч паломников¹.

Хилиастические ожидания усилились после смерти короля Вацлава IV, которую радикальные проповедники трактовали как освобождение королевского престола для самого Спасителя. После того, как ожидавшееся 14 февраля 1420 г. Второе пришествие Иисуса Христа не состоялось, радикальные проповедники стали призывать своих сторонников оставить свои дома, имущество и занятия и, собравшись на горах и в пяти городах, начать Страшный Суд и очистить землю от скверны греха, чтобы в качестве «божьих воинов» подготовить приход Спасителя.

¹ Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. М., 1962. С. 42.

21 февраля 1421 г. вдохновляемые этими идеями радикальные гуситы захватили город Сезимово Усти, изгнали оттуда противников гусизма и создали там «общину верных»¹. Поскольку город был недостаточно укреплен, предводители хилиастов решили обосноваться расположенной в ближайшем соседстве горе, на вершине которой находились развалины городских стен оставленного в XIII веке жителями города (Градиште). Развалины были дополнены новыми укреплениями, подступы к горе были труднодоступны, поэтому вновь основанная крепость имела оптимальные условия для того, чтобы стать оплотом «божьих воинов», нуждавшихся в обретении единого организующего центра. По просьбе основателей Табора в новую крепость прибыл отряд радикальных гуситов из Пльзеня.

Именно этот город первоначально являлся главным центром чешских хилиастов, называвших его «городом солнца»². Здесь располагалась наиболее боеспособная часть гуситских радикалов, сумевшая одержать ряд побед над сторонниками католической церкви и короля Сигизмунда уже в конце 1419 — начале 1420 г., Возглавляли укрепившихся в Пльзне гуситов опытные в военном деле представители рыцарского сословия — «господин Брженек из Швигова, господин Валкун из Адлара, а также и Иоанн Жижка, приближенный бывшего короля богемского Венцеслава»³.

Однако в середине марта над головами гуситских радикалов в Пльзне нависли грозные тучи. В Пльзеньскую область прибыл крупный отряд рыцарей-католиков во главе с Вацлавом из Дубе. Подняли головы противники гуситов внутри города, что поставило «божьих воинов» в очень трудное положение. Поэтому пльзеньские гуситы, которые ранее «не хотели вступать ни в какие соглашения» со сторонниками короля Сигизмунда, «заключили, наконец, мир с королевскими людьми на следующих условиях: во-первых, чтобы в самом этом городе свободно могло совершаться причащение чашей, а также чтобы им была предоставлена полная свобода переселиться в Градиште (т.е. Табор — А.Г.) со своими жёнами и детьми».

Выполняя условия соглашения, 25 марта гуситы выступили из Пльзня и направились ко вновь основанному Табору. Однако противная сторона нарушила обещания, «ибо тайно было предписано начальнику монетного двора в горах, по имени Микеш Дивокий, господину Петру из Штернберга и магистру Иерусалимского ордена св. Иоанна из Стракониц, а также и другим королевским людям, собравшимся с большим числом всадников в округе Писека, напасть с оружием в руках на жителей Пльзеня и таборитов в пути, когда они выйдут из этого города, и уничтожить их»⁴.

Принимая такое решение, противники гуситов исходили из реальной оценки соотношения сил: они располагали двумя тысячами тяжеловооружённых рыцарей против 400 «божьих воинов», среди которых было только 9 всадников⁵. Подавляющее большинство гуситских воинов составляли вчерашние крестьяне, едва начинавшие осваивать основы военного дела.

Выдержав паузу, в середине дня «железные паны» решили атаковать гуситский отряд, однако исход сражения оказался для них плачевным.

Важную роль в победе гуситов у Судомержи сыграл воинский дух гуситов, воодушевляемых верой в близкое обновление мира и свою особую роль в

¹ *Мацек Й.* Табор в гуситском революционном движении: В 2 т. М., 1956. Т. 1. С. 392.

² Лаврентий из Бржезовой. Указ. соч. С. 56.

³ Там же. С. 59.

⁴ Лаврентий из Бржезовой. Указ. соч. С. 59.

⁵ *Šmahel F.* Jan Žižka z Trocnova. Praha, 1969. S. 69-71.

утверждении тысячелетнего царства Божьего, которое должно прийти на смену исполненному злу и несправедливости современному обществу.

Не менее важным было другое слагаемое успеха — новизна применённой гуситами тактики, позволившей свести на нет очевидные преимущества войска «железных панов».

Оказавшись под угрозой атаки стальной лавины тяжеловооружённых рыцарей, которая неминуемо смела крестьянское ополчение, гуситы быстро перестроились, что позволило им устранить преимущества рыцарской конницы перед незащитной в открытом поле крестьянской пехотой.

Эту возможность предоставили им особенности местности, где имелось множество прудов, получивших широкое распространение в Чехии со времён короля и императора Священной Римской империи Карла IV (1346 — 1378). Когда «у одного из прудов королевские люди с ожесточением напали» на гуситский отряд, последний расположился на разделявшей два пруда дамбе, успев установить по обеим её оконечностям заграждения из крестьянских повозок. Таким образом была создана импровизированная крепость, оказавшаяся неприступной твердыней для «железных панов».

Первоначально рыцари попытались атаковать гуситов с обоих флангов, там, где их расположение прикрывали повозки, но не смогли преодолеть сопротивление гуситов. После этого была предпринята попытка атаковать гуситов через спущенный пруд, но преодолеть это препятствие им не удалось ни в конном, ни в пешем строю. «После ожесточённого боя, который продолжался несколько часов, — пишет хронист Лаврентий из Бржезовой, — королевские люди отступили с поля сражения, захватив в плен около 30 братьев (т.е. гуситов — А.Г.), которых начальник монетного двора, заковав, увёл в [Кутную] Гору. Братья, оставив некоторых раненых по сёлам, достигают Градиште, где их братья, пребывавшие на самой горе, радушно их приняли»¹.

Таким образом, попытка разгромить пльзеньский отряд потерпела неудачу, и набравший силу Табор получил подкрепление, позволившее превратить центр гуситского радикализма в неприступную крепость. Не случайно «Прекрасная хроника о Яне Жижке» к числу его заслуг относит основание Табора: «А Жижка и другие чехи постоянно воевали в Чехии и других землях за Закон Божий. Тогда-то они взяли штурмом Сезимово Усти, а оттуда пошли на Градиште, заняли крепость и гору, а город назвали Табором»².

Битва при Судомержи имела и другое важнейшее последствие: стала решающим рубежом на пути становления гуситского военного искусства. Оно представляло собой принципиально новый по сравнению с феодально-рыцарским способ ведения сражения, позволивший составлявшей основу гуситских отрядов пехоте успешно противостоять тяжеловооружённой коннице на полях сражений. Ключевым звеном военного искусства гуситов. стала тактика вагенбурга (нем. Wagen — повозка и Burg — крепость) — подвижной крепости на колёсах.

Уже в предшествующих столкновениях с рыцарскими отрядами гуситы неоднократно использовали возовое заграждение для отражения атак тяжеловооружённой конницы³. Но в битве у Судомержи впервые возовое укрепление превратилось в замкнутую крепость, став основой тактики ведения

¹ Лаврентий из Бржезовой. Указ. соч. С. 60.

² Прекрасная хроника о Яне Жижке // Гуситское движение в освещении современников / Сост. и пер. Л.П. Лаптевой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. С. 76.

³ В сражении возле замка Некмиржа гуситы построили укрепление из семи возов (Staré letopisy české. Ved. F. Šimek. Praha, 1937. S. 24-25), которое сыграло важную роль в ходе сражения, однако оно не представляло собой замкнутого целого, которое служило бы основой ведения сражения и применяемой в его ходе тактики.

боя. Даже далёкий от военного дела магистр Пражского университета Лаврентий из Бржезовой в своём кратком рассказе о битве у Судомержи не забывает отметить это обстоятельство: «Начался бой, табориты окружили себя возами»¹.

В последующие годы гуситская тактика ведения боя на основе вагенбурга продолжала развиваться и достигла высокой степени совершенства. При этом главной движущей силой военной мысли было народное творчество — выдумка и изобретательность в экстремальных условиях боя, что особенно ярко проявилось в сражении у Судомержи.

Битва у Судомержи оставила глубокий след в народной памяти, породив немало легенд, которые не были зафиксированы в письменных памятниках гуситской эпохи, а передавались в устной традиции из поколения в поколение.

Народные предания о битве у Судомержи наиболее известны в пересказе выдающегося чешского писателя Алоиса Ирасека (1851 — 1930): «Пришли тогда тяжелые времена, ибо великое множество врагов ополчилось против чешского народа. Злейшим из всех был венгерский король Сигизмунд, брат короля Вацлава, открыто говоривший, что отдаст бы всю Венгрию за то, чтобы в Чешской земле не осталось ни одного чеха. И вот, когда гибель грозила всему Чешскому королевству и чешскому языку, встал на защиту своей родины прославленный чех, храбрый земан — одноглазый Ян Жижка из Троцнова, который потом писался «Чашник». Поднялся он на врагов своего народа, на всех, кто был с ними заодно, на недругов магистра Яна Гуса и на тех, кто не принимал причастия под обоими видами. Созвал он к себе всех способных носить оружие, от мала до велика, и приказал им быть наготове. И, собрав людей, призвал их Жижка не унывать в час опасности, мужественно встать на защиту родины и забыть о том, что придется биться слабым против сильных, немногим — против многих, раздетым и разутым — против одетых. В войске Жижки больше всего было крестьян, и с ними побеждал он закованных в броню рыцарей и хорошо обученных наемных солдат. Никогда не проиграл он ни одной битвы. Не только силой, которую умножала его страстная вера в победу, и не только своим воинским искусством побеждал он врагов, но и хитростью.

Так было в марте 1420 года, когда шел Жижка из Пльзена в недавно заложенный город Табор. Шел он со всеми своими людьми, которых было вместе с сестрами и малолетними пращниками, не более четырехсот человек. Боевых повозок было с ним лишь двенадцать, коней — девять. Стали настигать Жижку рыцари, состоявшие на службе у венгерского короля. Надвигались они на него с двух сторон: одни от Писека, а пльзенские паны, которых вел великий магистр Страконицкий, — от Стракониц. Когда Жижка миновал Штекень и шел краем, богатым широкими лугами и глубокими прудами, к Судомержице, настигли его враги и не дали ему возможности отступить и избежать неравного боя. Двигалось за Жижкой по пятам две тысячи одних всадников, все в непроницаемой, тяжелой броне. Страх и ужас наводили на всех эти «железные рыцари».

Но Жижка не пал духом. Со своим небольшим отрядом, вооруженным по большей части цепями, отступил он за пруд, называвшийся «Шкарედый», который был тогда спущен, выстроил здесь своих людей, а телеги поставил у самой плотины. И тогда, говорят, приказал он женщинам своего отряда разложить на илестом дне пруда, на траве и в камышах свои платки, шали и покрывала. Едва успели сделать это женщины, как показались отряды «железных рыцарей», и вскоре повсюду — по полям, лугам, по дну спущенного пруда — уже скакали тяжелые всадники. Оружие и доспехи их сверкали на солнце, над головами трепетали бесчисленные флажки.

¹ Лаврентий из Бржезовой. Указ. соч. С. 60.

На самый праздник благовещения, под вечер, в час молитвы, как рой шершней, слетелись со всех сторон «железные рыцари» к пруду, стремясь добраться скорее к несложному укреплению, состоявшему из плотины и нескольких повозок. С дикими торжествующими криками неслись они вперед. Думали рыцари, что если даже рукой не шевельнут они, мечом не ударят, копьем не взмахнут, а лишь конями начнут топтать тот жалкий сброд, все равно разнесут его на части конскими копытами. Но подъехать прямо к плотине на конях они не смогли. Спешились «железные рыцари», и большая часть их двинулась через пруд. С трудом брели они по вязкому дну, скользили, спотыкались и, приближаясь к плотине, начали падать. Шпорами рыцари запутывались в покрывалах, платках и шалях, и чем поспешнее пытались враги Жижки освободиться из этих сетей, тем сильнее запутывались, тем с большим трудом подымались и чаще падали. А сзади, тесня передних и сбивая их с ног, наступали всё новые и новые ряды. Строй рассыпался, смешался, началось смятение, и тут-то ударили «братья» на рыцарей. Били и молотили они их цепями так сильно, что чешуя на панцырях хрустела и шлемы трещали. Началась страшная свалка. Ужас, охвативший «железных рыцарей», достиг предела, когда увидели они небывалое диво: хоть было еще рано, но солнце закатилось так стремительно, словно его бросили за гору, и мгновенно настала такая густая тьма, что не видно было, кто кого бьет. В темноте «железные рыцари» начали колоть и рубить друг друга и наконец обратились в бегство. В беспорядке, с великим позором, понесся большие потери, спасались они, и многие в печали и злобе твердили: – Что делать, если мое копье их не колет, меч не сечет, а мой самострел в них не стреляет! Всю ночь провел Жижка на поле битвы, а на рассвете двинулся дальше и без затруднений добрался до Табора. Там его встретили с торжеством и великими почестями. Так у Судомержи защитил себя Жижка от многочисленной вражеской конницы женскими шалями и платками»¹.

Народные предания, связав победу у Судомержи с именем Яна Жижки, отразили, между прочим, и тот факт, что одним из её последствий было укрепление его позиций в качестве военного предводителя таборитов. Достигнутый успех давал для этого полное основание. Свою роль сыграло и то трагическое обстоятельство, что соратник Жижки, один из предводителей радикальных гуситов «господин Бженко, участвовавший непосредственно в ожесточённой схватке, был убит»².

Таким образом, вероломное нападение уверенных в лёгкой победе «железных панов» обернулось важными шагами на пути укрепления позиций радикальных гуситов в охваченной пламенем народного восстания стране и невольно способствовало полному раскрытию полководческого дарования Яна Жижки.

¹Ирасек А. Старинные чешские сказания. URL:https://thelib.ru/books/irasek_alois/stari_pnye_cheshskie_skazaniya-read-10.html (Дата обращения: 6.11.2020).

² Лаврентий из Бржезовой. Указ. соч. С. 60.

Аннотация: В статье говорится о событиях Смуты начала XVII в. в районе древнего русского города Алатыря. На материале малоизвестных источников показано, как местное население признало власть нового царя Михаила Романова и участвовало в походах царских воевод против внешних и внутренних врагов.

Ключевые слова: Смутное время, Алатырь, воевода, Печатный приказ, Н.И. Веселовский, персидское посольство.

A LITTLE KNOWN PAGE OF THE TIME OF TROUBLES: ALATYR IN 1614

Abstract: The article talks about the events of the Troubles at the beginning of the 17th century in the area of the ancient Russian city Alatyry. Based on the material of little-known sources, it is shown how the local population recognized the power of the new Tsar Mikhail Romanov and participated in the campaigns of the Tsar's governors against external and internal enemies.

Key words: Time of Troubles, Alatyry, voivode, Printed order, N.I. Veselovsky, Persian embassy.

Я. Н. Рабинович (Саратов)

События Смутного времени в крепости Алатырь еще недостаточно изучены. Наиболее подробные сведения приведены в книге современного исследователя Валерия Дмитриевича Кочеткова. Однако хронологические рамки книги охватывают значительный промежуток времени (150 лет). Кроме того, книга состоит из множества отдельных очерков, которые собраны по тематическому принципу (дети боярские, стрельцы, пушкари, церковь и т. д.), а не по хронологическому, поэтому в книге сложно найти связную информацию о событиях Смуты в Алатыре. Даже специальная глава, которая называется «Смутное время», содержит сведения о многих событиях и многих личностях, которые лишь косвенно связаны со Смутой. Зато в конце книги указаны в алфавитном порядке все известные воеводы Алатыря. Именно здесь в биографиях этих начальных людей города (П.И. Бутурлина, П.И. Черкасского, А.В. Хилкова), а не в главе, посвященной Смутному времени, можно найти ценные сведения о событиях Смуты в районе Алатыря, в том числе – после избрания Михаила Романова¹.

Ценная информация о событиях Смуты в Алатыре содержится в новом биографическом справочнике В.Д. Кочеткова, посвященном всем алатырским воеводам, служившим в этом городе на протяжении 225 лет², а также в книгах этого исследователя об Алатырском Троицком мужском монастыре³. Однако и в этих трудах сведения о том, что происходило на Алатыре в Смутное время, представлены отдельными фрагментами, из которых неподготовленному читателю трудно представить всю картину Смуты на данной территории.

¹ Кочетков В.Д. Город-крепость на Суре: Очерки истории Алатыря и уезда в XVI–XVII вв. Чебоксары, 2012.

² Кочетков В.Д. Алатырские воеводы. 1554/55–1779 гг.: Биографический справочник. Чебоксары: Новое время, 2020. 296 с.

³ Алатырский Троицкий мужской монастырь. Документы 1612–1703 годов / сост. В.Д. Кочетков, А.А. Чибис. Ульяновск: Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2015; Трудом и молитвой. Алатырский Троицкий мужской монастырь: очерки и документы / сост. В.Д. Кочетков и др. Чебоксары: «Новое Время», 2019.

Источники позволяют довольно подробно осветить события, происходившие в Алатыре в начальный период Смуты вплоть до избрания царем Михаила Романова. Весной 1605 г. произошел переход многих служилых людей Алатыря (детей боярских, служилых татар и мордвы) на сторону Лжедмитрия I под Кромами. Прибыв в Москву, самозванец наделил служилых людей из Алатыря (и других уездов) большими поместьями и денежными окладами, которые в те годы невозможно было реализовать.

Известно восстание алатырцев осенью 1606 г., выступивших против нового царя Василия Шуйского на стороне Ивана Исаевича Болотникова, когда был убит местный воевода Ждан Сабуров, а его помощник А.С. Нармацкий избит до полусмерти и посажен в тюрьму. В декабре 1606 г. – январе 1607 г. воеводы царя Василия Шуйского Г.Г. Пушкин и С.Г. Ододуров подавили восстание в этом регионе и установили контроль над Алатырем. Однако уже в конце 1608 г. мы наблюдаем массовый переход жителей Алатыря и соседнего Арзамаса на сторону нового самозванца, Лжедмитрия II. Несмотря на победы над мятежниками воевод Нижнего Новгорода и правительственных войск боярина Ф. И. Шереметева, контроль над Алатырем и Арзамасом царским воеводам не удалось установить вплоть до лета 1610 г. Только в конце мая – июне 1610 г. тушинцы потерпели здесь поражение¹. Кто был всё это время воеводой Алатыря, неизвестно.

Однако воеводы царя Василия Шуйского недолго сохраняли власть в этом регионе. Уже через месяц в июле 1610 г. в Москве свергли царя Василия. Судя по всему, Алатырь и Арзамас не признали новое правительство Семибоярщины и польского королевича Владислава, а снова перешли на сторону Лжедмитрия II, который устроил себе лагерь в Калуге. После убийства в декабре 1610 г. самозванца жители Алатыря уже в начале 1611 г. перешли на сторону освободительного движения и подчинялись сначала Прокопию Ляпунову, а затем – атаману И.М. Заруцкому и кн. Д.Т. Трубецкому. Вместе с руководителями ополчения жители Алатыря весной 1612 г. на несколько месяцев «целовали крест» очередному самозванцу, Псковскому вору Сидорке. В это время, по мнению В.Д. Кочеткова, воеводами Алатыря были Федор Семенович Пушкин и Федор Бессонов Дементьев², которые изначально являлись сторонниками Тушинского вора, а потом, как и многие бывшие тушинцы, поддержали руководителей Подмосковного ополчения. Ф.Б. Дементьев был в Подмосковном ополчении, в 1611 г. записан «по выбору» из Арзамаса³. Судя по данному источнику («Боярский список 119 году»), летом 1611 г. Федор Дементьев находился под Москвой. Трудно сказать, когда он приехал в удаленный от Москвы Алатырь. Что касается Ф.С. Пушкина, то В.Д. Кочетков привел сведения о том, что 21 февраля 1612 г., будучи воеводой Алатыря, Ф. С. Пушкин послал *«стрелецкого сотника Б. Мамина со стрельцами и посадскими людьми передать часть вотчины тургаковских мурз игумену Троицкого Алатырского монастыря Перфилию»*⁴. Документ, на который ссылается исследователь, датирован 12 февраля, в нем говорится про челобитную игумена Евфимия, затем указано, что вотчина была сдана игумену Перфилию, а в конце документа снова указан игумен

¹ Подробно об этих событиях см.: *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607 гг. М., 1951; Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II / отв. ред. Н.А. Мининков. М.: Наука, 2008.

² *Кочетков В.Д.* Город-крепость на Суре. С. 183–184.

³ Боярский список 119-го году сочинен до московского разорения при Литве с письма думного дьяка Михаила Данилова // Сторожев В. Материалы для истории русского дворянства // ЧОИДР. 1909. № 3 (230). С. 101.

⁴ *Кочетков В.Д.* Алатырские воеводы. С. 73

Перфилий, а над ним записан игумен «Еуфимий»¹. Видимо, в феврале 1612 г. речь идет все же о прежнем игумене Евфимии, а не о сменившем его в 1612/13 г. новом игумене Перфилии. В книге В. Д. Кочеткова в другом месте отмечено, что в феврале 1612 г. по «указу московских бояр и всея земли» была удовлетворена просьба «алатырского игумена Евфимия о переходе его маленькой запустевшей от воровских людей обители под защиту Троице-Сергиевой лавры». В труде П. М. Строева под 21 февраля 1612 г. указан игумен монастыря Евеимий (Евфимий), а Порфирий (Перфилий) – лишь в апреле 1613 г.²

Приведем еще сведения о трагической судьбе прежних настоятелей алатырского монастыря, служивших здесь до Евфимия и Перфилия (их имена неизвестны). Данный документ был обнаружен еще в середине XIX в. Капитоном Ивановичем Новоструевым и вошел в его рукопись об Алатырском Троицком монастыре, а впервые опубликован В.А. Кочетковым и А.А. Чибисом в 2013 г. В документе читаем: «И в смутные годы того монастыря дву игуменов в воду посадили, а третьево з башни скинули, а черново священника зарезали и монастырь розграбили; и наши жалованные вотчинные грамоты и всякие монастырские крепости поимали»³.

Летом 1612 г. алатырцы оказались перед выбором – какую власть признать? То ли ополчение Минина и Пожарского, то ли по-прежнему поддерживать Подмосковное ополчение Трубецкого, то ли подчиниться атаману Заруцкому, который бежал из-под Москвы в Коломну и на Рязанщину. Жителям в принятии окончательного решения помогло заключение в конце сентября 1612 г. союза между руководителями обоих ополчений. Теперь объединенное правительство возглавляли князь Трубецкой и Пожарский. Во все города в конце сентября 1612 г. были отправлены грамоты, в которых говорилось, что следует отныне подчиняться только тем указаниям, которые подписаны одновременно Трубецким и Пожарским⁴. В Алатырь в 1612 г. был отправлен воеводой князь Андрей Васильевич Хилков, который до этого был воеводой в Темникове. Трудно сказать, кто отправил А.В. Хилкова в Алатырь (Трубецкой или Пожарский). Вряд ли это произошло после объединения ополчений в конце сентября 1612 г., но воевода А. В. Хилков в дальнейшем поддерживал объединенное ополчение Трубецкого и Пожарского, а лазутчиков атамана Заруцкого приказал арестовать.

По мнению В.Д. Кочеткова осенью 1612 г. воевода А.В. Хилков руководил борьбой с вторгшимися на территорию уезда ногайцами. Кочевники проломали Пузские ворота на стыке Алатырского и Арзамасского уездов, которые были наиболее слабым звеном в Алатырской засечной черте. Пройдя через эти укрепления, кочевники вышли в пьянские степи к безлесному пространству близ р. Чеки, где было много густонаселенных сел и деревень. Были разорены много сел и деревень служилых татар, захвачен большой «полон» – главная цель таких

¹ Отдельные и отводные книги стрелецкого сотника Богдана Мамина на земли в Алатырском уезде, сданные тургаковскими мурзами Елушем Куломзиным с товарищами Троице-Алатырскому монастырю. 1612, февраля 12 // Алатырский Троицкий мужской монастырь. Документы 1612-1703 годов.... № 1. С. 26-27.

² Кочетков В.Д. Город-крепость на Суре. С. 56, 61, 212; Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 983.

³ Указная грамота царя Михаила Федоровича (приказа Казанского дворца) алатырскому воеводе Дементию Семеновичу Погожему о неправедном откупных денег за Баевский перевоз со старцев и служек Троице-Алатырского монастыря. 1618, сентября 15 // Алатырский Троицкий мужской монастырь. Документы 1612-1703 годов.... № 20. С. 54.

⁴ См.: Любомиров П.Г. Очерк истории нижегородского ополчения (1611–1613 гг.) М., 1939. С. 153.

набегов¹. В отражении этого нападения отличились стрелецкий сотник Богдан Мамин, мурза Баиш Разгильдеев и князь Ямаш мурза Мангушев. Напряженные бои происходили на р. Пьяне, д. Чукалах, в Ардатовском лесу. Ногайцы понесли большие потери, был убит ногайский мурза Курмамет, только в Ардатовском лесу было убито до 500 человек. 14 января 1613 г. Трубецкой и Пожарский за заслуги в отражении ногайского набега пожаловали мурзу Б. Разгильдеева в князья. При этом было сказано, что как только выберут нового царя, то он даст на то княжество «свою царскую жалованную грамоту за красной печатью»².

Источники позволяют сделать вывод, что нападение татар на Алатырский уезд происходило не осенью 1612 г. а несколько ранее, если только речь не идет о двух нападениях. Во всяком случае, еще в 7120 году, т.е. до 1 сентября 1612 г. татары уже возвращались с полоном и находились возле Самары (это могло происходить как осенью 1611 г., так и весной – летом 1612 г.). Тогда был взят в плен Авелейко Кучюков, «*нагайской тотарин Иштерекова улусу, Катайского роду*». Воевода Самары кн. Д.П. Лопата-Пожарский позже сообщал в Москву, что «*взят тот татарин в прошлом в 120-м году на перевозе ниже Самары в казачьих горах возились тотаровя с крымские стороны на нагайскую сторону с руским полоном, а воевали, государь, они на Русе Улаторский уезд*» (т.е. окрестности Алатыря). В другом документе вновь подчеркивается, что в 7120 году возвращались татары с русским полоном и что «*воевали они алаторский уезд*»³. Возле Самары ногайцы Иштерекова улуса были разбиты местными служилыми людьми.

В грамоте о пожаловании Баиша Разгильдеева говорится: «*Баишу Мурзе Разгильдееву за его многую службу и за раденье, что он в прошлом де во 120 году служил, как приходили Нагайские люди на Арзамаские и на Алатырские места, и воевода де князь Андрей Хилков велел ему збирать Алатырских мурз и Мордву и всяких служивых людей и послал де его воевода против Нагайских людей, и Нагайские люди воюют Арзамаския места и Алатырской уезд*». Далее приводятся подробности боя на р. Пьяне в д. Чукалах и в Ардатовском лесу. В итоге было освобождено много полоняников: «*И отгромили у Нагайских людей на том деле всяких людей семь тысяч*»⁴. В этом документе вновь подчеркивается, что данные события происходили «в прошлом 120 году», т.е. до 1 сентября 1612 г., а Андрей Хилков уже был в то время воеводой на Алатыре.

По мнению В.В. Трепавлова именно во время такого масштабного вторжения ногайцев в 1612 г. был уничтожен Саратов, а стрелецкий гарнизон (свыше 200 человек) ушел в Самару⁵

¹ Кочетков В.Д. Город-крепость на Суре. С. 33, 100–101.

² Список с грамоты с признанием за Баишем Мурзою Разгильдеевым, за многие службы и за отечество, княжеского достоинства данная по совету всей земли и по приговору воевод боярина князя Дмитрия Трубецкого и стольника князя Дмитрия Пожарского. 1613, января 24 // Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца (далее – МИЮ): в 5 т. Казань, 1882. Т. 1, № 51. С. 53–54.

³ Донесение царю воеводы Самары кн. Дмитрия Петровича Пожарского. 1613, после 17 декабря // Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией: в 3 т. / под ред. Н. И. Веселовского (далее – Веселовский Н.И. Памятники...). Т. 2: Труды Восточного отделения императорского Русского археологического общества. Т. 21. СПб., 1892. С. 164–165; Царская грамота на Самару воеводе кн. Дмитрию Петровичу Пожарскому-Лопате. 1614, января 29 // Веселовский Н.И. Памятники... Т. 2. С. 182.

⁴ Список с грамоты... 1613, января 24 // МИЮ. Т. 1, № 51. С. 53–54.

⁵ Трепавлов В.В. История Ногайской орды. Казань: Казанская недвижимость, 2016. С. 356.

В конце ноября 1612 г. в Алатырь от руководителей ополчения Трубецкого и Пожарского пришла грамота с предложением срочно прислать выборных людей для избрания нового царя. Предписывалось кликать «бирючем» о выборе «из Собору из дворян и из детей боярских, и изо всяких служилых и ис посацких людей и из уездных черных волостей и велеть им ехать к нам к Москве наспех для великого Божия и земского дела»¹.

Выборные из Алатыря, скорее всего, успели приехать в Москву к моменту избрания царя. В конце февраля – начале марта 1613 г. в Москве было много служилых людей из Алатыря, как русских людей, так и мордвы и татар. Об этом свидетельствуют многочисленные челобитные того времени, краткое содержание которых зафиксировано в пошлинной книге Печатного приказа. Известно, что Алатырь сразу же признал нового царя. В царской грамоте Земскому собору от 18 апреля было отмечено: «Да из Понизовых городов: из Чебоксар, из Кузьмодемьянска, из Олаторя, из Курмыша к нам писали, что они нам крест целовали»².

В самом начале 1613 г. на смену воеводе кн. А.В. Хилкову в Алатырь был назначен воеводой Петр Иванович Бутурлин (первые известные грамоты из Москвы к нему идут от 11 марта 1613 г.). Летом 1613 г. в Алатырь в помощь П.И. Бутурлину прибыл второй воевода – Семен Яковлевич Беклемишев. Известно, что еще в начале июня 1613 г. он находился в Москве, хлопотал о старой своей вотчине, по его челобитью 12 июня было принято положительное решение³.

Летом 1613 г. в Алатырь получил назначение еще один начальный человек – дьяк Иван Сукин. С.Б. Веселовский указывает дату 3 августа 1613 г., только непонятно, получил ли И. Сукин в этот день в Москве назначение в Алатырь или уже прибыл к новому месту службы (дорога от Москвы до Алатыря занимает обычно 2–3 недели, а то и больше). Во втором случае исследователь обычно ставит дату, если он обнаружил первый документ из Алатыря от этого числа за подписью И. Сукина, либо первую грамоту из Москвы, адресованную этому человеку в Алатырь⁴.

Наличие трех начальных людей в таком отдаленном небольшом городе было вызвано рядом обстоятельств, на которые обратил внимание В.Д. Кочетков. Прежде всего, следует учесть, что данный уезд в предыдущий период Смуты избежал сильного разорения, разруха обошла уезд стороной; поляки, черкасы, воровские казаки, повстанцы (после подавления восстания Болотникова) здесь не воевали. Исключение составляет прорыв ногайских татар через засеку в 1612 г. Уезд мог стать «донором» для разоренного центра. Как увидим далее, припасы из Алатырского уезда поступали и в другие регионы. Кроме того, необходимо было здесь в пограничных землях навести порядок в поместных делах, в землевладении. Каждая власть издавала указы, жаловала земли. Уезд был многонациональным, многоконфессиональным, землями владели служилые люди, как русские, так и татары и мордва. В.Д. Кочетков приводит следующие

¹ Цит. по: Кочетков В.Д. Город-крепость на Суре. С. 100. Ранее были известны только две призывные грамоты (на Белоозеро и на Двину). По-видимому, автор в РГАДА нашел третью грамоту – на Алатырь.

² Царская грамота Земскому совету, о принятии присяги государю жителями городов Казанского царства и о назначении государем воевод в Казань и Свияжск. 1613, апреля 18 // Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии: в 4 т. СПб., 1850. Т. 1. Прилож. № 36. Стб. 1123.

³ Записная пошлинная книга (27 февраля – 12 августа 1613 г. // Документы Печатного приказа 1613–1615 гг. М., 1994 (далее – Записная пошлинная книга...). С. 157.

⁴ Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 500.

цифры: только за период с 27 февраля по 12 августа 1613 г. в уезде 64 человека получили подтверждение на старые «дачи», 42 человека получили новые земли или делили старые. Десятки документов получили служилые татары. *«Одни заголовки челобитных, зарегистрированных в Печатном приказе (главной нотариальной конторе), свидетельствуют о многообразии решаемых вопросов»*. К примеру, уточнялись земельные владения казаков Барышской слободы, к этим казакам был назначен сотник Богдан Мамин. Был урегулирован вопрос с ценами на кабаки. Эти два алатырских кабака взяли на оброк Михаил Пафомов и Иван Ворыпаев. Казачьим головой в Алатыре стал Бажен Топорнин, а губным старостой – Василий Хватов. Был испомещен Злоба Тимашев, его записали в алатырскую десятню и справили за ним послужной список¹.

Размеры данной статьи не позволяют указать имена всех 64 служилых людей, которые получили подтверждение на старые «дачи» или 42 человек, кто получил новые земли или поделил старые. Стоит лишь отметить, что первые пожалования алатырцам были даны не 27 февраля, когда начинаются записи в Пошлинной книге Печатного приказа, а несколько позднее – 11 марта. Можно привести три первых таких грамоты от 11 марта, в которых главными фигурантами дела является алатырская мордва.

11 марта 1613 г. запечатана грамота на Алатырь к воеводе Петру Бутурлину по челобитной мордвина Чердыша Худякова, *«велено землю его отмежевать от Куды да от Тяпы Учетовых и столбы вкопать по-прежнему»*. В тот же день была запечатана другая грамота на Алатырь, адресованная князю Енбарс-мурзе Еналееву *«по челобитью мордвина Шилдяша Нороватого на мордву же на Такая Казнеева да на Альгаса Катеева о управе в вотчинном владении и насильстве»*. Третья грамота была отправлена воеводе Петру Бутурлину по челобитью Худячка Тотардаева. Он жаловался на мордву на *«Ику да на Карда, Утяпу Учетовых в насильстве»*, просил на них управу. Воеводе было предписано удовлетворить просьбу Тотардаева и выпустить из тюрьмы его сына².

Эти и другие грамоты от марта 1613 г. свидетельствуют, что в период избрания Михаила Романова в конце февраля в Москве находились выборные из Алатыря (мордва, татары и русские люди), которые тогда же подали свои челобитные. Уже через две – три недели по этим челобитным было принято положительное решение.

Одна из задач воевод Алатыря, как и других городов – это сбор и отправка служилых людей для участия в различных походах войск нового царя Михаила Романова, причем – на большом удалении от родных мест этих служилых людей. Основная угроза в то время исходила от атамана Заруцкого, от поляков и шведов. Участие служилых людей Алатыря в походе войска кн. И.Н. Одоевского весной – летом 1613 г., в результате которого Заруцкий вначале был вытеснен из Рязанщины, а потом разбит под Воронежем и бежал в Астрахань, в источниках не отмечено. Зато осенью 1613 г. – весной 1614 г. мы видим 50 алатырских детей боярских в войске кн. Д. М. Черкасского под Смоленском. Другой отряд алатырцев был отправлен в феврале 1614 г. в поход в Литовскую землю войска князя Алексея Львова, Перфирия Секерина и Осипа Прончищева. В этот отряд входили 100 алатырских детей боярских и 230 татар (в разрядах записано *«да князей и мурз 230 человек»*). Правда, воеводы жаловались, что *«ис Алатыря воеводы детем боярским и татаром имянных списков февраля по 7 число не присылавали»*. Возможно, что мобилизация этого отряда алатырцев несколько затянулась.

¹ Кочетков В.Д. Город-крепость на Суре. С. 176–177.

² Записная пошлинная книга... С. 28.

В дальние походы изначально не привлекалась алатырская мордва. Однако, в апреле 1614 г., когда на Алатыре планировался сбор конной рати кн. Ю.Я. Сулешова и Н.П. Борятинского, предназначенной для похода к Астрахани против атамана Заруцкого, в состав этой рати планировалось включить «алатарские мордвы 200 человек»¹.

Воеводам П. И. Бутурлину, С. Я. Беклемишеву и дьяку И. Сукину пришлось заниматься еще другими важными делами. Под конец службы им пришлось решать задачи, связанные с приемом и отправкой из Нижнего Новгорода через Алатырь и далее через Самару в Персию первого посольства царя Михаила Романова. Необходимо было восстановить нарушенные во время Смуты дипломатические и торговые связи с Персией. Эта страна занимала значительное место в общем внешнеторговом обороте России. Было решено отправить из Москвы посольство во главе с дворянином Михаилом Никитичем Тихановым и подъячим Алексеем Бухаровым. Вместе с русскими послами домой в Персию возвращался персидский посол Амир Али бек, задержавшийся в России из-за Смуты (он прибыл в Астрахань ещё в 1608 г., затем долго находился в Тушино). Документы Посольского приказа позволяют выяснить точное время отправки посольств из Нижнего Новгорода на Самару через Алатырь². После Самары предписывалось по последнему зимнему пути идти через Яик на Эмбу, а далее через земли Хивинского ханства (Юргенч) в обход мятежной Астрахани, где в это время находился атаман Заруйкий.

Сохранилось донесение алатырских воевод П.И. Бутурлина, С.Я. Беклемишева и дьяка И. Сукина царю Михаилу Романову от 11 февраля 1614 г., в котором они сообщали, что русское и персидское посольства прибыли в Алатырь 7 февраля 1614 г.³ Из других источников мы узнаём, что послы выехали из Нижнего Новгорода 30 января, следовательно, дорога до Алатыря заняла 8 дней. Для обеспечения дальнейшего безопасного маршрута воеводам Алатыря Бутурлину, Беклемишеву и Сукину пришлось принимать особые меры.

Известен полный состав обоих посольств, которые оказались в Алатыре. Русское посольство возглавлял дворянин Михаил Никитич Тиханов. С ним было 10 слуг, а также стрелецкий сотник и 4 стрельца. Эти люди должны были сопровождать посла все время до Персии и обратно. Михаилу Тиханову и его людям было выдано в Нижнем Новгороде 35 лошадей. Второй посол – подъячий Алексей Бухаров с двумя своими людьми (им дано 12 лошадей). В состав русского посольства также входили 3 толмача (Семен Герасимов, Иван Есипов и Семен Лежнев) с тремя слугами (им дано 18 лошадей).

Персидское посольство возглавлял посол Амир Али бек со свитой (3 дворян и 12 слуг). Им было дано 50 лошадей.

Таким образом, оба посольства насчитывали 40 человек, включая слуг, 115 лошадей (вначале планировалось выдать в Нижнем Новгороде 137 лошадей).

Всем членам обоих посольств и их людям были даны в Нижнем Новгороде запасы продовольствия на 3 месяца с учетом того, что в Алатыре и Самаре запасы продуктов ограничены. Дьяки в Москве рассчитывали, что этих запасов на 3 месяца хватит, чтобы дойти «до первого шахова города»⁴.

¹ Разрядная книга 1613–1614 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 254, 265, 266.

² *Веселовский Н.И.* Памятники... Т. 2.

³ Донесение царю Михаилу Романову алатырских воевод Петра Бутурлина, Семена Беклемишева и Ивана Сукина от 11 февраля 1614 г. // *Веселовский Н.И.* Памятники... Т. 2. С. 213.

⁴ Подлинная роспись. Отпуск из Нижнего Новгорода русского и персидского посольств (Тиханова и Амир Али бека), размер запасов, еды, денег, количество лошадей.

Сопровождали послов из Нижнего Новгорода до Алатыря стрелецкий голова Иван Остренев и 30 конных стрельцов. В качестве возчиков при послах до Алатыря были отправлены еще 18 стрельцов¹. Всего 7 февраля 1614 г. в Алатырь приехало свыше 90 человек.

Стрелецкий голова Иван Остренев был «по совместительству» приставом при персидском после. Ему было дано особое задание – тайно выкрасть у персидского посла польских и литовских людей, которых посол сумел как-то добыть в Нижнем Новгороде. Мы знаем, что часть польского гарнизона Кремля после капитуляции 27 октября 1612 г. была отправлена в Нижний Новгород (можно добавить, что и в Алатыре были такие пленные, некоторых из них здесь даже крестили в православную веру, это были французы). В Москве были очень недовольны действиями шахова посла, который вез с собой пленников, но ничего не могли поделать – дружба и союз с шахом Аббасом были важнее. Однако И. Остреневу не удалось в Алатыре выполнить это указание: осторожный Амир Али бек своих пленников держал все время скованными под чутким присмотром².

Воеводам Алатыря было дано указание – заменить усталых и больных лошадей членов посольства. Этим лошадям для замены было приказано взять в Алатыре «у детей боярских, и у стрельцов, и у казаков, и у татар, и у мордвы, и дворцовых волостей у всяких людей». Деньги за взятых лошадей воеводы должны были отдать хозяевам лошадей из алатырских доходов. Также предписано было выделить провожатых из Алатыря до Самары одного или двух вожей (проводников), а для охраны посольств – стрельцов или казаков, человек тридцать. Иван Остренев со своими людьми, доставив послов в Алатырь, свою миссию выполнили. Они должны были из Алатыря вернуться домой в Нижний Новгород. В Алатыре послы не должны были задерживаться, а сразу отправляться дальше на Самару. Воеводы Алатыря должны были оперативно подготовить замену лошадей.

П.П. Бушев отмечал, что из Нижнего Новгорода вместе с посольством выехал на Алатырь один из начальных людей города: «Для предотвращения дальнейших задержек в пути посольствам дали сопровождающего – дьяка Андрея Вареева»³. Источник информации указан не был, у Н.И. Веселовского этих сведений нет. С трудом верится, что в такой ответственный момент один из воевод города надолго мог покинуть свой пост.

Воеводы Алатыря П.И. Бутурлин, С.Я. Беклемишев и дьяк И. Сукин докладывали, что они заменили 10 усталых лошадей, взяв свежих лошадей у жилецких и служивых людей в Алатыре. В качестве провожатых были отправлены 26 алатырских казаков. В документе воеводы прямо указывали: «... да провожатых дватцать шесть человек казаков дали»⁴. В книге П.П. Бушева читаем:

Приложение к донесению воевод Нижнего Новгорода. 1614, 7–8 февраля // Веселовский Н.И. Памятники... Т. 2. С. 206–209.

¹ Донесение царю воевод Нижнего Новгорода боярина кн. Владимира Ивановича Бахтеярова Ростовского, Семена Матвеевича Глебова и дьяка Андрея Вареева. 1614, января 30 // Веселовский Н. И. Памятники... Т. 2. С. 204.

² Донесение царю воевод Нижнего Новгорода боярина кн. В.И. Бахтеярова Ростовского, С.М. Глебова и дьяка А. Вареева. 1614, января 30 // Веселовский Н. И. Памятники... Т. 2. С. 201–205; Донесение царю воевод Нижнего Новгорода боярина кн. В.И. Бахтеярова Ростовского, С.М. Глебова и дьяка А. Вареева. 1614, после 14 февраля // Веселовский Н.И. Памятники... Т. 2. С. 215–216.

³ Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. (по русским архивам). М., 1987. С. 29.

⁴ Донесение царю Михаилу Романову алатырских воевод Петра Бутурлина, Семена Беклемишева и Ивана Сукина. 1614 г., февраля 11 // Веселовский Н.И. Памятники... Т. 2. С. 213–215.

«30 нижегородских стрельцов здесь были заменены 26 алатырскими»¹. У читателей труда П.П. Бушева может сложиться ошибочное мнение, что это были алатырские стрельцы (на самом деле – казаки). Воеводы Алатыря также дали в качестве сопровождающего одного вожа, который хорошо знал дорогу до Самары. В Алатыре послы находились 4 дня. 11 февраля оба посольства выехали из Алатыря на Самару. Воеводы отказались дать конский корм послам, ссылаясь на то, что в грамотах не было указаний насчет корма. Без царского указа воеводы не стали собирать корм с уезда (да и времени на сбор корма не было, послов надо было срочно отправлять далее), а на Алатыре, по отписке воевод, в государевых житницах запасов никаких нет. Это донесение уже 26 февраля 1614 г. было доставлено в Москву с алатырцем Самсоном Степановым. Время на доставку донесения было затрачено две недели, учитывая, что воевода отправил гонца с письмом сразу же после отъезда послов из Алатыря 11 февраля².

7 февраля, в тот день, когда посольство прибыло на Алатырь, из Москвы были доставлены в Нижний Новгород царские грамоты, которые необходимо было передать посланнику Михаилу Тиханову. Это были охранные грамоты владетелям калмыцких и ногайских кочевий, через территорию которых предполагался маршрут посольств. Так как Тиханова в Нижнем Новгороде уже не было, то местные воеводы отправили грамоты в тот же день вдогонку посольству на Алатырь с нарочным гонцом стрельцом Дружиной Фроловым. Вполне возможно, что он успел за 4 дня с 7 до 11 февраля добраться из Нижнего Новгорода до Алатыря и накануне отъезда послов передать М.Н. Тиханову эти грамоты.

14 февраля в Нижний Новгород пришло письмо от М.Н. Тиханова, в котором говорилось, что послы отправились 11 февраля из Алатыря не напрямую на Самару, а на Тетюши, а оттуда уже пойдут вдоль Волги на Самару. Вожи объясняли, что степью напрямую на Самару из Алатыря не пройти из-за больших снегов, а на Тетюши ведет прямая гладкая дорога через жилые мордовские деревни³. Это очень важное дополнение. Получается, что в начале 1614 г. все пространство между Алатырем и Тетюшами было уже густо заселено, в основном – мордовскими крестьянами. П.П. Бушев отмечал, что «нелегкий зимний путь по безлюдной студеной степи от Алатыря до Самары был проделан за 16 дней». Будем считать, что первая половина этого пути была все-же не очень тяжелой, по сравнению со второй половиной от Тетюшей до Самары, а особенно – по сравнению с тем, что предстояло посольству после Самары.

С Тетюшей планировалось идти на Самару вдоль Волги. Посольство благополучно добралось до Самары 28 февраля, после чего провожатые из Алатыря казаки были отправлены обратно домой. В Самаре послы находились довольно долго, готовясь к дальнейшему тяжелому маршруту – до 25 марта. Из Самары послов сопровождали в качестве охраны уже самарские стрельцы. Дальнейший маршрут посольства выходит за рамки настоящего исследования.

Документы об отправке посольства М.Н. Тиханова раскрывают еще одну сторону деятельности воевод Алатыря, на которую исследователи еще не обращали внимание. Из донесения воеводы Самары кн. Д.П. Пожарского мы узнаем, что хлеб для жителей Самары привозили два раза в год: в сентябре – водным путем из Казани (Сергиевский срок), а в марте – по последнему твердому

¹ Бушев П.П. История посольств... С. 29.

² Донесение царю Михаилу Романову алатырских воевод Петра Бутурлина, Семена Беклемишева и Ивана Сукина. 1614 г., февраля 11 // Веселовский Н.И. Памятники... Т. 2. С. 213-215.

³ Донесение царю воевод Нижнего Новгорода боярина кн. Владимира Ивановича Бахтеярова Ростовского, Семена Матвеевича Глебова и дьяка Андрея Вареева. 1614, после 14 февраля // Веселовский Н.И. Памятники... Т. 2. С. 215–216.

снежному покрову – по суше из Алатыря (это так называемый Благовещенский срок). Правда, воевода Самары в начале марта 1614 г. жаловался, что хлеб из Алатыря к 5 марта еще не был привезен¹.

Из другого документа мы узнаем, что вскоре после отправки этого донесения обоз с хлебом все же прибыл в середине марта из Алатыря в Самару. Выходит, что вслед за послами в конце февраля 1614 г. из Алатыря напрямую в Самару был направлен обоз с продовольствием (хлебными запасами), который сопровождали алатырские дети боярские. Воевода Самары, чтобы обеспечить посольство Тиханова свежими лошадьми для дальней дороги, решил взять этих лошадей у алатырских детей боярских, приехавших с обозом. Однако из этого ничего не вышло, персидский посол забраковал лошадей, отказался их брать. Сам кн. Д.П. Пожарский сообщал царю следующее: «*И я, холоп твой, велел выбрать у детей боярских у алаторцов, х которым приехали с хлебными запасы, которые лошади нарочиты, и послал к шахову послу Амир Али беку, и он лошадей не взял и прислал назад ко мне, холопу твоему, а сказал, что лошади худы. А лутче тех лошадей в Сомарском нет, добыть не мочно*»².

Через месяц после отправки посольства Тиханова из Алатыря воеводам Бутурлину и Беклемишеву пришло распоряжение из Москвы, в котором говорилось, что в ближайшее время произойдет смена воевод, что в Алатырь уже назначены новые воеводы – князь Петр Иванович Ахамашуков-Черкасский и Григорий Иванович Феофилаьев.

Первые сведения о воеводе Алатыря кн. П.И. Ахамашукове-Черкасском приведены в наказе от 3 апреля 1614 г. воеводам конной рати кн. Ю.Я. Сулешову и кн. Н.П. Борятинскому. В этом наказе прямо сказано, что, прибыв на Алатырь, эти воеводы должны взять «у князя Петра Ахамашукова» списки местных служилых людей, предназначенных для участия в походе³. В наказе воеводам конной рати кн. Ю.Я. Сулешову и кн. Н.П. Борятинскому от 3 апреля 1614 г. указан только один воевода Алатыря Петр Черкасский, но мы знаем, что Г.И. Феофилаьев прибыл в Алатырь вместе с ним, так как донесение от мая 1614 г., о котором речь пойдет далее, подписано обоими воеводами.

Известно, что в конце марта 1614 г. будущий второй воевода Алатыря дворянин московский Г.И. Феофилаьев еще находился в Москве, когда проводился сыск о службе кн. В. Борятинского⁴. Вскоре после проведения данного сыска уже в апреле 1614 г. Г.И. Феофилаьев был назначен в Алатырь вторым воеводой. В Дворцовых разрядах за 1613/1614 г. записано: «*На Олатыре воевода Петр Иванов сын Бутурлин; и Петру велено быть к Москве, а на Олатырь послан князь Петр Ахамашукович Черкасской да Григорей Иванов сын Фефилаьев*»⁵. Здесь пропущены помощники П.И. Бутурлина – С.Я. Беклемишев и дьяк И. Сукин, которые до последнего времени продолжали нести службу вместе с П.И. Бутурлиным. Кроме того, дьяк И. Сукин остался в Алатыре и при новых воеводах. В конце 1614 г. – начале 1615 г. Ивана Сукина сменил на Алатыре дьяк Иван Поздеев. По-видимому, тогда же второй воевода

¹ Донесение царю воеводы Самары кн. Дмитрия Петровича Пожарского. 1614, марта 5 // *Веселовский Н.И.* Памятники... Т. 2. С. 227–230.

² Донесение царю воеводы Самары кн. Дмитрия Петровича Пожарского. 1614, после 7 марта // *Веселовский Н.И.* Памятники... Т. 2. 223–224.

³ Разрядная книга 1613–1614 гг. С. 267.

⁴ Подробную биографию Г.И. Феофилаьева см.: *Рабинович Я.Н.* Воеводы левобережного Саратова (1616–1641). 2-е изд. перераб. и доп. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2014.

⁵ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 153; Разрядная книга 1613-1614 гг. С. 297.

Г.И. Феофилаьев уехал из Алатыря. В Книгах разрядных за 1614/1615 г. отмечено: «*На Алатаре воевода князь Петр Ахамашуков-Черкасской да дьяк Иван Поздеев*»¹.

Важный источник о начале службы кн. П.И. Ахамашукова-Черкасского и Г.И. Феофилаьева в Алатыре – отписка этих воевод о набеге нагайских татар². Мы узнаем из этого источника точное время прибытия в Алатырь этих воевод (апрель 1614 г.) и меры, предпринимаемые ими по отражению вражеского набега, а также – состав гарнизона Алатыря.

Составление данного документа имеет свою историю. Ранней весной 1614 г. в Казани и других Поволжских городах формировалась судовая рать под командованием кн. И.Н. Одоевского, предназначенная для похода на Астрахань против атамана Заруцкого. Воеводы всех понизовых городов в оперативном отношении подчинялись кн. И.Н. Одоевскому и обязаны были докладывать ему обо всех происшествиях. Со своей стороны атаман Заруцкий планировал весной 1614 г. начать из Астрахани поход на Казань в союзе с ногайскими татарами и волжскими казаками. Ближайшей целью его похода была Самара. К началу мая передовые отряды войска Одоевского были уже в Самаре, а сам воевода также готовился выступить из Казани на юг с главными силами.

6 мая к воеводе И.Н. Одоевскому приехал из Самары донской атаман Иван Анисимов (с ним 7 казаков) и сообщил тревожную новость о том, что Заруцкий вместе с князем Иштереком ранней весной послал из Астрахани в набег на Русь «войною» ногайских юртовских татар в количестве 20 тысяч всадников (цифра явно завышенная). В районе городища Царицына (город еще не был к тому времени восстановлен) у Сарпинских озер татары переправились через Волгу «на масляной неделе» и направились в сторону Алатыря.

Из другого документа (письмо воеводы Самары Д.П. Пожарского боярину И.Н. Одоевскому) известно, что И. Анисимов приехал в Самару 23 апреля «водяным путем, в лодках» с низовьев Волги, где вел переговоры с волжскими казаками. Далее идет повторение, что «*Заруцкой де с Ищереком послали Нагайских татар и Астороханских юртовских татар на Русь войною, на Темниковские и на Олаторские места, двадцать тысяч по пластом, а Сарпу де те воинские люди перелезли на масляной недели, и многих де казаков донских на переходе в полон поймали а иных порубили*». В конце данного документа отмечено, что Анисимов привез письмо воеводы Самары кн. Одоевскому 6 мая³.

Учтем, что пасха в 1614 г. была 24 апреля, масляная неделя – это первые числа марта, так что татары уже около двух месяцев находились на правом берегу Волги.

Получив 6 мая это сообщение донского атамана И. Анисимова, воевода кн. И.Н. Одоевский немедленно отправил гонца Афанасия Прокопьева с письмом на Алатырь. Это письмо было адресовано прежним воеводам Петру Бутурлину, Семену Беклемишеву и дьяку Ивану Сукину. По-видимому, кн. И.Н. Одоевский ещё не знал, что к тому времени в Алатыре уже произошла смена воевод, и новые воеводы кн. П. И. Черкасский и Г.И. Феофилаьев только что (в конце апреля)

¹ Книги разрядные по официальным оных спискам: в 2 т. СПб., 1853. Т. 1. (1614–1627). Стб. 80.

² Отписка Алатырских воевод князя Черкасского и Феофилаьева к воеводам князю Одоевскому и Головину, о набеге на Алатырь Нагайских татар. 1614 между 13 мая и 9 июня // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ): в 5 т. СПб., 1841. Т. 3 (1613–1645), № 11. С. 12.

³ Отписка Самарского воеводы князя Димитрия Пожарского воеводам князю Ивану Одоевскому и Семену Головину, о вестях Астраханских и о намерении Волжских казаков действовать против Заруцкого. 1614, конец апреля // АИ. Т. 3. № 257. С. 424.

прибыли в Алатырь. Из прежних воевод с ними остался только дьяк Иван Сукин. Гонец доставил это тревожное письмо в Алатырь 12 мая. Возможно, что еще раньше воеводы Алатыря (нынешние или прежние) отправили на юг, в «поле» небольшие отряды – «сторожи». Эти «сторожи» стояли на некотором отдалении от города «на отъезжих польских караулах». Для контроля несения службы этими сторожами были посланы воеводами Алатыря специальные дозорщики. Вроде бы все было предусмотрено. Однако эта разведка дала сбой. Трудно сказать, что в действительности произошло, возможно, что татары сумели ликвидировать этих сторожей и дозорщиков, но факт остается фактом. Татары внезапно напали на ближайшие окрестности Алатыря и захватили много полона и стада скота. Это произошло в ночь с 12 на 13 мая, так что воеводам, получившим через гонца Афанасия Прокопьева 12 мая тревожное предупреждение о планируемом набеге, времени практически не оставалось.

Воеводы Алатыря в своей отписке сообщали, что 13 мая в третьем часу дня прибежал в Алатырь выездной казак Гришка Константинов и сказал, что видел ногайских татар в трех верстах от города на Караульной горе. Учитывая время восхода солнца в этот день, данное событие произошло около 6 часов утра. По словам этого казака, татар было до 500 человек. Они отгоняли стада, пасущиеся возле города. О том, что нападение татар оказалось неожиданным для воевод, свидетельствует тот факт, что в это тревожное время выездные казаки спокойно ездили делить пашню, и встреча их с татарами была неожиданной для казаков.

Несмотря на внезапность нападения, воеводы Алатыря сумели быстро мобилизовать все имеющиеся силы. Они послали против татар казаков во главе с казачьим головой Иваном Осорьиним, собрали всех, у кого были лошади в городе. Упоминание казачьей головы свидетельствует о том, что костяк гарнизона Алатыря в то время составляли городские казаки.

Встреча с татарами произошла на той же Караульной горе. Здесь же начался бой. В ходе этого боя успех был на стороне защитников Алатыря. Татары бежали, бросив пленных и коровье стадо. Воеводы писали: «И с ними дралися, и стадо у них коровье и полонеников, мужиков и женок и робят сто тридцать сем человек отбили». Однако конские стада татары сумели все-таки угнать. Отметим, что в Алатыре в это время было очень много лошадей, которые паслись в окрестностях города, если татары сумели захватить и отогнать конские стада (стада указаны во множественном числе). Если бы эти стада были три месяца назад (в начале февраля), тогда бы не было проблем с транспортом у посольства М.Н. Тиханова.

Воеводы Алатыря в своей отписке сообщали Одоевскому, что про данные события они писали в соседний город Темников местному воеводе Михаилу Дмитриеву. Ценность данного документа состоит в том, что это подлинник. Он случайно сохранился. Воевода Одоевский получил данную отписку алатырских воевод 9 июня, будучи уже в освобожденной от Заруцкого Астрахани. Именно в этот город привез ее 9 июня гонец из Алатыря Василий Шелимов¹.

Боярин кн. И.Н. Одоевский после освобождения Астрахани длительное время оставался здесь воеводой, поэтому этот документ так и остался в архиве Астраханской приказной избы. Благодаря этому он уцелел, а не сгорел вместе с другими документами в Москве во время майского пожара 1626 г. Он не пропал в 1701 г., когда в ходе очередного пожара сгорел весь архив приказа Казанского дворца. В дальнейшем он был в архиве Астраханского губернского правления, пока в XIX в. его вместе с другими документами не передали в Санкт-Петербург, где члены Археографической комиссии его опубликовали.

¹ Отписка Алатырских воевод князя Черкасского и Фефиладельца... // АИ. Т. 3. № 11. С. 12.

Публикаторы указали дату составления данного документа между 13 мая и 9 июня. Первая дата – время нападения татар, а вторая – время доставки письма воеводе И.Н. Одоевскому. Эту дату составления письма можно уточнить. Расстояние от Алатыря до Астрахани довольно значительное. Гонец, скорее всего, был отправлен сразу же после этих событий воеводами Алатыря в Казань или Тетюши, где, по их мнению, в то время должен был находиться воевода И. Н. Одоевский. Однако, воевода Одоевский уже числа 12–14 мая отплыл в сторону Самары, поэтому гонец уже не застал его в Казани или в Тетюшах. Известно, что 17 мая Одоевский был в Самаре, 23 мая – на Саратовском городище (передовые отряды были в районе Саратова 21 мая, искали там колокола), а 27 мая – возле Царицына, у устья Сарпы.

1 июня состоялся торжественный въезд боярина И.Н. Одоевского в освобожденную Астрахань (причем, освобожденную не его людьми, а терскими стрельцами Василия Хохлова и самими астраханцами). Гонец из Алатыря Василий Шелимов с письмом двигался по маршруту войска Одоевского вслед за ним, но не догнал его ни в Самаре, ни на Саратовском городище, ни возле Царицына. Только 9 июня это донесение было доставлено в Астрахань. От этой даты 9 июня следует отнять примерно три недели на дорогу. Получим, что данное письмо было написано где-то около 15 мая, вскоре после этих событий 13 мая, сразу же после отправки аналогичного письма в соседний город Темников.

Учтем, что Алатырь был назначен сборным пунктом для конной рати воевод Юрия Яншевича Сулешова и князя Никиты Петровича Борятинского, предназначенной для похода степью против ногайцев и Заруцкого. Время сбора этой конной рати было определено «на Велик день», т.е. на Пасху (24 апреля). В разрядной записи в наказе этим воеводам от 3 апреля 1614 г. читаем: «*А збиратца им указал государь со всею ратью на Алаторе, а срок указал государь идти из городов ратным людем на Алатаре велик день нынешнего 122-го году*»¹. Однако сбор этой рати задерживался, многие отряды служилых людей должны были прибыть на Алатырь из центральных уездов страны. Фактически сбор войска завершился на месяц позже, только в конце мая. Воеводы Ю.Я. Сулешов и кн. Н.П. Борятинский писали боярину кн. И.Н. Одоевскому в конце мая или в начале июня 1614 г., что они по царскому указу «*присланы на Алатырь, против вора Ивашка Заруцкого и оберегать от Крымских и от Нагайских людей*». В этом войске находились дворяне и дети боярские из Рязани, Каширы, Тулы, Алексина, Мценска, Новосили, Черни, Половы Соловы, а также «*иные многие Украинские города, и стрелцы и казаки многие, с огненным боем*». Только 29 июня это письмо привез в Астрахань воеводе Одоевскому Федор Кутуков. По-видимому, его маршрут в основном повторял маршрут первого гонца из Алатыря Василия Шелимова, и в итоге письмо было доставлено адресату лишь через месяц. Отправляя письмо, Ю.Я. Сулешов и Н.П. Борятинский понятия не имели, где находился в то время воевода Одоевский, они не знали, что Астрахань уже освобождена, просили Одоевского сообщать им «*всякие вести про вора про Ивашка Заруцкого, что его завод воровской, и нас без вести не держать*»².

¹ Наказ, (в списке), данный государем царем Михаилом Федоровичем воеводам стольнику князю Юрию Сулешеву и князю Никите Борятинскому: о бытии им на государевой службе в Алатыре и о походе конною ратью на мятежника Ивашку Заруцкого и его соумышленников. 1614, апреля 3 // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностраннных дел (далее - СГГД). М., 1822. Ч. 3, № 19. С. 91; Разрядная книга 1613–1614 гг. С. 267; Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 123.

² Отписка князей Ю.Я. Сулешева и Н. П. Борятинского к астраханским воеводам князю И.Н. Одоевскому и С.В. Головину о прибытии своем в Алатырь. 1614, конец мая или начало июня // АИ. Т. 3, № 16. С. 15.

Этот поход конной рати так и не состоялся, мобилизация служилых людей проходила медленно, а тут еще потеря табунов лошадей в Алатыре! В итоге – с Заруцким справились и без этой конной рати, а ногайские татары вскоре присягнули Михаилу Романову.

В Книгах разрядных за 1614/1615 г. в Алатыре указан вместо Григория ФеофилаТЬева дьяк Иван Поздеев, который помогал воеводе П.И. Черкасскому: *«На Алатаре воевода князь Петр Ахамашуков-Черкасской да дьяк Иван Поздеев»*¹. Запись в Дворцовых разрядах за этот же 1614/1615 г. несколько отличается: *«На Олаторе воевода князь Василей Ахамашуков-Черкасской да дьяк Иван Поздеев»*². В.Д. Кочетков проедположил, что в том же году Петр Иванович Ахамашуков-Черкасский умер на воеводском посту и на его место был отправлен его сын, Василий Петрович: *«В апреле – мае 1615 г. получил назначение воеводой в Алатырь. Возможно, для приведения в порядок отчетности и получения отцовских «пожитков» после смерти отца, алатырского воеводы П.И. Ахамашукова-Черкасского»*³. Этим можно объяснить, почему запись в Дворцовых разрядах указывает воеводой на Алатыре Василия Петровича, а не Петра Ивановича. Вскоре, уже осенью 1615 г., князь В.П. Ахамашуков-Черкасский находится далеко от Алатыря, сражаясь на северо-западе (в Ржеве) с атаманом Лисовским.

В конце 1615 г. воеводой Алатыря указан Василий Иванович Полтев, которого сменил в 1617 г. Дементий Семенович Погожев, а в последний год Смуты здесь мы видим его брата – Дмитрия Семеновича Погожева⁴.

События последних лет Смуты мало затронули Алатырь. Здесь было относительно спокойно, поэтому многие местные служилые люди участвовали в борьбе против поляков, шведов и воровских казаков вплоть до подписания Деулинского перемирия.

В заключение данного очерка приведем ряд примеров, подтверждающих участие служилых людей из Алатыря в этих событиях на западе страны (в скобках даны номера столбцов из Книг разрядных).

Летом 1615 г. 230 алатырских служилых татар были отправлены в распоряжение князя Д.М. Пожарского для борьбы с Лисовским (Стб. 48). Примерно в то же время, в августе 1615 г. для борьбы против шведского короля Густава Адольфа в распоряжение воеводы Ф.И. Шереметева и В.П. Ахамашукова-Черкасского (который только что приехал из Алатыря, а возможно, участвовал в сборе войск) в Ржев были отправлены 192 алатырских дворян и детей боярских с Оксентием Борисовым и 276 алатырских татар (судя по всему, они находились в это время в Москве) (Стб. 68). В ноябре 1615 г. было приказано в Муроме собираться для борьбы с Лисовским Михаилу Самсоновичу Дмитриеву, в отряд которого должны были прибыть 192 алатырских детей боярских и 254 татар алатырских. (Стб. 107).

Осенью 1616 г. в Ржев в распоряжение кн. Н.П. Борятинского чтобы помочь Пскову, который осадили шведские войска Карла Гюлленельма, были отправлены 115 алатырских татар. (Стб. 213). Псковичи сумели сами справиться со шведами. Отряд кн. Н.П. Борятинского (в том числе 115 алатырских татар) был перенаправлен в Дорогобуж для борьбы против поляков Александра Гонсевского (Стб. 223).

¹ См.: Книги разрядные по официальным оных спискам: в 2 т. СПб., 1853. Т. 1. (1614–1627). Стб. 80.

² Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 194.

³ Кочетков В.Д. Город-крепость на Суре. С. 228.

⁴ Книги разрядные. Т. 1. Стб. 197; Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 247.

112 алатырских татар находились в Дорогобуже в войске кн. Ю.Я. Сулешова и кн. С.В. Прозоровского (Стб. 231), участвовали в разгроме под Дорогобужем польского полковника Вишля (взяв его в плен) в начале марта 1617 г.

Осенью 1617 г. в Муроме собирал войска боярин Б.М. Лыков. В составе его войска были 90 детей боярских алатырцев и 115 алатырских татар. (Стб. 359).

Зимой 1618 г. в Можайске в войске кн. Б.М. Лыкова находились по наряду 88 алатырских детей боярских и 107 алатырских татар, а также 52 алатырских казака (Стб. 437). Ранее алатырские казаки не привлекались на службу на Западе (во всяком случае, в Разрядах не отмечены). В то же время на Волоке (современный Волоколамск) в войске кн. Д.М. Черкасского и В.П. Ахамашукова-Черкасского находилось 115 алатырских татар.

Хочется надеяться, что приведенные здесь сведения привлекут внимание многих «любителей старины» к истории древнего русского города Алатыря в Смутное время.

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

УДК 358.421(470.32)(091)«1914/1916»:930.2(470+571)
**ДЕЛО ОБ «АЭРОПЛАНАХ» В ВОРОНЕЖСКОЙ И ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИЯХ
В 1914–1916 ГОДАХ**

Аннотация. В статье рассмотрены архивные документы Воронежского и Тамбовского губернских жандармских управлений о появлении в этих губерниях в годы Первой мировой войны неопознанных «аэропланов». Показана реакция властей на соответствующие донесения. Подведены итоги и указаны последствия антиаэроплановых кампаний.

Ключевые слова: Первая мировая война, неопознанный летательный аппарат, шпиономания.

THE CASE OF «AEROPLANES» IN THE VORONEZH AND TAMBOV PROVINCES IN 1914-1916

Abstract. The article examines the archival documents of the Voronezh and Tambov provincial gendarmerie departments about the appearance of unidentified "airplanes" in these provinces during the First World War. The reaction of the authorities to the relevant reports is shown. The results are summed up and the consequences of anti-aeroplane campaigns are indicated.

Key words. The First World War, unidentified aircraft, espionage.

И. С. Бутов (Минск), Р. В. Соложеницын (Барнаул)

Масштабная «антиаэроплановая» кампания или охота на таинственные летательные аппараты вдалеке от линии фронта, которая проводилась во многих регионах Российской империи в 1914–1916 гг., до сегодняшнего дня была освещена исследователями весьма поверхностно. Частично к восстановлению пробелов по нескольким губерниям приложили руку и авторы. Например, был освещен ход такой кампании в Минской, Витебской и Саратовской губерниях, Приамурском генерал-губернаторстве и Степной крае¹. Целью настоящей работы является освещение «антиаэроплановой» кампании в Тамбовской и Воронежской губерниях.

¹ Бутов И.С. Немцы-переселенцы Саратовской губернии в антиаэроплановой кампании 1914–1916 годов: неизвестные страницы Первой мировой войны // Modern science. 2019. № 10. Vol. 1. С. 72–79; Он же. Дело о неопознанных «аэропланах» в Приамурском генерал-губернаторстве в 1914–1915 г.х // Современная научная мысль. 2019. №5. С. 95–104; Он же. Погоня за слухами об «аэропланах» в Минской губернии в 1914 году (по материалам Национального исторического архива Беларуси) // Архіварыус. 2020. Вып. XVII. С. 118–131; Он же. Свидетельства о неопознанных «аэропланах» в Витебской губернии в 1914–1915 гг.: взгляд через призму эпохи // Журнал БГУ. История. 2020. №3. С. 23–33; Он же. «По имеющимся сведениям в некоторых местностях империи появились воздушные аппараты» // Живая старина. 2020. №1. С. 32–36; Герштейн М.Б., Бутов И.С. Отражение волны наблюдений таинственных «аэропланов» и «дирижаблей» 1914–1916 годов на страницах российских и некоторых зарубежных периодических изданий // Ното Eurasicus в системе экологических и социальных связей: коллективная монография по мат. междунар. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 24 октября 2019). СПб., 2020. С. 92–110 и др.

Выявленный нами кластер документов¹ по Воронежской губернии, относящихся к рассматриваемой проблематике, на сегодняшний день весьма невелик и составляет порядка 80 листов. Все документы объединены в два дела: «Переписка с Воронежским губернатором и уездными исправниками по полетам над Воронежской губернией аэропланов (25 сентября 1914 г. – 26 сентября 1915 г.)² и «Донесения уездных исправников и унтер-офицеров о проведении негласных дознаний по антиправительственным высказываниям и выступлениям жителей губернии» (10 октября 1915 г. – 20 декабря 1916 г.)³. Эти документы удивительно точно дополняют материалы из архива соседней Тамбовской губернии: «Следственные дела о шпионаже» (15 января 1915 г. – дата окончания не указана)⁴. Наряду с этим сообщения об «аэропланах», например, в Самарской губернии после зимы 1915 г. нами не зафиксированы. Таким образом, установленной на сегодня конечной датой наблюдений таинственных «неприятельских машин» в Воронежской и Тамбовской губернии является сентябрь 1916 г. Июль и август 1914 г. в делах не представлен вообще, хотя наблюдения лета 1914 г. и упоминаются⁵.

Еще одна особенность такого рода дел в том, что почти вся переписка в них ведется не губернатором и его канцелярией, а чинами Воронежского и Тамбовского губернских жандармских управлений (ВГЖУ, ТГЖУ). В Воронежской губернии – между временно исполняющим должность начальника ВГЖУ подполковником Вячеславом Долговым, и унтер-офицером дополнительного штата ВГЖУ Георгием Минаковым; в Тамбовской губернии – между начальником ТГЖУ и унтер-офицерами дополнительного штата Пастуховым и Тюриным, а также некоторыми приставами и исправниками.

Упоминаемые в документах уезды принадлежат: Воронежской губернии – Бобровский, Воронежский, Задонский, Землянский, Новохоперский, Нижнедевицкий и Острогожский; Тамбовской губернии – Борисоглебский, Кирсановский, Липецкий и Усманский. Отмечаются ещё Хоперский округ области Войска Донского и «смежные с Тамбовской губернией уезды Саратовской губернии». Из других документов известно, что в Саратовской губернии в этот же период развернулись не менее активные действия «борьбы» с загадочными летательными аппаратами⁶.

Материалы об «аэропланах» в Воронежской губернии известны, в первую очередь, благодаря исследованиям А.В. Перегудова⁷ и С.Н. Коротуна⁸. Таинственные «воздушно-летательные аппараты» в Тамбовской губернии упоминаются в работах И.Н. Канаева и П.П. Щербинина, В.В. Елисеева, О.В. Будницкого и др.⁹

¹ Авторы выражают благодарность М.Б. Герштейну за помощь в работе с архивными документами.

² Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1102.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1149.

⁴ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 272. Оп. 1. Д. 1886

⁵ См., например: ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1102. Л. 2; ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1886. Л. 60 об.–61.

⁶ *Бутов И.С.* Немцы-переселенцы Саратовской губернии... С. 72–79

⁷ *Перегудов А.В.* Военный шпионаж в Воронежской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. 2015. №1. С. 109–115.

⁸ *Коротун С.Н.* Немцы Воронежской губернии в период Первой мировой войны // Панорама. 2018. Т. 18. С. 30–37.

⁹ *Канаев И.Н., Щербинин П.П.* Особенности контрразведывательной деятельности в Тамбовской губернии в начале XX в. // Военно-мобилизационная деятельность государства и российское общество в XVIII–XX веках: сб. статей междунар. науч. конф.

Некоторые данные встречаются в местных периодических изданиях¹.

Важно отметить, что Воронежская и Тамбовская губерния не входили в Казанский военный округ, поэтому телеграмму временно командующего войсками Казанского военного округа А.А. Маврина с указаниями «по возможности» стрелять во все неопознанные летательные аппараты² здесь не получали, а значит, и истерия была чуть меньше.

За время местной антиаэроплановой кампании в Воронежской губернии успело смениться два губернатора – Г.Б. Петкевич³ (03.02.1914 – 30.10.1915) и М.Д. Ершов⁴ (13.12.1915 – 06.03.1917). Основной «удар» пришлось держать Г.Б. Петкевичу. В Тамбовской губернии кампания пришлось на момент нахождения в должности губернатора А.А. Салтыкова⁵ (1913–1917).

Хотя первые наблюдения «аэропланов» в Тамбовской губернии были датированы еще 1914 г., основной поток сообщений о них пошел с весны следующего года. Один из случаев, произошедший в начале апреля 1915 г. в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии, красочно отмечен приставом 4-го стана Чижевским в рапорте от 10 (23) августа⁶ 1915 г., направленным на имя борисоглебского уездного исправника. Сообщалось, что несколько крестьянских мальчиков, возвращаясь в село Малая Грибановка с работ, 4 (17) апреля вблизи большой дороги услышали в воздухе сильный шум от полета какого-то предмета. От испуга они попадали на землю, но вскоре очухались и прибежали домой. Однако никакого предмета в воздухе они не видели. Около половины десятого вечера еще ряд лиц, в том числе и сельский писарь, заметили с северо-западной стороны от Малой Грибановки высоко в воздухе огонь синеватого цвета, который при движении оставлял след, похожий на след фары от автомобиля. Огонь, маневрируя, пролетел над волостным правлением и скрылся по направлению к селу Малой Алабухи (на восток). Почти все были убеждены, что это мог быть только аэроплан⁷.

Однако в изложении унтер-офицера дополнительного штата ТГЖУ в Липецком, Усманском, Лебедянском и Борисоглебском уездах Пастухова эта история выглядела уже по-другому. По крайней мере, звук, услышанный мальчиками, он постарался объяснить вполне рационально, якобы он шел от проехавшего по дороге обоза с плугами и лемехами. В то же время он признаёт, что волостной писарь Михаил Иванов Тимошичкин действительно видел в той же стороне, где шли мальчики, «поднимающийся огонек желтого цвета, круглый, несколько менее луны, который поднявшись на высоте колокольни, спустился

Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. С. 21; *Елисеев В.* НЛО... из 1915 г. // Наука и жизнь. 1995. № 9. С. 20; *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М.: РОССПЭН, 2005. С. 303.

¹ Навеянное войной // В дни войны. Вестник воронежских организаций военного времени. 1916. № 9–10. С. 37–39.

² *Бутов И.С.* «По имеющимся сведениям в некоторых местностях империи появились воздушные аппараты» // Живая старина. 2020. №1. С. 32–36.

³ Георгий Болеславович Петкевич (1873–1937) – административный деятель, статский советник (1912). Из дворян.

⁴ Михаил Дмитриевич Ершов (1862–1919) – член Государственного совета по выборам, последний Воронежский губернатор.

⁵ Александр Александрович Салтыков (1865 – не ранее 1920) – тульский губернский предводитель дворянства в 1906–1913 г.х, член Государственного совета по выборам, последний Тамбовский губернатор.

⁶ Далее приводятся даты по старому и новому стилю.

⁷ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1886. Л. 51–51 об.

обратно на землю». Кроме него этот огонек наблюдали и другие лица, причем не меньше часа¹.

Кроме наблюдения мальчиков, ранним утром 23 марта (5 апреля) похожее явление, если верить все тому же унтер-офицеру Пастухову, видели и другие жители Борисоглебского уезда Тамбовской губернии (сын печника Дмитрий Федоров и сын кондуктора Алексей Литуновский). Они на первый день Пасхи², часа в 3 утра, находясь во время обедни на колокольне собора, увидели на востоке в воздухе движущийся огонь желтоватого цвета, круглый, несколько менее луны, двигался он на юг и минут через пять исчез³.

В целом, создается впечатление о пролете в конце марта – начале апреля 1915 г. по небу Тамбовской губернии нескольких болидов, хотя максимально допустимая длительность наблюдения болида, признаваемая современной метеоритикой, составляет всего 72 секунды⁴, а наблюдатели говорят о том, что видели огонь в небе от 5 минут до часа. Однако следует учитывать, что в настоящее время из многолетней работы сотрудников Комитета по метеоритам (КМЕТ РАН) с очевидцами известно, что опросные данные, особенно полученные через длительное время после наблюдения астрономического явления, почти всегда показывают грубые завышения его длительности. Случайные, не имеющие специальной подготовки очевидцы, дают оценки продолжительности метеорного явления, измеряемые минутами и более. Вероятно, этот психологический эффект объясняется тем, что интервал наблюдения насыщен яркими, необычными впечатлениями⁵.

Здесь стоит подчеркнуть, что в те годы при виде болидов мысли об аэропланах возникали даже у представителей сельской интеллигенции. Так, любитель астрономии из села Тейково Владимирской губернии написал в «Астрономическое обозрение» по поводу своего наблюдения 10 июня 1914 г.: «Первая мысль при виде этого тела была о летящем освещенном аэроплане. Я даже остановил лошадь, чтобы послушать, нет ли шума пропеллера, но не было ни малейшего шума»⁶.

Впрочем, подобные медленно перемещающиеся желтоватые или красноватые шары, если исходить из того, что очевидцы точно оценили продолжительность наблюдения, легко могли оказаться и бумажными шарами монгольфьерами, то есть теми же игрушками, которые сейчас называют китайскими фонариками. В те годы бумажные шары, покупные и самодельные, были весьма распространенной забавой у молодежи. Запускались также по ночам воздушные змеи с подвешенными к ним фонарями и трещотками, они могли часами висеть неподвижно либо лететь за велосипедом, а в дневное время

¹ Там же. Л. 54–54 об.

² Пасха в 1915 г. пришлась на 22 марта (4 апреля), т. е. наблюдение можно полагать – утром 23 марта (5 апреля).

³ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1886. Л. 53 об.–54.

⁴ *Герштейн М.Б.* Необычные атмосферные явления на западе Российской империи в XIX веке // Белорусская Магония: странное и загадочное в дореволюционной белорусской печати. Материалы конф. (г. Минск, 18 ноября 2017 г.). Минск: Регистр, 2018. С. 120.

⁵ *Зоткин И.Т., Чигорин А.Н.* Определение радианта тунгусского метеорита по визуальным наблюдениям очевидцев // Актуальные вопросы метеоритики в Сибири. Сб. науч. тр. Новосибирск. Наука. Сиб. отделение. 1988. С. 86–87.

⁶ *Павлов П.* Труды любителей астрономии // Астрономическое обозрение [Николаев]. 1915. № 1. С. 13–14. Демонстрационные полеты аэропланов несущих множество небольших электрических «лампионов» действительно иногда в вечернее время для развлечения публики устраивались. Даже те, кому не довелось присутствовать на редком зрелище лично, могли прочитать об этом в газетах.

очевидцев смущали коробчатые змеи, весьма точно повторяющие форму настоящих аэропланов различных систем¹.

Как следует из того же доклада Пастухова, чуть ранее 21 марта (3 апреля) 1915 г. жена портного Дарья Ефимовна Рябушкина и ее квартиранты, проживавшие у неё дома в Борисоглебске, также наблюдали, пролет необычного светящегося тела. Портниха сообщила, что в 11-м часу вечера она выходила в чулан, а когда возвращалась обратно в квартиру, окно коридора ярко осветилось «радужным светом». Женщина испуганным криком позвала постояльцев. Те вышли в коридор, но света уже не было, а в окно «было видно чернеющий предмет вроде небольшого продолговатого яблока, спереди ширей, а к заду хвостат». Он «двигался с севера на юг, и видно его было минут 10, а потом исчез»². Впрочем, и здесь время наблюдения объекта (или оставленного им следа) было довольно значительным – около 10 минут.

О примерном времени начала появления в Воронежской губернии «аэропланов» можно узнать, как ни странно, от начальника ТГЖУ. Он по линии управления в апреле 1915 г. обменялся имевшимися у него сведениями с воронежским коллегой. Оказалось, что с июля 1914 г. «аппараты» из Тамбовской губернии направлялись в Балашовский уезд Саратовской губернии³, но попутно вполне могли пересечь и границы Воронежской⁴.

Сообщение о вероятности появления на периферии Воронежской губернии воздухоплавательных аппаратов временно исполняющий должность начальника ВГЖУ подполковник Долгов 20 апреля (3 мая) 1915 г. переадресовал исправникам Воронежского, Задонского, Новохоперского и Бобровского уездов⁵. Исправники доложили, что жители их уездов не имеют в своем распоряжении готовых к полету аэропланов или других воздухоплавательных аппаратов. Никто в уездах с начала войны ничего подозрительного в небе не видел⁶.

Однако руководство Воронежской губернии уже имело сведения о таких случаях. Ещё 25 сентября (8 октября) 1914 г. острогожский уездный исправник отправил начальнику ВГЖУ донесение, что ротмистр местного 2-го Запасного кавалерийского полка Фаддеев 20 сентября (3 октября) видел, как над полковыми построениями в Острогожске пролетал какой-то воздушный аппарат. Дежурный по конюшне полка унтер-офицер доложил Фаддееву, что приблизительно в полдвенадцатого ночи конюшня внезапно осветилась ярким светом. Предполагая, что это пожар, унтер-офицер с двумя дежурившими с ним нижними чинами выскочили во двор и увидели в воздухе над усадьбой полка какое-то быстро движущееся длинное тело, окруженное ярким светом «на расстоянии от земли в высоту на две церковные колокольни, если их поставить одну на другую». Тело это сразу же стало невидимым. Был ли это какой-либо воздушный аппарат или явление природы никто точно ответить не смог⁷.

Другой случай связан с полицейским дознанием в слободе Александровка того же Острогожского уезда. Рядом находились немецкие колонии, и возникло подозрение, что колонисты вооружаются неприятелем с аэропланов, а сами

¹ См. напр.: Пермские аэропланы // Речь. 1914. 16 (29) августа. С. 4.

² ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1886. Л. 53 об.–54.

³ На соответствующий запрос от начальника Саратовского ГЖУ пришел ответ, что «в смежных с Тамбовской губернией уездах Саратовской губернии аэропланов никто не имеет и о появлении их из пределов Тамбовской губернии сведений не поступало» (см.: ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1886. Л. 67).

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1102. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1886. Л. 55.

⁷ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1102. Л. 1–1 об.

снабжают того продовольствием. Якобы в Колыбельской волости около колоний есть тайный склад с оружием и хлебом. Основанием для подозрения стал рассказ двух крестьян 18 и 78 лет слободы Колыбелка, которые видели осенней ночью 1914 г. летающий предмет, похожий на лодку, с окнами впереди и дверью, напоминающий хату с окнами¹. Интригующий случай вскоре попал на страницы воронежского вестника «В дни войны». Некий корреспондент, видимо житель Колыбелки с инициалами И-ко М., описал три случая наблюдения «аэропланов» жителями своей слободы, в том числе и вышеприведённый². По сумме информации из полицейского донесения и статьи видно, что местные жители исключали вину немцев-колонистов, хотя «аэропланы эти, по их мнению, несомненно, также были немецкие, которые высматривают Россию...»³ При этом привязка направления полетов к немецким поселениям могла быть обусловлена простой житейской крестьянской логикой.

Подобные слухи о транспортировке в Германию по воздуху муки, хлеба, мяса и даже скота и птицы в живом виде распространялись и в других регионах – Псковской губернии, Прибалтийском и Степном краях. В губерниях с развитой промышленностью⁴ фиксировалась зачастую точка зрения, что аэропланы направляются к ближайшему заводу, работающему на нужды армии, в целях проведения разведки с воздуха, заброски шпионов, а может быть и организации диверсии на стратегическом предприятии или железной дороге. В частности, такие слухи появились в Пермской губернии после Билимбаевского землетрясения 4 (17) августа 1914 г. – одного из сильнейших в истории Уральского региона. Молва связывала землетрясение с мощным взрывом в Мотовилихе на оружейных заводах, подорванных бомбой с немецкого аэроплана⁵.

Полноценным началом воронежских и тамбовских антиаэроплановых кампаний следует всё же считать 1915 год. Хотя отметим, что осенью 1914 г. на базаре в слободе Бурляевке Новохоперского уезда гуляли слухи об аэроплане в одной из немецких колоний⁶, а в декабре 1914 г. о «луче огня», появившемся из окна немца Коллина в Задонском уезде, рассказала крестьянка М.М. Квасова⁷

¹ Там же. Л. 35.

² И-ко М. Указ. соч. С. 37–39. В тексте речь идет о «ноябре прошлого г.», по-видимому, письмо получено редактором еще в конце 1915 г.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1102. Л. 35.

⁴ Единственным интересным для потенциальных шпионов в Воронежской губернии промышленным объектом можно считать Воронежский трубочный завод товарищества «Столь и К°», спешно возведенный в 1915 г. На нём производились дистанционные трубки и втулки для артиллерийских снарядов.

⁵ В «Пермской земской неделе» сообщалось, что «на другой день [т. е. 5 (18) августа] кто-то пустил слух в соседней волости, что землетрясение было от взрыва в Мотовилихе с германского аэроплана, про который шло много разных толков, и который будто бы показывался в разных местах губернии». Очевидно, что подразумевалась детонация находившихся на заводе запасов снарядов и взрывчатых веществ от бомбы, сброшенной с аэроплана. Корреспондент газеты опровергал эти сведения, предлагая читателям рациональные версии о том, что это именно землетрясение «чисто осадочного свойства» или «просто небесный аэролит (падающий камень) или так называемая, падающая звезда». Редакция сделала также следующую приписку: «Германским летчикам в Пермской губ. делать нечего, их спокойно перестреляют наши войска» (Уральское землетрясение; Таинственный аэроплан // Пермская земская неделя. 1914. 4 сентября. С. 38)

⁶ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1102. Л. 15–15 об.

⁷ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1149. Л. 84.

12 (25) января 1915 г. воронежский полицмейстер сообщил в письме бобровскому исправнику полученные им из четвертых уст сведения от неустановленного крестьянина о некоем подвале в лесу, в котором прячутся несколько немцев-шпионов, а к ним по воздуху прилетает аэроплан, возможно, с секретными донесениями или даже шпионами¹.

12 (25) июня 1915 г. из Усманского уезда от унтер-офицера Тюрина пришла информация о наличии там неизвестных летательных аппаратов, виденных в последний день весны. По его информации крестьяне села Ново-Черкутино 31 мая (13 июня) стояли вечером возле своего двора, как вдруг заметили что-то в воздухе. Им показалось, что летят два черных пятна в виде двух бочек. Вначале предметы были далеко друг от друга, потом соединились. Минут через десять «бочки» скрылись по направлению к станции Грязи Юго-Восточной железной дороги². Усманский уездный исправник дополнил эти сведения сообщением, что спустя 5–6 минут такие же две точки появились немного левее первоначального обнаружения, пробыли в воздухе не более 5 минут и скрылись, также по направлению к станции Грязи. От точек исходил свет (предположили, что прожектора), но при этом – ни шума, ни треска слышно не было. Снова возникло подозрение об аэроплане³.

11 (24) июня 1915 г., за день до рапорта Тюрина о летающих бочках, руководитель ВГЖУ подполковник Долгов доложил в соседнее ТГЖУ о крестьянах сёл Васильевка⁴ и Муравляное⁵ Александровской волости Задонского уезда, которые видели ночью какой-то летательный аппарат⁶. Известно это стало из письма задонского уездного исправника Петрова на имя начальника ВГЖУ⁷. Долгов переслал в ТГЖУ это письмо, приплюсовав результаты расследования, проведенного приставом 1-го стана Задонского уезда непосредственно на месте 9 (22) и 30 мая (12 июня) 1915 г., а также рапорт своего помощника от 3 (16) июня. Помощник из общения с крестьянами села Васильевки выяснил, что пролёт аэроплана в ночь на 1 (14) мая активно жителями обсуждается. Якобы в день праздника Вознесения Господня несколько человек сперва услышали какое-то необычайное шипение или треск, похожий на звук жатвенной машины. Неожиданно звук разом смолк, но через 15–20 минут опять что-то затрещало. Треск постепенно становился всё глуше и тише и превратился в еле слышное шипение, которое в итоге пропало.

Крестьянка Прасковья Яковлева Шипулина рассказала, что два дня назад, около 12 часов ночи она неожиданно заметила в своей избе какой-то свет. Выйдя на крыльцо дома, заметила в воздухе за усадьбой графини Апраксиной какой-то светящийся предмет. По виду он был похож на мешок, или «на большой самовар, который как бы стоял в воздухе». Затем этот предмет скрылся в облаках. Другой свидетель, крестьянин Федор Дмитриев Вольнов, в 12 часов ночи «под 5 мая» услышал необычайный треск, а когда начал всматриваться в небо, то увидел летевший с юго-востока предмет, похожий на большую лодку, за которой тянулась светлая полоса. Лодка эта пролетела через всё Васильевское и за домом графини Апраксиной «круто опустилась вниз к земле». По словам некоторых крестьян, скорее всего, это был аэроплан, который летал к управляющему

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1102. Л. 34.

² ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1886. Л. 64–64 об.

³ Там же. Л. 66–66 об.

⁴ В некоторых документах – Васильевского.

⁵ В некоторых документах – Муравлянное.

⁶ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1102. Л. 10.

⁷ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1886. Л. 57–57 об.

имением графини Апраксиной Л.А. Коллину¹. За именем тотчас же установили наблюдение².

В данном случае описание звуков, сопровождавших полёт объекта, прекрасно подходит под так называемые электрофонные явления при пролёте болида. Это достаточно редкое и все еще плохо изученное явление природы, заключающееся в том, что полёт болида иногда сопровождается весьма необычными звуковыми эффектами, вроде шипения, треска, жужжания, свиста и т. п.³

Другое донесение об этом событии поступило от пристава 1-го стана Задонского уезда (в документе его имя не указано) 30 мая (12 июня) 1915 г. Он опросил следующих очевидцев: М.А. Шипулину, В.И. Шипулина, М.М. Квасову и Ф.М. Ширномнухова. Например, Крестьянка села Васильевское Марина Арсеньева Шипулина рассказала, что пред масленицей⁴ 1915 г., какого числа не помнит, ночью часов в 12, заметила летевший чрез село Муровлянское какой-то предмет: «большой, в виде вагона⁵, освещенный как бы фонарями беловатого света и этот предмет летел с северо-востока на запад, а затем летевший предмет где-то приземлился и больше его уже не видала». Василий Иванов Шипулин рассказал, что в начале мая месяца он в 12 часов ночи заметил в воздухе по направлению к усадьбе Коллина «предмет в виде самовара, от которого раздавались какие-то огненные язычки, как бы от сверкающей молнии». Мария Михайловна Квасова рассказала, что Филипповским постом⁶ 1914 г., она ехала по селу Муровлянское ночью с крестьянином Фомою Наумовичем Ширномнуховым, направляясь на станцию Чириково и заметила, как через Муровлянское пролетал «какой-то ясный предмет, у которого передняя часть острее, задняя же часть несколько тупее». Предмет этот летел по направлению на северо-восток. Фома Наумов Ширномнухов показал, что каким-то постом 1914 г., «перед утром», он ехал с Марией Квасовой на станцию Чириково и «на небе заметил летевший предмет в виде лодки с запада на северо-восток». Лодка эта была освещена огнем, и слышно было, как «трещала какая-то машина»⁷.

Последним опросил нескольких очевидцев и уточнил у них подробности помощник задонского исправника. Так, ранее опрошенный крестьянин Федор

¹ В документах встречается как написание Коллин, так и Коллен.

² ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1886. Л. 58–59.

³ См. напр.: *Казнев В.Ю.* Электрофонные болиды // *Астрономический календарь.* 1991. Вып. 94. М.: Наука. С. 253–264.

⁴ Масленица в 1915 году пришла на 8 (21) февраля 1915 г.

⁵ Подобные описания встречаются и среди современных сообщений о неопознанных летающих объектах. Так, 11 февраля 1976 г., около 19.00 многие жители северо-запада СССР явились свидетелями пролета огненно-оранжевого сигарообразного тела, за которым, словно выхлоп из сопла работающего двигателя, следовал красный хвост размером раза в три длиннее основного тела. Естественно, что многие наблюдатели восприняли этот болид как «сигарообразный НЛО» – корабль инопланетян. В подтверждение этого они приводили описание таких его деталей, как «иллюминаторы» или «окна», «закрылки» и прочие технические детали, которые, по их мнению, не давали оснований считать этот объект природным болидом. Некоторые воспринимали его как самолет (без крыльев), у которого отказал двигатель и на котором начался пожар, в связи с чем он планировал к аэропорту. Характерно, что все наблюдатели не представляли себе истинных расстояний до объекта, значительно (на несколько порядков) приближая его к месту наблюдения. (См. *Хазанович К.К.* НЛО: в поисках истины. 2002. СПб: Весь, 2002. С. 174–176).

⁶ Филипповский пост (Филиппов, Рождественский пост) – один из постов православной церкви. Соблюдается с 15 (28) ноября по 24 декабря (6 января).

⁷ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1886. Л. 60–61 об.

Дмитриев Вольнов конкретизировал размер летавшего в виде лодки предмета, определив его длину аршина в три¹. Некоторые очевидцы высказали предположение, что световую иллюминацию может быть устраивает барин-управляющий Коллин, который летает на аэроплане. Поговорили и с Коллином, который «выразил крайнее удивление и заявил, что он никогда в своей местности не видел летающих аэропланов и сам лично ничего подобного не имеет». Правда у него были ручные фонари (газовый и электрический), которые он зажигал, возвращаясь затемно откуда-нибудь на лошади. Коллин предположил, что местные крестьяне это видели, но истолковали как свет огней от низко пролетавшего аэроплана². К тому же он был иностранцем, и это усиливало подозрение местных жителей³.

Наконец к делу проявил интерес Воронежский губернатор. Ответ на его запрос по поводу ситуации в Задонском уезде поступил от начальника ВГЖУ 22 сентября (5 октября) 1915 г. Подполковник Долгов доложил, что полицейским дознанием слухи о появлении у села Васильевка Задонского уезда аэроплана не подтвердились. В итоге задонский уездный исправник распорядился о привлечении виновных в распространении слухов к ответственности по 37-й статье. Позже выяснилось, что никто из крестьян не был осужден⁴.

8 (21) июля 1915 г. подполковник Долгов выслал помощникам в уезды секретное сообщение об очередном происшествии и запросил их мнение⁵. Речь шла о некоей точке, кружившейся 1 (14) и 2 (15) июля около железнодорожного моста между станциями Латная и Воронеж. Объект был столь ярким, что на него было больно смотреть невооруженным глазом. Эту точку наблюдала Неонила Михайловна Буянова и другие жители села Латное. Точка меняла направление движения, отчетливо смещаясь по направлению к Воронежу. Однако некоторые негласно опрошенные очевидцы заявили, что замеченное ими и Буяновой явление было не «аэроплан», а «тело движущейся планеты Венеры»⁶. К этому объяснению всё в итоге и свелось.

Какое-то время воронежский губернатор Г.Б. Петкевич довольствовался лишь констатацией фактов, но вскоре и ему пришлось стать активным действующим лицом в очередном «антиаэроплановом деле». 29 июля (11 августа) 1915 г. губернатор спустил Долгову зашифрованную телеграмму от окружного атамана Хоперского округа Области Войска Донского Груднева. В ней сообщалось, что какой-то аэроплан, пролетая над немецкой колонией «Центральная» в Новохоперском уезде, осветил прожектором местность.

¹ Около 2,1 м.

² Подобные заблуждения не раз имели место в других губерниях, что подтверждалось проведенными по фактам наблюдений расследованиями. Обычно путаница возникала при ночном проезде автомобилей – редких гостей на сельских дорогах. Свет фар, шум мотора и скорость движения в сочетании с подходящей точкой наблюдения вполне могли вызвать у неискушенного в технике наблюдателя иллюзию полета источника света. Часто, при облачном небе, шум мотора слышится исходящим сверху. Иллюзия бывает настолько реалистична, что представитель воздухоплавательного отдела харьковского технического общества в конце июля 1914 г. был введен в заблуждение и распорядился среди ночи под дождем выслать на аэродром людей для встречи мнимого аэроплана. В действительности низкие облака лишь отражали звук автомобильного мотора (Безопасная «авиация» // Утро. 1914. 12 сентября. С. 5).

³ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1886. Л. 62–63 об.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1102. Л. 36–36 об.

⁵ Там же. Л. 11.

⁶ Там же. Л. 23 об.–25.

Выяснить подробности поручалось вахмистру ВГЖУ Степану Сиволапову. Крестьяне, живущие в 2 – 12 верстах от колонии (в слободах Пыховка и Бурляевка, на хуторах Дубовый, Ново-Александровский, Комышановый, Чабыкин и др.), сообщили ему, что новость об аэроплане появилась ещё осенью 1914 г. на базаре в Бурляевке. С тех пор слух постепенно распространился по разным селениям Новохоперского уезда и прилегающим к нему населенным пунктам Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, а также в Хоперском округе Донской области¹.

Опрошенная Феодосия Иванова Черновол, жена пастуха скота немецкого хутора Петренкова, заявила, что её муж, который пас рабочих лошадей колонистов каждую ночь, никогда ничего подобного не замечал. Кроме того, крестьянка слышала в Пыховке, что немец хутора Петренкова Давид Яковлев Тисен вёз домой какое-то сельскохозяйственное орудие, которое крестьяне по всей видимости и приняли за аэроплан. Об этом слухе знает Тисен, заявивший, что он будет жаловаться начальству за распространение лжи, но не пожаловался. Жандарм также выяснил, что живущие у немцев-колонистов крестьяне политически неблагонадёжны и имеют отношение к революционным событиям 1905–1907 гг. Соответственно от них можно ждать любых провокаций. Пока же Сиволапов ограничился установкой наблюдения за возможным пролетом аэроплана над колонией².

Историк В.Б. Аксенов полагает, что «базарные слухи, распространявшиеся неграмотными торговками, были одними из самых абсурдных, а также часто приводили к массовым погромам в виду того, что в условиях подорожания продуктов базары и рынки аккумулировали протестную энергию обывателей»³. Исследователь А.В. Перегудов справедливо подчеркивает, что начавшаяся война с Германией стала для пыховских крестьян очень удобным средством достижения своих личных корыстных интересов во взаимоотношениях с немцами-колонистами. В дальнейшем судебным властям предстояло доказать их вину в распространении ложных слухов, «возбуждающих беспокойство в умах». В Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, статья 37 предусматривала за это деяние до 15 суток ареста либо денежное взыскание не свыше 50 рублей⁴. Как полагает С.Н. Коротун, природой подобного рода шпиономании были порою даже не национальные, а социальные противоречия. Объектами доносов становились состоятельные немцы, от которых поселяне, зачастую, были зависимы, что в условиях войны вызывало неприятие, стремление изменить существующее положение вещей⁵.

Подполковник Долгов внимательно прочитал всё, что разузнал Сиволапов, и направил 9 (22) августа Воронежскому губернатору обобщающую секретную докладную записку (№ 1268). Но Г.Б. Петкевичу этого оказалось недостаточно. Причиной неудовлетворённости ходом дела оказалась иная точка зрения окружного атамана Хоперского округа Донской области полковника Груднева. Последнего откровенно возмущали просачивающиеся в его округ слухи из соседней Воронежской губернии о полётах какого-то аэроплана, якобы привозящего «какие-то короба с вещами» в охраняемый вооружёнными немцами-

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1102. Л. 17.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1102. Л. 15–16 об.

³ Аксенов В.Б. Техника и ее фобические образы в повседневном сознании российских обывателей в 1914–1916 г.х // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2019. № 1. С. 38–52.

⁴ Перегудов А.В. Военный шпионаж в Воронежской губернии в годы Первой мировой войны. С. 111–112.

⁵ Коротун С.Н. Указ. соч. С. 34.

колонистами хутор Центральный. С ведома Воронежского губернатора он лично вмешался в ход следствия, прибегнув к помощи подчинённых ему жандармских чинов и сотни казаков. Планировалось повально обыскать все немецкие поселения Бурляевской, Пыховской и Синявской волостей¹. Наблюдать за акцией, по мнению воронежского губернатора, должен был кто-то из офицеров ВГЖУ. Но Долгов сослался на отсутствие «специального кредита для удовлетворения путевым довольствием»² и не послал наблюдателя, видимо, полагая планируемое мероприятие заведомо бессмысленным.

Просьба губернатора кажется пустяковой, если не знать о плачевном состоянии ВГЖУ из-за острого кадрового голода. С началом войны объем функций и обязанностей провинциальной жандармерии существенно возрос. Многообразии поставленных задач вступало в явное противоречие с незначительной численностью личного состава. Функции жандармских управлений значительно расширились – это и политический сыск, и контрразведка и наблюдение за нравами и пр. Особенно напрягала контрразведывательная деятельность с её многочисленными дознаниями и огромной перепиской. На это накладывались обязательные командировки на театр военных действий. Так, в конце мая 1915 г. сдававший должность начальника ВГЖУ полковник Михаил Конисский, уведомлял корпусное руководство об отсутствии в штате управления двух обер-офицеров и тринадцати унтер-офицеров (11 из них были командированы на фронт)³. Это составляло половину личного состава.

История с немцами, перетаскивающими «короба с вещами», очень напоминает информацию из анонимок, поступавших примерно в то же самое время в адрес канцелярии Степного генерал-губернатора. В одной из них, пришедшей в мае 1915 г. рассказывалось о «целых складах орудий и оружия» у немцев-колонистов. Сообщалось, что до войны в колонии приходили «подозрительные грузы», а «сами мужички и возили эти грузы – и дивовались их формам и тяжести»⁴. В Пермской губернии по инициативе губернатора И. Кошко активно искали аэропланы в ящиках с деталями от драг и других горных механизмов⁵. Поиски обуславливались практикой авиаторов, гастролировавших до войны по стране с показательными полетами. Именно в ящиках они перевозили свои машины, разбирая на удобные для транспортировки части.

Между тем сведения о появлении в Новохоперском уезде фантазмагорических огней множились. Губернатору Г.Б. Петкевичу стал известен случай, имевшее место в 20-х числах июля, когда некий «аэроплан» остановился в воздухе и направил свет прожектора на табунную стойку. Интригу добавила справка, составленная в ведомстве воронежского губернатора, в которой обобщалась вся история с таинственным «аэропланом» за июль – август 1915 г.⁶ Долгову вновь пришлось привлечь Сиволапова к расследованию⁷. Тот вскоре подготовил отчет о проделанной работе. Ему удалось установить, что еще в начале января 1915 г. в Пыховке несколько очевидцев ночью видели необыкновенно яркое освещение, напоминающее прожектор. Где-то в этом же

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1102. Л. 19–19 об.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1102. Л. 17–18.

³ *Перегудо А.В.* Русские жандармы в Первой мировой войне от подвига к дискриминации (на примере Воронежской губернии) // Военно-исторический журнал. 2016. № 9. С. 44–49.

⁴ Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 6059. Л. 298–298 об.

⁵ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 65. Оп. 3. Д. 60. Л. 44–45.

⁶ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1102. Л. 21–21 об.

⁷ Там же. Л. 20.

районе находилась электрическая паровая мельница немцев Брауна и Гамма, поэтому связать два этих факта не составило труда¹. Сиволапов только отметил наличие электрического освещения на паровой мельнице, но не стал выяснять его соответствие видимому свету прожектора. Даже не подал запроса, работало ли освещение мельницы в те дни.

Но воронежский губернатор не потерял интереса к «аэропланам» и запросил новые подробности у Долгова. В частности любопытство вызвали сообщения о появлении в июне 1915 г. «аэропланов» у деревни Лиски Бобровского уезда, а также выше упомянутый случай о каких-то аппаратах, пролетевших через имение Апраксиной в Задонском уезде в начале мая 1915 г.².

8 (21) февраля 1916 г. унтер-офицер дополнительного штата ВГЖУ Георгий Минаков отправил помощнику начальника ВГЖУ в Задонском и других уездах донесение, в котором попытался дать максимально подробную информацию по важному для начальства «делу Апраксиной». Он подчеркнул, благоприятное отношение крестьян к графине и отрицательное к ее управляющему Коллину. Крестьяне даже просили, чтобы Коллина «как внутреннего врага нашему отечеству» выдворили не только из имения Апраксиной, но даже из России³.

Спустя два дня Минаков отправил помощнику начальника ВГЖУ в Задонском и других уездах свое новое донесение. Фактически это было повторное расследование того же самого дела, которое уже провел ранее задонский уездный исправник Петров и его подчиненные⁴. В очередной раз подтвердились предположения о том, что война стала удобным предлогом для сведения крестьянами счётов с немецким населением, особенно с теми из них, на кого работники затаили обиду. «Аэропланы» отошли на задний план, уступив место личности управляющего Коллина и его окружению, которое крестьяне попытались демонизировать. Впрочем, в очередном своём сообщении от 12 (25) февраля 1916 г. Минаков вновь упомянул машины, прилетавшие в имение, хотя и тут не обошлось без очередных шпилек в адрес Коллина.

По этому делу куда интересней сравнить показания, взятые Минаковым у тех же лиц год спустя после события. В одних моментах видны противоречия сказанному ранее, в других – показания дополняются. Были опрошены и новые люди. В частности, сельский староста Андрей Сергеевич Несынов, показал, что в 1914–1915 гг. к Коллину действительно прилетали аэропланы или цеппелины, «потому что устройство их определить никто не мог». Полеты их сопровождался шумом и освещением каких-то фонарей или прожекторов. М.А. Шипулина, которая ранее заявляла о чём-то похожим на мешок или самовар, на этот раз сообщила, что в 1915 году после Крещения⁵, около 12 часов ночи, когда она вышла из дома во двор посмотреть скотину, то увидела над прудом около дома в воздухе что-то гремит, и «огонь освещает». Глянув на него, увидела сидящих там людей. Предмет был в виде длинной лодки с крыльями и направлялся, по ее словам, к управляющему имением. Крестьянка М.М. Квасова вновь пересказала свое наблюдение декабря 1914 г., но уточнила, что «вдруг из квартиры управляющего появился луч огня, так что было видно все здание, затем освещение переведено на здание Кредитного Товарищества, после же того слышно было гул в воздухе пролетающий по направлению от квартиры управляющего к Липецкому уезду». К.П. Шипулин пояснил, что в 1915 г. «под праздник Вознесения⁶» около 11 часов

¹ Там же. Л. 29–31 об.

² Там же. Л. 32, 38.

³ Там же. Л. 79–80 об.

⁴ Там же. Л. 81–82 об.

⁵ То есть после 6 (19) января 1915 г.

⁶ То есть около 30 апреля (13 мая) 1915 г.

вечера он слышал в воздухе шум «подобно полету аэроплана, направление его было к Липецкому уезду, а начало полета было от имения Кеттина, где управляющий Варле»¹.

Если проанализировать все сведения, собранные в окрестностях Васильевки и Муровлянского в 1915–1916 гг., то можно увидеть, что большинство очевидцев описывают некое событие, произошедшее в начале мая 1915 г. около 11–12 часов ночи. Лишь некоторые уверенно говорили о дне 5 мая, другие же называли «под 1 мая», «начало мая», «первые числа мая», «под праздник Вознесения» и т. п. Другие разрозненные наблюдения попадали на 1914 г., но даже примерные даты крестьяне не могли вспомнить (назывались такие ориентиры: «мясоедом, пред масленицей», «Филипповским постом», «каким-то постом» и т. д.), или на январь 1915 («после Крещения»).

Между тем появление неких летательных аппаратов продолжилось в Задонском уезде и весной 1916 г. Так, унтер-офицеру Минакову удалось выяснить, что ночью с 18 на 19 апреля (с 1 на 2 мая) у Васильевского (ранее его в документах называли Васильевкой) Задонского уезда появились некие лучи, которые некто принял за прожекторы «аэроплана». Об этом некий служащий 10 (23) мая 1916 г. уведомил начальство, хотя и подчеркнул, что сведения получены «совершенно негласным путем»².

В начале июня 1916 г. Георгий Минаков выдал финальную порцию фактов об имени Апраксиной. Жандарму удалось уточнить детали пролета «аэроплана». Здесь и сам Минаков берет слово «аэроплан» в кавычки. Действительно сложно назвать аэропланом удивительной яркости свечение, которое «открылось», осветив все вокруг, и через какой-то промежуток времени «закрылось». Свет дополнялся «будто бы» полетом какого-то предмета сверху, наподобие цеппелина, издававшего к тому же «стуки от мотора»³. По-видимому, речь может идти о яркой вспышке при взрыве пролетавшего болида.

Как указывалось выше, «дело Апраксиной» получило ход из-за соответствующего запроса губернатора Петкевича. Однако из имеющейся переписки не ясно, какие еще действия (повальный обыск, наблюдения, специальные патрули и т. п.) предпринимались властями для пресечения полетов возможных шпионов в Задонском уезде. Именно в момент наивысшей активности «аэропланов» в Воронежской губернии и тогда, когда от Минакова стали поступать сведения о конкретных местах их наблюдений, Г.Б. Петкевич уступил свой пост М. Д. Ершову. Последнему явно потребовалось время, чтобы вникнуть в новое для него дело, если вообще он проявил к нему интерес.

Кроме этого, Минаков так или иначе был причастен к расследованию еще двух интересных происшествий. Первое из них касалось сообщения 80-летней дворянки Е.Д. Решетовой, которая озадачила сразу четырех (!) губернаторов (Воронежского, Харьковского, Курского и Тамбовского) телеграммой о пролетевшем в конце августа – начале сентября 1915 г. через ее сад «аэроплане». Телеграммы губернаторам Решетова подкрепила анонимным доносом в ВГЖУ. Её авторство Минаков установил, сравнив сходство почерка заметок, лежавших в комнате Решетовой, с почерком анонимки. При опросе помещица заявила, что сама она аэроплана не видела, а только об этом среди населения были слухи. Но на следующий день после «пролёта» к ней в имение «явился неизвестный проходимец по типу Кавказец или Турок, лет около 60, одет был очень бедно, просил милостыню и говорил, что он беженец из Сирии, я же на него обратила внимание, что этот человек остался от пролетевшего Аэроплана

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1149. Л. 83–84 об.

² Там же. Л. 174.

³ Там же. Л. 333–333 об.

для каких-либо шпионств». Незнакомца же вскоре нашли и признали безвредным¹.

Любопытно также совпадение появлений слухов о германских аэронавтах с реальным случаем экзорцизма (обряд «отчитки» - изгнание тёмных сил из человека)² в Землянском уезде. Сам документ не относится непосредственно к событиям антиаэроплановой кампании, но косвенно может быть связан с ней. Речь о сеансе экзорцизма, устроенном полицейскими, стражниками, начальником почтового отделения и местным агрономом над заподозренной в одержимости крестьянкой Акулиной Ждамировой в Землянском уезде³. Возможно, период панических ожиданий стал к тому же и катализатором обострения различных душевных заболеваний у местного населения⁴. С началом войны отмечается рост мистических настроений в обществе, при этом общая иррационализация сознания протекала на фоне роста психических заболеваний обывателей. Психиатры-современники отмечали резкий всплеск душевных заболеваний летом 1914 г., причем особенно ярко эта динамика проявилась у женщин⁵. Преломляясь в болезненном воображении некоторых лиц, слухи и газетные публикации о призрачных «шпионах-авиаторах» обретали порой вполне осязаемое воплощение, практически полностью стирая грань между фантазиями обывателей и реальностью⁶. Нечто подобное произошло и в 1990-е гг. XX в., уже в форме более современных быличек о встречах с «пришельцами» и откровений контактёров с «внеземным разумом». По-видимому, подобные слухи и сплетни следует рассматривать как часть «коллективного воображаемого», являющегося, по словам З.А. Чеканцевой, важным «аспектом социальной жизни, который не только проявляет реальность, но, имея скрытую, не всегда осознаваемую власть над людьми, непосредственно участвует в формировании этой реальности»⁷.

Таким образом, некоторые из наблюдений «аэропланов» еще на ранних этапах были правильно интерпретированы в астрономическом контексте самими следователями. Например, крестьянка Н.М. Буянова описывала «светящуюся точку», на которую было больно смотреть. Однако выяснилось, что «явление было не аэроплан, а тело движущейся планеты Венеры»⁸. Другие же сообщения можно соотнести с пролетами космических объектов – болидов. Например, появление высоко в воздухе синеватого цвета огня, «который при движении

¹ Там же. Л. 19–20.

² ГАВО Ф. И-1. Оп. 2, Д. 1149. Л. 328–329 об.

³ Там же. Л. 328–329 об.

⁴ Подробнее см. *Бутов И.С., Томин Н.В.* Архивные свидетельства о «самовольных экзорцизмах» в Российской империи в XIX – первой половине XX века // *Религиоведение*. 2020. №2. С. 62–76.

⁵ *Аксенов В.Б.* Социально-психологическая атмосфера российского общества в 1914–1917 гг.: к природе слухов и фобий // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2015. Т.14. Вып.1: История. С. 119–133; Он же. Иррационализация массового сознания обывателей в 1914–1916 гг. как кризис информационной политики земства и государства // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. №1. 2015. С. 4–21.

⁶ См., напр.: «Германский подданный» // *Южный край*. 1914. 1 августа. С. 5; «Аэроплан» // *Утро*. 1914. 19 августа. С. 5; «Немецкий аэроплан» на Покатиловке. (Мистификация душевнобольного) // *Южный край*. 1914. 12 сентября. С. 6 и т. п.

⁷ *Чеканцева З.А.* Устойчивые слухи в обществе как проявление «коллективного воображаемого» // *Всеобщая история. Современные исследования*. Межвуз. сб. научн. трудов. Брянск. 2002. Вып. 11; *Голубинов Я.А.* Слухи в русском и британском обществе в годы Первой мировой войны: опыт сравнения // *Люди и тексты. Исторический альманах*. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 311–324.

⁸ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1102. Л. 25.

оставлял след, похожий на след огня от автомобиля»¹, круглого движущегося огня желтоватого цвета, несколько менее луны², а также наблюдение чернеющего предмета «вроде небольшого продолговатого яблока», который был «спереди ширей а к заду хвостат»³. Или «давший свет» предмет, «спереди широкий, саженой около 2-х, а сзади сужен, как корма в лодке»⁴.

Всего в документах ВГЖУ и ТГЖУ мы насчитали 25 случаев упоминания о наблюдениях «аэропланов» (см. табл.).

Таблица

**Места наблюдения «аэропланов» в 1914–1916 гг.
(по данным документов ВГЖУ и ТГЖУ)**

Номер	Населенный пункт	Дата наблюдения (по старому стилю)
1.	г. Острогожск	20 сентября 1914 г.
2.	с. Колыбелка	осень 1914 г.
3.	с. Муровляное	Между 15 ноября и 24 декабря 1914 г. (скорее всего, декабрь 1914 г.)
4.	станция Чириково	зима 1914 г.
5.	Балашовский уезд Саратовской губернии	1915 г.
6.	д. Лиски	7 января 1915 г.
7.	с. Муровляное	перед 8 февраля 1915 г.
8.	с. Малая Грибановка	4 апреля 1915 г.
9.	г. Борисоглебск	23 марта 1915 г.
10.	г. Борисоглебск	21 марта 1915 г.
11.	с. Васильевское	30 апреля 1915 г.
12.	с. Васильевское	«под 1 мая» 1915 г.
13.	с. Васильевское	начало мая 1915 г.
14.	с. Васильевское	первые числа мая 1915 г.
15.	с. Васильевское	первые числа мая 1915 г.
16.	с. Васильевское	5–7 мая 1915 г.
17.	с. Васильевское	«под 5 мая» 1915 г.
18.	с. Новочеркутино	31 мая 1915 г.
19.	станция Латная и Воронеж	1 и 2 июля 1915 г.
20.	Бурляевка, Пыховка и т. д. (колония Центральная)	1915 г.
21.	Урюпинская	27 июля 1915 г.
22.	Каменка-Садовка	4–5 августа 1915 г.
23.	станция Новохоперск	5 августа 1915 г.
24.	Аникандрово	18–19 апреля 1916 г.
25.	Аникандрово	конец августа – начало сентября 1916 г.

Хотя Воронежское и Тамбовское ГЖУ действовали сообща, создается впечатление, что именно ТГЖУ на первых порах играло первую скрипку в антиаэроплановой кампании, распространявшейся сразу на несколько губерний (Тамбовскую, Воронежскую и частично на Саратовскую). Так или иначе, ВГЖУ часто пришлось быть «на подхвате», что никак не преуменьшает поразительный

¹ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1886. Л. 54–54 об.

² Там же. Л. 53 об.–54.

³ Там же.

⁴ *И-ко М.* Навеянное войной // В дни войны. Вестник воронежских организаций военного времени. 1916. № 9–10. С. 39.

пример теснейшего взаимодействия властей: практически все дела в канцеляриях двух управлений подходят как частички одного большого пазла и взаимодополняют друг друга. В остальном кампания не обладала какими-то отличительными признаками: львиная часть поисков «аэроплана» и его пилотов оказалась неразрывно связана с местным немецким населением и сосредоточилась в Задонском и Новохоперском уездах Воронежской губернии. Части уездов, где концентрация немецких поселений была выше, автоматически становилась и ареной действия «аэроплана». К сожалению, небольшая выборка сообщений не позволяет рассмотреть этот вопрос по ряду уездов более детально. Тем не менее, нет серьезных причин обвинять крестьян в массовых злонамеренных мистификациях, направленных против местных немцев в целом. В основе большинства показаний о пролетах аэропланов, в отличие от множества циркулировавших в деревне слухов иного рода, вполне могли лежать реальные природные явления, которые получали специфическую интерпретацию в меру информированности и общего развития очевидцев и в русле текущего исторического момента. Отчасти распространение слухов было невольно спровоцировано и самими властями: чем чаще население расспрашивали об увиденном, тем более у него крепло убеждение, что аэропланы действительно скрываются где-то поблизости и старалось сообщать обо всем более-менее похожем на летательные аппараты.

УДК 94(100)"1914/19"
**«ЛАЗАРЕТ ЧИНОВ ТЮРЕМНОГО ВЕДОМСТВА» В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1915 ГГ.)**

Аннотация. Статья посвящена деятельности «Лазарета чинов тюремного ведомства» в первые годы Первой мировой войны. Описывается устройство лазарета, медицинский персонал, количество раненых и больных, передвижение лазарета в связи с военными действиями, помощь раненым, проведение медицинских операций. Особое место в статье занимает обеспечение лазарета руководством Главного тюремного управления Российской империи и чинами тюремного ведомства.

Ключевые слова: Российская империя, Первая мировая война, Министерство юстиции, Главное тюремное управление, военно-медицинское дело, медицинские работники, врачи, раненые, больные, медицинские операции, снабжение, лазареты.

**«INFIRMARY OF PRISON OFFICIALS» IN THE INITIAL PERIOD OF THE FIRST
WORLD WAR (1914-1915)**

Abstract. The article is devoted to the activities of the Infirmary " ranks of the prison department in the first years of the First World War. It describes the structure of the infirmary, the medical staff, the number of wounded and sick, the movement of the infirmary in the Russian Empire in connection with military operations, assistance to the wounded, and medical operations. A special place in the article is occupied by providing the Infirmary with the leadership of the Main Prison Administration of the Russian Empire and the ranks of the prison department

Key words: Russian Empire, World War I, Ministry of Justice, General Prison Administration, military medical affairs, medical workers, doctors, wounded, sick, medical operations, supplies, infirmaries.

М. В. Лаврентьев (Саратов)

Начало Первой мировой войны застало военно-медицинские учреждения Российской империи врасплох. Военно-врачебный опыт предыдущих войн, в основном недавней Русско-японской войны в предоставлении раненым первой помощи, организации госпиталей и лазаретов, эвакуации, лечения и возвращении в действующую армию личного состава, оказался мало изученным и плохо внедрённым¹. Между тем количество жертв развернувшейся войны превзошло все ожидания уже в первые месяцы. Срочно потребовалась помощь множеству раненых, контуженных и больных военнослужащих. Для добровольного содействия военной медицине откликнулись различные государственные структуры, в том числе и Главное тюремное управление при Министерстве юстиции Российской империи, во главе с его начальником действительным

¹ История военно-медицинского дела в годы Первой мировой войны освещена фрагментарно. Отметим лишь несколько работ: История военной медицины России. XIX – начало XX вв. / Под ред. И.Ю. Быкова, В.В. Шаппо. Т. 3. М., 2008; *Мирошниченко Ю.В.* Организация обеспечения медицинским имуществом войск русской армии в годы Первой мировой войны // Вестник Российской военно-медицинской академии. № 3, 2014. С. 235–244; *Оппель В.А.* Организационные вопросы передового хирургического пояса действующей армии. Пг., 1917; *Чиж И.М.* История военной медицины. М., 2007; *Чиж И.М., Карпенко И.В.* Военная медицина в русской армии в годы Первой мировой войны. // История медицины: научно-практический журнал. 2017. Т. 4. №. 2. С. 216–224.

статским советником П.К. Граном. Уже в июле 1914 г. Главное тюремное управление организовало в действующей армии в рамках Российского общества Красного Креста за счет чинов тюремного ведомства этапный лазарет на 50 кроватей с уплатою единовременно 14 000 рублей на оборудование лазарета и ежемесячно по 4350 рублей на его содержание¹. 5 августа 1914 г. Августейшая покровительница Российского общества Красного Креста вдовствующая императрица Мария Федоровна в циркуляре № 46 «всемиловитейше повелеть соизволила от всей души благодарить жертвователей» и присвоила врачебному учреждению наименование «Лазарета чинов Тюремного Ведомства»².

Формирование лазарета происходило на базе Елисаветинской общины Красного Креста в городе Елисаветград³. В первоначальный штат учреждения вошли старший врач и младший врач, заведующий хозяйством, 6 сестёр милосердия и 10 санитаров.

8 августа 1914 г. «Лазарет чинов Тюремного ведомства» отправился на фронт. 18 августа он прибыл к месту назначения в город Луков Холмской области Привисленского края⁴ и развернулся на 100 кроватей. До 6 сентября через лазарет прошло относительно небольшое число раненых – 5 офицеров и 162 нижних чина. Но это были преимущественно тяжелораненые военнослужащие, «неспособные перенести дальнейшую перевозку по железной дороге», например, «раненые в спинной хребет, в легкие, или с тяжёлыми раздроблениями костей»⁵. Проведено 35 операций.

Следующее перемещение лазарета в соответствии с ходом военных действий произошло в Ивангород⁶. Здесь медицинское учреждение получило статус головного этапного лазарета. Как правило, этапные лазареты располагались на узловых железнодорожных станциях, которой и являлся Ивангород. В лазарет стали поступать раненые непосредственно с перевязочных пунктов, а иногда прямо с позиций. Наплыв нуждающихся в помощи вынудил увеличить число коечных больных до 200 человек. Только за месяц стоянки в Ивангороде «старшим врачом было произведено 154 операции (по 5 в день)»⁷. Помимо стационара оказывалась необходимая амбулаторная помощь многим легкораненым, которые тут же получали горячую пищу⁸. Соответственно пришлось увеличить на 4 штатные единицы количество сестёр милосердия. Кроме того, по инициативе главного инспектора по пересылке арестантов, и с разрешения начальника Главного Штаба к лазарету, в качестве санитаров, были прикомандированы 10 нижних чинов Петроградской конвойной команды⁹. С санитарями прибыл транспорт, организованный на пожертвования чинов тюремного ведомства, а именно разных вещей: «рубаш, кальсон, носков, носовых платков и больничных халатов, предназначенных для раздачи раненым как во время их нахождения в лазарете, так и при их дальнейшей эвакуации или возвращении в строй»¹⁰. Впрочем, бельё для раненых по-прежнему оставалось в дефиците.

¹ Годовой отчет о деятельности находящегося в действующей армии лазарета чинов тюремной ведомства. // Тюремный вестник. 1915. № 8–9. С. 1546.

² Годовой отчет о деятельности... С. 1546–1547.

³ Ныне г. Кропивницкий в Кировоградской области Украины.

⁴ Ныне г. Лукув, Люблинское воеводство, республика Польша

⁵ Годовой отчет о деятельности... С. 1547.

⁶ Ныне г. Демблин, Люблинское воеводство, республика Польша

⁷ Годовой отчет о деятельности... С. 1547.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 1548.

¹⁰ Там же. С. 1549.

Тогда же лазарет посетили – принц А.П. Ольденбургский, недавно занявший должность верховного начальника санитарной и эвакуационной части, и великий князь Николай Михайлович. Высокопоставленные лица с особой похвалой отзывались «о работе и обращении медицинского персонала лазарета с больными»¹.

В двадцатых числах октября 1914 г. (точная дата не установлена – М.Л.) лазарет переместился в Радом². Там он расположился в здании местной женской гимназии. В период нахождения в Радоме с 9 ноября по 31 декабря 1914 г. на стационаре «принято 15 офицеров и 317 нижних чинов, и была произведена 71 сложная операция»³.

Тогда же был прикомандирован инспектор Главного тюремного управления статский советник В.С. Позняков. С ним был отправлен дополнительный транспорт пожертвований, состоявший из «белья (теплого и обыкновенного), а также сапог, полушубков, портянок и махорки». В отчете Познякова приводятся слова особоуполномоченного Красного Креста при 4-й армии Юго-Западного фронта Н.И. Антонова, что деятельность лазарета была весьма успешной и полезной, среди других подобных организаций, призванных для оказания помощи раненым⁴.

В Радоме лазарет превратился из этапного в подвижной. Ему был придан собственный конный обоз из 44 лошадей и 20 повозок. Покупка лошадей и оборудования для обоза (повозок, сбруи, походной кухни с платформой с кипятильником и запасными котлами для варки пищи) обошлась, вместе с расходами в Радоме в сумму около 14 000 рублей. Организация подвижного состава состоялась благодаря «не прекращавшемуся столь значительному притоку денежных пожертвований на оборудование и содержание лазарета, что, за покрытием необходимых для сего расходов, образовались некоторые свободные средства, позволившие внести существенные улучшения в организацию дела». Идея снабдить лазарет конным обозом была вызвана «желательностью предоставить лазарету большую подвижность и дать ему возможность следовать за армией к пунктам боевых столкновений, - где в его помощи ощущалась особая нужда, - независимо от наличности или исправности железнодорожных путей»⁵. Ещё одна важная причина – нехватка железнодорожных составов для эвакуации раненых.

В связи с расширением лазарета и для установления большей связи его с тюремным ведомством, в составе администрации лечебного учреждения была учреждена особая должность попечителя. В качестве такого был командирован исполняющий должность старшего делопроизводителя Главного тюремного управления статский советник В.В. Лерхе⁶.

К 1914 г. подошёл третий транспорт: «1650 штук и пар обыкновенного белья, 250 штук и пар теплого белья, 15 больничных халатов, 30 пар туфель, 100 пар сапог, 50 ватных жилетов, 100 папах, 134 башлыка, 450 фунтов махорки и 131 кiset с табаком, трубками, почтовой бумагой, карандашами и английскими булавками... Отсылка в лазарет этих предметов, равно как и отправка большого количества кisetов с табаком, мылом, бумагой и прочими необходимыми принадлежностями, для раздачи их нижним чинам, была приурочена к празднику Рождества Христова». Подарки предназначались также медицинскому составу

¹ Там же. С. 1547.

² Ныне г. Радом, Мазовецкое воеводство, республика Польша

³ Годовой отчет о деятельности... С. 1549.

⁴ Там же. С. 1549.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

лазарета, «...а именно: электрический фонарь, с запасной батареей, старшему врачу, и несессеры с мылом, одеколоном и проч., а также и разные сласти – сестрам милосердия»¹. Санитары получили наградные деньги. Всего на создание праздничного транспорта было затрачено 2000 рублей.

В конце января 1915 г. в ходе отступления Юго-Западного фронта лазарет начал эвакуацию из Радома на станцию Скаржиско. Но, по распоряжению особоуполномоченного Красного Креста переезд отменили, и лазарет вторично развернулся в Радоме, на сей раз в здании сельскохозяйственного банка. Предыдущее место успел занять другой лазарет. Однако новое помещение оказалось настолько тесным, что удалось развернуть лишь 40 – 50 коек. Поэтому работа лечебного учреждения сократилась, несмотря на его потенциальные возможности.

В виду возникшей неопределенности положения лазарета, Главное тюремное управление ходатайствовало перед главным уполномоченным Красного Креста сенатором Иваницким, а также особоуполномоченным Н.И. Антоновым о смене его местонахождения. В результате учреждение 4 марта было отправлено в Галицию в г. Тернополь². Лазарет прибыл к месту 9 марта, и 15 марта развернулся в обширном и прекрасно оборудованном здании реального училища на 105 коек. «Однако уже 30 марта число вновь прибывших раненых превысило количество установленных коек, и поэтому излишек (25 человек) пришлось разместить на носилках...». Всего за первый месяц работы в Тернополе поступило «больных и раненых 203 человека, при чем, сделано 35 крупных операций. Среднее однодневное число больных равнялось 77 человек, высшее – 130 человек, низшее – 9 человек»³. Там же, в Тернополе была получена новинка медицинской техники – аппарат Рентгена. Для него тюремное ведомство выслало специальный груз с принадлежностями⁴.

Следующий транспорт, отправленный в «Лазарет чинов Тюремного Ведомства» в 20-х числах марта 1915 г., приурочивался к празднику Святой Пасхи и состоял из подарков, закупленных на средства, отчисляемые ежемесячно из содержания служащих по тюремному ведомству для медицинского персонала. В качестве дара прибыли продукты для пасхального стола высшему медицинскому персоналу – попечителю, двум врачам и заведующему хозяйством. Им же – по 1000 папирос каждому а также комплекты туалетных принадлежностей (полотенце, мыло, одеколон, губка, зубной порошок с щёткой). Сёстры милосердия получили чайные чашки с блюдами, шоколадные фигурки, коробки конфет и печенья. Для нижних чинов и санитаров поступили 150 комплектов подарков, в каждый из которых вошли: «большой платок с флагами союзных держав, могущий быть разрезанным на четыре платка, один фунт разных сластей, чайная чашка, деревянная ложка, мыльное яйцо, ¼ фунта махорки и пасхальная открытка». В соответствии с заслугами каждого выдавалась также денежная награда в 200 рублей⁵.

Тогда же в лазарет поступили изготовленные в мастерских Петроградского исправительного арестантского отделения и Петроградской женской тюрьмы 1111 комплектов летнего белья для раздачи выздоровевшим нижним чинам, и 100 комплектов хирургического белья для тяжело раненых. Кроме того, за счет поступивших в распоряжение Центрального комитета пожертвований чинов тюремного ведомства были изготовлены в мастерских Дома предварительного

¹ Там же.

² Ныне г. Тернополь в Тернопольской области Украины.

³ Там же. С. 1550.

⁴ Там же. С. 1552.

⁵ Там же. С. 1551–1552.

заклучения 3000 пар сапог для нужд Действующей армии стоимостью в 28 тысяч рублей. Первоначально «Лазарет чинов Тюремного Ведомства» получил из этого количества 225 пар. Причём 200 пар как подарок отправили в пехотный полк, а 25 пар оставили для раздачи раненым в лазарете при их эвакуации. Ещё 850 пар были получены позже¹.

В это время на излечении в лазарете находился Алексей Макуха – один из известных персонажей Первой мировой войны. Макуха попал в плен к австро-венграм и на допросе ему разрезали язык на $\frac{3}{4}$ длины пополам. Вскоре в ходе контрнаступления он был освобожден. Зверство врага поразило общественность России. Фотографии Макухи с разрезанным языком публиковались во многих газетах и журналах. В лазарете бывшему пленнику подарили икону Святого Алексея Человека Божия, пожертвованную чинами тюремного ведомства в память о пребывании Макухи в этом лечебном учреждении².

За второй период пребывания в Тарнополе с 20 апреля по 20 мая 1915 г. в лазарете побывало больных и раненых 410 человек (из них 9 офицеров) и сделано 44 крупных операции. Среднее однодневное число больных за это время выразилось в количестве 90 человек, высшее – 155, и низшее – 50 человек». Третий и последний период работы в Тарнополе охватывает интервал с 20 мая до 16 июня 1915 г. За это время поступило 469 больных и раненых и произведено 55 сложных операций. Среднее однодневное число раненых определялось в количестве 75 человек, высшее – 128 человек и низшее – 16 человек. По данным всех трех периодов деятельности лазарета в Тарнополе (20 марта – 16 июня): поступило раненых и больных 1082 человека (из них 29 офицеров); сделано 134 сложных операций; среднее однодневное число составляло 81 человек, высшее – 155 и низшее – 9 человек³.

16 июня 1915 г. лазарет согласно распоряжению санитарного отдела Штаба Армии, эвакуировал всех находившихся в нем на излечении раненых и покинул Тарнополь. 26 июня он прибыл в Каменец-Подольск⁴, где ему было отведено помещение в здании епархиального училищного совета. Персонал лазарета разместился в соседнем здании женского ремесленного училища. Конный обоз первоначально за недостатком работы был предоставлен в распоряжение других учреждений Красного Креста для перевозки раненых. За десять дней было перевезено 591 человек, при этом 310 из них были доставлены в лечебные учреждения за 20 километров от города⁵.

28 июня лазарет в Каменец-Подольске успешно развернулся на 150 коек и сразу принял большое количество раненых. С 3 по 10 июля через лечебное учреждение прошло 310 человек, но операций сделано лишь 10, так как поступали в основном легкораненые или раны у многих оказались незапущенными. Всего с 3 июля по 3 августа 1915 г. в лазарет поступило 432 человека (в том числе 6 офицеров). Среднее однодневное число составляло 77 человек, высшее – 150 человек и низшее 43 человека⁶.

По ходатайству старшего врача доктора Душечкина, сославшегося на увеличение числа поступающих и недостаток белья, необходимого для транспортировки раненых в другие лечебные учреждения, Главным тюремным управлением в начале августа 1915 г. был отправлен в лазарет груз, состоящий из 500 комплектов белья (рубашки, кальсоны, носки). Сопровождал багаж старший

¹ Там же. С. 1552.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Ныне г. Каменец-Подольский в Хмельницкой области Украины.

⁵ Годовой отчет о деятельности... 1552.

⁶ Там же. С. 1553.

надзиратель Одиночной тюрьмы Степанов, который и ранее уже отвозил в лазарет посылавшиеся туда предметы¹.

За год войны с августа 1914 по август 1915 гг. на лазарет были затрачены большие средства, тем не менее в остатке оказалась сумма около 20 000 рублей. Это побудило начальника Главного тюремного управления действительного статского советника П.К. Грана высказать на заседании Центрального комитета 23 июля мысль «о желательности расширения существующей ныне помощи пострадавшим защитникам родины путем созидания новой организации того же характера»². В результате в Петрограде началась организация второго лазарета тюремного ведомства на 30 кроватей. Была образована специальная комиссия под председательством инспектора Главного тюремного управления действительного статского советника Н.Ф. Лучинского. В комиссию вошли – Петроградский губернский тюремный инспектор действительный статский советник С.П. Благовещенский и архитектор Главного тюремного управления статский советник Н.И. Еремеев. Комиссия подыскала для нового лазарета соответствующее помещение, оборудовала его и подобрала необходимый медицинский и служебный персонал. Помещение для лазарета нашли на Таврической улице в доме № 17, где были сняты две смежные квартиры в 12 комнат и 2 комнаты. Был сделан вывод, что «помещение это по своему расположению, - передним фасадом против Таврического сада, - а также по удобству в смысле распределения комнат и количества света и воздуха, не оставляет желать ничего лучшего»³. Открытие второго лазарета состоялось 23 августа 1915 г. Он был стационарным, постоянно действующим, находящимся на одном месте.

Автор продолжает исследовать деятельность лазаретов «имени чинов тюремного ведомства» в 1916–1917 гг.

¹ Там же. С. 1554.

² Там же.

³ Там же.

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА ГАТОВСКОГО

Аннотация: рассказ о судьбе офицера Генерального штаба В.Н. Гатовского, его ссоре с А.А. Карагеоргиевичем – братом сербского короля, последовавшем затем разжаловании в рядовые, боевой службе в авиации, восстановлении в чине, участии в составе Кавказского Туземного конного корпуса в выступлении генерала Л.Г. Корнилова, пребывании на службе у большевиков, аресте в феврале 1931 г. по делу «Весна».

Ключевые слова: генеральный штаб, 2-я кавалерийская дивизия, орден Святого Георгия 4-й степени и Георгиевское оружие, Приморский драгунский полк, 26-й корпусной авиационный отряд, Георгиевские кресты, Кавказская Туземная конная дивизия, Красная армия.

THE ZIGZAGS OF THE FATE OF VLADIMIR NIKOLAEVICH GATOVSKY

Abstract: the author tells about the fate of the general Staff officer V. N. Gatovsky, his quarrel with the brother of the Serbian king A. A. Karageorgievich, his demotion to the ranks, combat service in aviation, restoration in rank, participation in the Caucasian Native Horse Corps in the action of General L. G. Kornilov, entry into the service of the Bolsheviks, arrest in February 1931 in the investigative case of «Spring»

Key words: General Staff, 2nd Cavalry Division, Order of St. George, 4th degree and St. George's Arms, Primorsky Dragoon Regiment, 26th Corps Aviation Detachment, St. George's Crosses, Caucasian Native Mounted Division, Red Army.

В. Л. Юшко (Москва)

Как переменчива бывает судьба человека. Знакомства, карьера, взлет, падение, опять взлет, переосмысление ценностей, вновь падение... Все это можно отнести к Владимиру Николаевичу Гатовскому, одному из представителей Генерального штаба – элиты Русской Императорской армии. Его жизнь была наполнена столькими событиями, что их с лихвой хватило бы на нескольких человек. В ней было много чего – и хорошего, и плохого. Об одном из поворотов судьбы Владимира Николаевича хотелось бы рассказать.

Владимир Николаевич Гатовский происходил из потомственной дворянской семьи Санкт-Петербургской губернии. Его дед, Николай Николаевич, участник Отечественной войны 1812 г., закончил свою службу в чине генерал-майора. Дядя – Феофил Николаевич, окончил 2-й кадетский корпус, служил в кавалерии, был произведен в генерал-майоры и командовал 2-й бригадой 6-й кавалерийской дивизии в конце XIX века. Отец нашего героя, Николай Николаевич, родился 16 августа 1838 г., и тоже выбрал стезю кавалериста. Участвовал в Крымской и Русско-турецкой кампаниях. Завершил службу в чине генерал-майора, командиром 2-й бригады 3-й кавалерийской дивизии.

Владимир Николаевич Гатовский родился 1 октября 1879 г. в Царском Селе. По окончании в 1895 г. 2-го кадетского корпуса, зачислен юнкером в Николаевское кавалерийское училище. 13 августа 1897 г. произведён из портупей-юнкеров в корнеты с назначением в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, размещённый в Варшаве. В полку занимал должности младшего офицера 2-го и 4-го эскадронов. В 1899 г. изучал саперное дело при 4-й саперной бригаде, и временно командовал полковой саперной командой. Примерно тогда же Владимир Николаевич женился на Евгении Иосифовне Орел, родившейся 24 декабря 1878 г.

в семье генерала от артиллерии Иосифа Андреевича Орел и Екатерины Михайловны Орел (урожденной Рюминой)¹.

В апреле 1900 г. у молодых родилась дочь Ирина. Одновременно с этим событием Владимир Николаевич подготовился к вступительным экзаменам в Николаевскую академию Генерального штаба. 12 октября того же года он зачисляется слушателем в это престижное военно-учебное заведение. 6 декабря 1901 г. произведён за выслугу лет в гвардии поручики со старшинством с 13 августа 1901 г. В 1902 г. окончил два класса академии по I разряду и переведён на третий дополнительный курс. 23 мая 1903 г. «успешно» окончил дополнительный курс и за отличия в науках произведён в штабс-ротмистры гвардии. 29 мая согласно приказу Генерального штаба № 22 причисляется к Генеральному штабу и назначается в штаб Варшавского военного округа. Тогда же в мае в семье Гатовских рождается вторая дочь Татьяна. Забегая вперёд, отметим рождение ещё двух детей – в октябре 1905 г. сына Игоря, и в декабре 1906 г. – сына Николая.

В течение месяца на лагерных сборах 15-й кавалерийской дивизии, начинающий генштабист исполнял должность начальника штаба дивизии. После лагерного сбора Владимир Николаевич командирится в переменный состав офицерской кавалерийской школы для «изучения технической стороны кавалерийского дела». В школу, которая находилась в Аракчеевских казармах на улице Шпалерной в Санкт-Петербурге, он пребывает 1 ноября 1903 г. По окончании школы 17 августа 1904 г., направляется в распоряжение штаба Санкт-Петербургского военного округа. 6 ноября 1904 г. переводится в Генеральный штаб капитаном и назначается на должность обер-офицера для поручений при управлении генерал-квартирмейстера штаба 3-й Маньчжурской армии.

До театра военных действий Русско-японской войны из-за сложностей с транспортом 24-летний капитан добирается более двух месяцев. По прибытии сразу включается в работу и, помимо выполнения штабных обязанностей, участвует в феврале 1905 г. в боях под Мукденом и на Сыпингайских позициях. Затем занимается в основном рекогносцировками позиций противника и иногда участвует в боевых стычках. Например, с 21 июня по 17 июля 1905 г. при рекогносцировке подступов к позиции Тауминтун-Тайниншах и полосе между реками Чаусунтайхе и Дунляохе, участвовал с полусотней оренбургских казаков в перестрелке с японской заставой и хунхузами и принудил японцев покинуть деревню Люцзянцзу. За боевые отличия был отмечен орденами Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

По окончании войны Владимир Николаевич 8 декабря 1905 г. назначается старшим адъютантом 2-й Гвардейской пехотной дивизии, стоявшей в Санкт-Петербурге. В этой должности, капитан Гатовский был отмечен светло-бронзовой медалью в память Русско-японской войны, серебряной медалью Российского общества Красного Креста в память той же войны, а также нагрудным знаком Константиновского артиллерийского училища.

31 октября 1907 г. он прикомандировывается к 22-му (с 6 декабря – 8-му) драгунскому Астраханскому генерал-фельдмаршала великого князя Николая Николаевича полку, расквартированному в Тирасполе, для цензового командования эскадронам. Вступил в командование 1-м эскадронам 17 ноября того же года. За время исполнения обязанностей командира эскадрона, участвовал в больших скачках (барьерный стипль-чез) Одесского военного округа и был награжден 3-м призом (6 июля 1908 г.).

¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1 п/с 131–773 (1912). Л. 1.

По окончании командировки в конце ноября 1908 г. Владимир Николаевич прибыл в штаб 2-й Гвардейской пехотной дивизии. 29 января 1909 г. назначен исполняющим должность штаб-офицера для поручений при штабе войск Гвардии и Санкт-Петербургского военного округа. 29 марта производится в подполковники и утверждается в должности. 6 декабря 1909 г. награждается за отличия по службе орденом Святой Анны 3-й степени. 5 мая 1910 г. подполковнику Гатовскому разрешено принять и носить пожалованный болгарский орден «За военные заслуги» 3-й степени. 1 июля он назначается старшим адъютантом штаба войск Гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, а 12 мая 1911 г. вновь штаб-офицером для поручений штаба того же округа.

28 мая того же года Владимир Николаевич Гатовский командирится в военную воздухоплавательную школу, курс которой оканчивает «успешно» 3 сентября. Тогда же, вероятно, у него состоялось знакомство с великим князем Александром Михайловичем¹, вице-адмиралом и будущим шефом русской военной авиации, сыгравшим в судьбе Гатовского огромную роль. 15 февраля 1912 г. Владимир Николаевич назначается правителем дел офицерской кавалерийской школы и 25 марта за отличия по службе произведен в полковники. В том же 1912 г. в Санкт-Петербурге вышла его книга «Воздушная разведка и борьба с нею»². Участвовал в проведении торжеств в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. на Бородинском поле и в Москве. 6 декабря 1912 г. отмечен орденом Святого Станислава 2-й степени.

С началом Первой мировой войны занятия в Офицерской кавалерийской школе приостановились. 22 августа 1914 г. генерального штаба полковник Гатовский был назначен исполняющим должность начальника штаба 2-й кавалерийской дивизии, в мирное время стоявшей в Царстве Польском, а с началом боевых действий, вошедшей в состав 10-й армии Северо-Западного фронта. Официально на эту должность он был назначен 2 октября того же года. За деятельное руководство штабом и боевые отличия был отмечен орденами Святой Анны 2-й степени с мечами, Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Святого Владимира 3-й степени с мечами и приказом по войскам 12-й армии за № 91 от 4 апреля 1915 г. Георгиевским Оружием «*За то, что 21-го Февраля 1915 года под сильным огнем противника, оценив верно обстановку, указал правильный путь резерву, в результате чего немцы, теснившие наш левый фланг, принуждены были отойти и нами были заняты д.д. Златогура и Серафин и захвачено два пулемета и 30 человек пленных*»³. Награда была утверждена Высочайшим приказом 29 мая 1915 г.⁴

Далее речь пойдёт о конфликте с сербским князем А.А. Карагеоргиевичем, резко изменившем жизненный путь В.Н. Гатовского. Впервые ссора полковника Гатовского с тогда еще полковником, князем Арсением Александровичем Карагеоргиевичем⁵, произошла в конце ноября 1914 г. В это время штаб 2-й

¹ Великий князь Александр Михайлович, род. 1 апр. 1866, сын великого князя Михаила Николаевича и великой княгини Ольги Федоровны. Вице-адмирал (22 июля 1909). Числился в Гвардейском экипаже. Шеф 73-го пехотного Крымского полка. Августейший шеф русской воен. авиации. Ушел с должности 21 марта 1917. В эмиграции во Франции. Умер 26 февр. 1933 в Рокебрюн (Франция).

² *Гатовский В.Н.* Воздушная разведка и борьба с нею. СПб: Разведчик, 1912. – 133 с.

³ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1 п/с 131–773 (1912). Л. 3.

⁴ Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. М., 2004. С. 460.

⁵ Карагеоргиевич князь Арсений Александрович, род. 4 апр. 1859, сын Сербского короля Александра I Карагеоргиевича, младший брат Сербского короля Петра I,

кавалерийской дивизии прибыл в господский двор Павловице и занял помещение, в котором ранее находился госпиталь. В комнатах стоял запах медикаментов и был большой беспорядок. Карагеоргиевич остался недоволен отведенным ему помещением. К тому же денщик Гатовского с опозданием исполнил его приказание принести дров. Раздражённый этим, он около 16 часов 29 ноября, вошел в комнату Гатовского и гневно заявил ему о недовольстве своей комнатой, а также тем, что денщик принёс дрова, только после того как почистил сапоги Гатовскому. Князь потребовал удаления денщика. Гатовский пояснил, что разберется, но заметил, что у всех помещения одинаковые и везде пахнет лекарствами. Вечером после обеда, на котором Карагеоргиевич не присутствовал, Владимир Николаевич поднялся в свою комнату на втором этаже, где его уже поджидал князь. Арсений Александрович по-французски сказал, что ему нужно сообщить нечто важное и вошел в комнату Гатовского. Внезапно серб замахнулся и, со словами: «Я шутить с собой не позволю»¹, ударил Гатовского в лицо. Владимир Николаевич увернулся, но, все же, получил скользящий удар справа. Тут же он ответил ударив Карагеоргиевича по лицу и толкнув в грудь. Отскочив к столу, Карагеоргиевич закричал: «Вы не смеете меня трогать, я генерал-лейтенант сербской службы, мне 58 лет, я вас застрелю»², и начал искать в кармане револьвер. Полковник Гатовский стал обходить стол, намереваясь разоружить князя, на тот быстро выбежал из комнаты. По объяснениям Владимира Николаевича, князь Арсений на следующий день предложил инцидент оставить между собой до окончания войны, а потом уже дать друг другу удовлетворение.

Совсем по-иному описывает инцидент князь Карагеоргиевич. Он подтвердил, что причиной конфликта было отведение маленькой, холодной комнаты и отказ денщика полковника Гатовского принести дров. Князь утверждал, что зашел в комнату Владимира Николаевича в сопровождении своего ординарца штабс-ротмистра 2-го лейб-гусарского Павлоградского полка Евгения Павловича Извекова³. Именно в его присутствии он потребовал отчисления денщика в строй,

православный. Окончил Парижский лицей. Принят в русскую службу (29 нояб. 1886), окончил 2-е воен. Константиновское училище, произведен в корнеты (5 авг. 1888). Участник Русско-япон. войны. Полковник со старшинством 25 февр. 1906. Назначен командующим 2-й бригадой 2-й кавалерийской дивизии с зачислением по армейской кавалерии (28 окт. 1914). Произведен в генерал-майоры с утверждением в должности (6 дек. 1914). Награждён: орденом Св. Владимира 3-й ст. с мечами (5 марта 1915); орденом Св. Георгия 4-й ст. (29 мая 1915): «За то, что 13-го и 14-го Марта 1915 года, в бою у д. Шафранки, будучи начальником левого боевого участка, и обороняя позиции севернее д. Шафранки, подвергая свою жизнь явной опасности, отбил неоднократные, упорные атаки превосходных сил противника и когда, во время последней атаки, германцам удалось овладеть частью наших окопов, с потерей которых пришлось бы очистить всю нашу позицию, выбил из них германцев, укрепив занятое положение и сам перешел в наступление, дойдя до д. Тартак». Отчислен от должности за болезнью с назначением в резерв чинов при штабе Петроградского воен. округа (6 окт. 1915). Объявлен выговор и переведен в резерв чинов при штабе Киевского воен. округа (2 дек. 1915). Назначен в резерв чинов при штабе Петроградского воен. округа (8 апр. 1916). Арестован в Петрограде после большевистского переворота. Отправлен в Вологду в начале 1918. Оттуда убыл во Францию в Париж. Находился в эмиграции. Умер 19 окт. 1938 в Париже.

¹ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 2030. Л. 232 об.

² Там же.

³ Извеков Евгений Павлович, род. 16 февр. 1886, из дворян Тверской губ. Окончил 2-й Московский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище по I разряду. С 22 апр. 1905 в 6-м лейб-драгунском Павлоградском императора Александра III полку (с дек. 1907 – 2-й лейб-гусарский Павлоградский императора Александра III полк) в

а также указал на неудобство отведенного помещения¹. Якобы на это полковник Гатовский повышенным тоном с издёвкой ответил, что комната «не хороша» для него и «вполне хороша» для князя и его ординарца. Карагеоргиевич возмутился и указал на бестактность слов Гатовского. Тот всё не успокаивался и тогда князь Арсений Александрович ударил его кулаком по лицу. Гатовский попытался ответить, но Карагеоргиевич сумел ударить еще два раза, после чего Гатовский с окровавленным лицом упал на пол. Выйдя из комнаты, князь отправился к начальнику дивизии генерал-лейтенанту князю Георгию Ивановичу Трубецкому² с докладом об инциденте. Последний заметил, что «все это очень неприятно».

Спустя некоторое время князь вновь отправился к полковнику Гатовскому с намерением предложить ему удовлетворение и застал его около умывальника с полотенцем в руках, смывающим кровь с лица. На предложение князя, Владимир Николаевич ответил согласием, а затем начал просить его не докладывать о конфликте начальнику дивизии. Князь Карагеоргиевич и об этом сообщил князю Трубецкому. Спустя несколько дней полковник Гатовский уехал в Петроград, а вернувшись оттуда, встретившись с князем Карагеоргиевичем в варшавском отеле «Бристоль», сказал ему, что все обдумал, признает себя неправым и отказывается от удовлетворения князя. При этом князь готов был подтвердить под присягой, что Гатовский ему никаких ударов не наносил!³

Начальник 2-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенант князь Трубецкой рассказывал об инциденте, что однажды поздно вечером, когда он ложился спать, к нему пришел крайне взволнованный и раздраженный князь Карагеоргиевич. Он очень ругал полковника Гатовского, называя его «мерзавцем» и другими бранными словами, причем сообщил, что они «чуть не подрались». В чем суть столкновения, и чем был вызван конфликт, князь Трубецкой, из отрывочных фраз князя Карагеоргиевича точно уяснить себе не мог. Вместе с тем князь Трубецкой пояснил, что столкновению он не придавал значения, в какой-то мере потому, что сербский князь «склонен был вообще к некоторым фактическим преувеличениям,

должности младшего офицера 3-го эскадрона. Прикомандирован к Тверскому кавалерийскому училищу младшим офицером (3 сент. 1910). По мобилизации 1914 вернулся в полк, назначен адъютантом к командующему 2-й бригадой 2-й кавалерийской дивизии. Убит у д. Шафранки 22 февр. 1915.

¹ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 2030. Л. 233.

² Трубецкой Георгий (Юрий) Иванович, князь, род. 5 нояб. 1866, из дворян. Окончил Пажеский Его Величества корпус и выпущен в лейб-гвардии Конный полк (9 авг. 1888). Флигель-адъютант (1902), полковник (6 апр. 1903). Участник Русско-японской войны. Командир Собственного Его Императорского Величества конвоя (10 апр. 1906). Произведен в генерал-майоры с зачислением в Свиту Его Императорского Величества (31 мая 1907). Назначен помощником начальника Императорской Главной квартиры (1 янв. 1914). Произведен в генерал-лейтенанты со старшинством (31 мая 1913) с назначением начальником 2-й кавалерийской дивизии с зачислением по гвардейской кавалерии (18 окт. 1914). Награждён орденом Св. Георгия 4-й ст. (25 марта 1915): «За то, командуя 20-го и 21-го Февраля 1915 года войсками левого фланга фронта 5-го армейского корпуса, при сильном натиске больших сил противника, прорвавшихся в расположение корпуса и угрожавших нашим войскам слева, перешел в наступление и отразил противника, чем способствовал корпусу победоносно и успешно выполнить возложенную на него задачу». Награждён орденом Белого Орла с мечами (26 мая 1915). Объявлен выговор (2 дек. 1915). Состоял в резерве чинов при штабе Минского воен. округа (с 18 апр. 1917), Киевского воен. округа (до 16 окт. 1917) и Петроградского воен. округа (с 16. окт. 1917). В июне 1918 арестован большевиками в Петрограде, но освобожден. Выехал в Румынию и до конца 1918 жил в Яссах. В эмиграции во Франции. Умер 27 дек. 1926 в Версале (Франция). Погребён на кладбище Батиньоль в Париже.

³ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 2030. Л. 233 об.

а главным образом вследствие того, что на другой день князь Карагеоргиевич и полковник Гатовский обменялись между собой рукопожатием и в дальнейших их отношениях не замечалось чего-либо недоброжелательного. Полковник Гатовский о происшедшем князю Трубецкому ничего не докладывал»¹.

В самом начале июля 1915 г. во время напряженных боев на Риго-Митавском направлении, начальник 2-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенант князь Трубецкой был назначен начальником конного отряда, куда вошли, кроме 2-й, еще и 4-я и 15-я кавалерийские дивизии. При этом, командир бригады 2-й кавалерийской дивизии, генерал-майор князь Карагеоргиевич (произведен в чин 6 декабря 1914 г.), был временно назначен исполняющим должность командующего дивизией, а в исполняющим должность начальника штаба конного отряда, вступил генерального штаба полковник Гатовский. Тогда между ними произошло ещё несколько конфликтов.

Сам Гатовский, относился к первому инциденту достаточно спокойно, тогда как князь Карагеоргиевич затаил обиду и при любом удобном случае, старался досконально передать всё, что произошло, по его мнению, в тот момент в комнате полковника. Например, осенью 1915 г. в беседе с заведующим военно-судной частью штаба армий Северного фронта генерал-майором Борисом Владимировичем Шавровым², расследовавшим инциденты сербского князя и Гатовского, Арсений Александрович вдруг неожиданно лег на пол и показал, как лежал Гатовский на полу после третьего удара князя. При этом в своем докладе Шавров указывал, что князь Карагеоргиевич все время очень пренебрежительно отзывался о генштабистах вообще и о Гатовском в частности. Он публично выразился, что офицеры Генерального штаба совершенно не понимают военного дела и обвинил их в том, что они из страха личной опасности стремятся всегда занимать должности в тыловых учреждениях и избегают передовых позиций³.

В докладе генерал-майора Шаврова описан случай, произошедший в июле 1915 г., когда генерал-майор князь Карагеоргиевич, тогда уже, публично в присутствии генерал-лейтенанта князя Трубецкого и офицеров штаба, без видимой причины, начал кричать на полковника Гатовского: «Вы думаете, что Вы как офицер Генерального штаба что-нибудь знаете? Ничего решительно ваш Генеральный штаб не знает. Выбросьте Ваш академический знак в ватер-клозет. Все говорят, что Вы на позиции не ездите. Вы трус». На это полковник Гатовский ответил: «Знаю ли что-нибудь или нет, судить не Вам, Ваше Высочество, а бываю я на позициях тогда, когда это вызывается необходимостью по моей службе и по приказанию начальника отряда»⁴. Далее в докладе сообщалось, что каждый раз, когда штаб дивизии, а затем и конного отряда генерал-лейтенанта князя Трубецкого, занимал квартиры, сербский князь неизменно жаловался начальнику отряда, с которым был дружен более 30 лет и был с ним на «ты», что полковник Гатовский всегда вселяется в более лучшие комнаты, чем начальник отряда. Князь Карагеоргиевич считал также, что Гатовский дурно влияет на начальника

¹ Там же. Л. 233 об.–234.

² Шавров Борис Владимирович, род. 4 марта 1870 в Тифлисе, из дворян Московской губ. Окончил Оренбургский Неплюева кадетский корпус, 3-е воен. Александровское училище (9 авг. 1888), выпущен в 30-ю артиллерийскую бригаду. Окончил курс Александровской военно-юридической академии (1897). Служил военным прокурором и военным судьей при штабах воен. округов. Генерал-майор (6 дек. 1912). Заведующий военно-судной частью при полевом управлении главнокомандующего армиями Сев. фронта (19 сент. 1915 – 28 апр. 1917). Председатель Двинского военно-окружного суда (28 апр. – 15 дек. 1917). Умер 17 янв. 1928 в Ленинграде.

³ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 2030. Л. 234–234 об.

⁴ Там же. Л. 234 об.

отряда и мечтает поссорить его с братом сербского короля, то есть с ним самим. По аттестациям, данным Карагеоргиевичу и Гатовскому, первый всегда отличался безудержной личной храбростью и неуравновешенным поведением в любой обстановке, тогда как второй был человеком спокойным, выдержанным, но при этом имеющим большое самомнение.

5 июля 1915 г. отряд получил боевую задачу поддерживать связь между укрепленной Митавской позицией и правым флангом XIX армейского корпуса генерал-лейтенанта Дмитрия Александровича Долгова. При этом 2-я кавалерийская дивизия генерал-майора князя Карагеоргиевича должна была расположиться в полуверсте от мызы Грюнгоф, где в резервном порядке, то есть до получения данных разведки, находился штаб отряда. Приказ на это доставил подъесаул С.М. Измайлов¹. Ознакомившись с его содержанием, князь Карагеоргиевич прилюдно выразил своё несогласие и заявил, что расположение дивизии очень опасное и необходимо отойти на 6-10 вёрст назад. Вместе с этим князь громко начал во всем обвинять полковника Гатовского, а потом и подъесаула Измайлова после его отъезда. Затем вопреки приказу отвел дивизию на несколько вёрст назад. За самовольные действия командующий отрядом князь Трубецкой объявил князю Карагеоргиевичу замечание, добавив при этом: «Ваше Королевское Высочество, здесь я начальник и никто помимо меня распоряжаться не может»². Но Карагеоргиевич не успокоился и продолжил выяснять отношения с Гатовским. В резких и обидных выражениях он обвинил последнего в трусости и нерешительности. Заодно досталось подъесаулу С.М. Измайлову. Попал в недруги и штабс-ротмистр А.М. Федоров 1-й³. Тот, как показалось князю, проезжая мимо, якобы, улыбнулся в его адрес. В ответ Карагеоргиевич замахнулся на офицера нагайкой и очень раздраженно закричал, называя того на «ты»: «Ты почему улыбался сейчас? Ах ты мерзавец, шпион, я тебе морду разобью, ты лижешь ногти у Гатовского...»⁴

На следующий день, 6 июля 1915 г., немцы начали наступление на позиции конного отряда, который получил задачу держать оборону. Около 11 – 12 часов, князь Карагеоргиевич, не предупреждённый об этом и, не поставив никого в известность, отступил со 2-й кавалерийской дивизией, и прибыл в штаб отряда, находившегося в мызе Гросс-Вильцен. Генерал-лейтенант князь Трубецкой вновь указал князю Карагеоргиевичу на недопустимость самовольных действий. Серб стал утверждать, что дивизия чуть-чуть не попала в окружение, и командующий отрядом тоже мог попасть в плен, так как противник пытался окружить и месторасположение штаба отряда. Все доводы выглядели чистым вымыслом, так как немцы на участке 2-й кавалерийской дивизии вели себя пассивно, а в самой дивизии в этот день потерь не было. Получив от начальника отряда замечание, князь Арсений Александрович обвинил в произошедшем начальника штаба

¹ Измайлов Сергей Михайлович, род. 7 нояб. 1885, из дворян Донского казачьего войска, Окончил Донской кадетский корпус (1903), Николаевское кавалерийское училище (1905), выпущен во 2-й Донской казачий полк. Участник Первой мировой войны. Окончил подготовительные курсы академии Генштаба (1917), ротмистр. Участник Гражданской войны в составе Донской Армии. В эмиграции в Египте. Умер 19 июня 1920 в Александрии.

² РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 2030. Л. 235 об.

³ Федоров 1-й Агафангел Михайлович, род. 22 янв. 1877, сын статского советника Терской обл. Выдержал испытание при Владикавказской гимназии и окончил Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище (23 авг. 1902). Штабс-ротмистр 15-го уланского Татарского полка (1 сент. 1910).

⁴ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 2030. Л. 235 об.

отряда генерального штаба полковника Гатовского: тот якобы замыслил погубить его карьеру и нарочно, чтобы поссорить князей, не послал ему приказания.

В этот же день в штабе отряда князь Карагеоргиевич демонстративно не подал руки Гатовскому, а спустя некоторое время, начал громко на того кричать. Вновь досталось штабс-ротмистру Федорову 1-му, которого сербский князь назвал подлецом, шпионом и доносчиком на всех. Затем ругательствам подверглись остальные чины штаба отряда, обозванные мерзавцами, с обещанием некоторым «побить морды»¹.

В ходе расследования этого инцидента чины штаба штабс-ротмистр Федоров 1-й, подъесаул Измайлов, поручики 2-го лейб-уланского Курляндского полка В.А. Домбровский² и Г.С. Хан Меграбов³ показали, что затем, князь Карагеоргиевич стал разговаривать с князем Трубецким по-французски, все время показывая пальцем в сторону полковника Гатовского, который был в это время верхом на лошади. При этом Владимир Николаевич никакими действиями не показывал своего волнения, только лишь менялся в лице. Вдруг, князь Карагеоргиевич быстро подошел к лошади Гатовского и в испуге закричал: «Ты, паршивый трус, мерзавец, подлец, ты желаешь поссорить меня с князем...»⁴. При этом, свидетелям показалось, что князь сделал какой-то угрожающий жест в сторону Гатовского. Последний со словами: «Как ты смеешь старый.., или ах, ты, старый (болван или дурак)»⁵, ударил стеклом князя по голове, причем тот успел поднять для защиты правую руку. Получив удар, князь стал хвататься за шашку, затем попытался достать револьвер, но вышло не сразу, так как кобура находилась под накидкой. Князь Трубецкой, заметив намерение Карагеоргиевича, крикнул Гатовскому, чтобы тот немедленно уезжал. Владимир Николаевич тут же пришпорил коня и ускакал. Трубецкой распорядился удержать и связать князя. Но офицеры замешкались и не смогли быстро выполнить приказ начальника отряда. Когда опомнились, Карагеоргиевич уже вытащил револьвер и направил в сторону подъесаула Измайлова и штабс-ротмистра Федорова 1-го. Те быстро скрылись в помещении штаба и за домом. Позднее, при допросе, полковник Гатовский показал, что слышал от Карагеоргиевича фразу, обращенную к князю Трубецкому: «Я побую Гатовскому физиономию»⁶. Когда же серб, бормоча бранные слова, стал приближаться к сидевшему на лошади Владимиру Николаевичу, тот, будучи доведенный до потери самообладания, взмахнул имеющимся у него в руках стеклом и нанес князю удар по лицу. Вечером того же 6 июля, по показаниям полковника Гатовского, он по предложению князя Трубецкого, высказал Карагеоргиевичу сожаление о происшедшем и они пожали друг другу руки. Сербский князь также извинился перед штабс-ротмистром Федоровым 1-м и подъесаулом Измайловым, и сообщил, что чувствует себя больным и намеревается уехать на излечение. При этом по показаниям князя Трубецкого, Карагеоргиевич взмолился не губить его и попросил «свести на нет»

¹ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 2030. Л. 236.

² Домбровский Владислав Адольфович, род. 5 апр. 1891, католик, из потомственных дворян Минской губ. Окончил 1-й кадетский корпус, Елисаветградское кавалерийское училище (6 авг. 1911). Поручик 2-го лейб-уланского Курляндского полка (10 сент. 1914). Ординарец начальника 2-й кавалерийской дивизии (18 июля 1914).

³ Мелик-Меграбов Хан Георгий Соломонович, род. 28 окт. 1884, сын действительного статского советника, православный. Окончил 1-ю Санкт-Петербургскую гимназию, Тверское кавалерийское юнкерское училище (1909). Поручик 2-го лейб-уланского Курляндского полка (с 11 сент. 1913).

⁴ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 2030. Л. 236 об.

⁵ Там же. Л. 236 об.

⁶ Там же. Л. 237.

происшествие, в чем ему было отказано. Вместе с тем, князь Арсений Александрович высказал мнение о том, что инцидент произошел из-за прошлогоднего события и виноват в этом полковник Гатовский, который пожелал отомстить.

Вечером того же дня, генерал-майор князь Карагеоргиевич уехал в Петроград. О его отъезде по болезни командующий отрядом князь Трубецкой оповестил частным письмом начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии Н.Н. Янушкевича. В письме говорилось о сильном нервном расстройстве князя Карагеоргиевича, и выказывалась просьба впредь не назначать его в отряд. При этом об инциденте не упоминалось.

В дальнейшем при расследовании этого происшествия, Карагеоргиевич показал, что, будучи в возбужденном состоянии, сказал генерал-лейтенанту князю Трубецкому о своём желании отказаться от командования 2-й кавалерийской дивизией, так как рано или поздно ему придется побить начальника штаба. В то же время никаких бранных слов, в отношении Гатовского он не произносил. Тот же, подъехав к нему верхом, неожиданно ударил его палкой и сказал при этом: «Теперь мы квиты». Но эти показания не были подтверждены свидетелями.

Следователь генерал-майор Шавров в докладе от 6 ноября 1915 г. сделал следующие выводы: столкновения двух офицеров в ноябре 1914 г. носило исключительно личные мотивы, так как оба они были в одинаковых чинах, и ссора не затрагивала уголовно-наказуемые деяния. Что же касается июльского эпизода, то полковник В.Н. Гатовский был признан виновным в нанесении удара старшему по чину, несмотря на то, что князь Карагеоргиевич в присутствии многих свидетелей неоднократно словами оскорблял начальника штаба. Одновременно следователь обвинил князя А.А. Карагеоргиевича в том, что тот много раз публично оскорблял словами не только полковника Гатовского, но и чинов штаба отряда. Высказывались претензии и к командующему отрядом Трубецкому, что тот не только не подвергнул полковника Гатовского какому-либо взысканию, но даже умышленно не доложил об инциденте по команде. Согласно закону полковнику Гатовскому грозила ссылка «в каторжные работы на срок от 8 до 12 лет, генерал-лейтенанту князю Трубецкому то же наказание на срок от 4 до 6 лет, и генерал-майору князю Карагеоргиевичу дисциплинарное взыскание»¹.

Однако следствие приняло во внимание, что на момент начала расследования прошло уже почти полгода от последнего инцидента, причём само преступление осталось без оглашения. К тому же Гатовский имел отличные аттестации и заслуги, отмеченные боевыми орденами и Георгиевским оружием. Учитывалось и предвзятое отношение со стороны князя Карагеоргиевича, вызванное переутомлением последнего, и его особое положение, как брата сербского короля. В итоге генерал-майор Шавров сделал вывод о необходимости принятия решения по этому делу по усмотрению Его Императорского Величества Государя Императора, но не в уголовном, а в дисциплинарном отношении, указав, также, о необходимости увольнения полковника Гатовского от службы без права ношения мундира².

Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал-лейтенант Н.В. Рузский³ в письме начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу

¹ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 2030. Л. 239.

² Там же.

³ Рузский Николай Владимирович, род. 6 марта 1854, из дворян Калужской губ. Окончил 1-ю Санкт-Петербургскую воен. гимназию, 2-е воен. Константиновское училище (1872), Николаевскую академию Генерального штаба (1881). Участник Русско-турецкой и Русско-японской войн. Генерал от инфантерии (29 марта 1909). Командующий войсками 3-й армии (19 июля – 3 сент. 1914). Награждён орденом Св. Георгия 4-й ст. (23 авг. 1914):

от инфантерии М.В. Алексееву¹ от 11 ноября 1915 г. признал виновными обе стороны конфликта, но вместе с тем, сообщил, что «было бы желательно избежать судебного разбирательства, как ввиду особых условий положения князя Карагеоргиевича, так равно и всех обстоятельств дела, но с тем однако, чтобы оба они были переведены из Северного фронта, а п[олковник] Гатовский, сверх того, не назначался бы на должности Генерального Штаба»². Он также предложил применить меры дисциплинарного взыскания к князю Трубецкому, «оказавшему бездействие власти»³.

Генерал-лейтенант князь Трубецкой 11 ноября 1915 г. попытался лично доложить генералу от инфантерии Алексееву о сути дела, но начальник штаба Верховного главнокомандующего не захотел с ним встречаться, сославшись на уже полученные подробные объяснения при производстве расследования⁴. 24 ноября 1915 г. великий князь Александр Михайлович напишет памятную записку Алексееву, в которой, упомянет, что полковник Гатовский, «как дважды прошедший курс офицерской воздухоплавательной школы и имеющий звание летчика наблюдателя, является для авиации человеком весьма ценным...»⁵

2 декабря 1915 г. последовало Высочайшее распоряжение о вынесении выговора начальнику 2-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенанту князю Трубецкому. Соответственно генерал-майор князь Карагеоргиевич назначался в резерв чинов при штабе Киевского военного округа, а генерального штаб полковник Гатовский разжаловался в рядовые с прекращением судебных

«За бои с австрийцами, предшествовавшие взятию укрепленного гор. Львова»; орденом Св. Георгия 3-й ст. (23 авг. 1914): «За взятие 21-го сего августа укрепленного австрийского города Львова». Главнокомандующий армиями Сев.-Зап. фронта (3 сент. 1914. – 17 марта 1915), генерал-адъютант (22 сент. 1914). Награждён орденом Св. Георгия 2-й ст. (22 окт. 1914): «За победоносное отражение германо-австрийских армий, веденных на Варшаву, после чего все его, вверенные ему на этом фронте, армии перешли в наступление». Член Государственного Совета (с 17 марта 1915), член Военного Совета (с 20 мая 1915). Командующий 6-й армией (30 июня – 18 авг. 1915). Главнокомандующий армиями Сев. фронта (18 авг. – 6 дек. 1915 и 1 авг. 1916 – 25 апр. 1917). Проживал в Кисловодске. В сент. 1918 взят большевиками заложником и 18 окт. 1918 казнен в Пятигорске.

¹ Алексеев Михаил Васильевич, род. 3 нояб. 1857, из потомственных почетных граждан Тверской губ. Окончил Московское пехотное юнкерское училище (1876), Николаевскую академию Генерального штаба (1890). Участник Русско-турецкой войны, был ранен под Плевной. Участник Русско-японской войны. Генерал-лейтенант (7 окт. 1908). Начальник штаба армий Юго-Зап. фронта (с 19 июля 1914). Награждён орденом Св. Георгия 4-й ст. (6 сент. 1914): «За мужество и деятельное участие в подготовке успехов Юго-Западного фронта, увенчавшихся занятием Львова 21-го Августа 1914 года и оттеснением неприятельских сил за р. Сан». Генерал от инфантерии (24 сент. 1914). Главнокомандующий армиями Сев.-Зап. фронта (22 марта – 4 авг. 1915) и Зап. фронта (4 – 18 авг. 1915). Начальник штаба Верховного главнокомандующего (8 авг. 1915). Генерал-адъютант (10 апр. 1916). Врио обязанности Верховного главнокомандующего (11 марта – 2 апр. 1917). Верховный главнокомандующий (2 апр. – 22 мая 1917). Назначен в распоряжение Временного правительства (22 мая 1917). Начальник штаба Верховного главнокомандующего (30 авг. – 11 сент. 1917). 30 нояб. 1917 выехал из Петрограда в Новочеркасск. Организатор белой Добровольческой армии. Участник Первого и Второго Кубанских походов. Верховный руководитель Добровольческой армии. Умер от болезни в Екатеринодаре 8 окт. 1918. Прах перевезен в Сербию, погребен на Новом кладбище в Белграде.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 786. Л. 230.

³ Там же.

⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 786. Л. 228.

⁵ Там же. Л. 231.

разбирательств¹. 9 декабря появилось распоряжение о назначении Гатовского «на службу [в] один из полков кроме 2 кавалерийской дивизии». Сам же Владимир Николаевич «просит его назначить [в] Приморский драгунский полк...»². На следующий день последовало соизволение о назначении рядового Гатовского в этот полк. 21 декабря в дело вмешивается великий князь Александр Михайлович, и в телеграмме на имя генерала М.В. Алексеева напоминает ему о своей просьбе назначить рядового Приморского драгунского полка Гатовского в одну из авиационных частей³.

Пока не состоялся перевод, Владимир Николаевич нес службу в Приморском драгунском полку. Даже «с 22.12 по 24.12. производил рекогносцировку путей на участке Сиканы – Дабор – Ливалов. Результаты представлены в штаб дивизии»⁴.

Рядовой Гатовский прибыл в XXVI корпусной авиационный отряд через 6-ю авиационную роту 16 января 1915 г., но уже 24-го числа он ходатайствует о предоставлении ему месячного отпуска по причине заболевания «нервною экземою» в Петроград по адресу улица Чесменская дом 2⁵. Великий князь Александр Михайлович ходатайствовал о предоставлении отпуска и такой был разрешен⁶. После возвращения из отпуска, он «был задержан по делам службы в Управлении заведующего авиацией и воздухоплаванием в Действующей армии до 2 марта, после чего непосредственно отправлен в 26-й корпусной авиационный отряд»⁷. В отряде он служил наблюдателем и выполнял ряд воздушных разведок, разведок, в частности, «... при полетах 8, 11, 15 и 16 марта 1916 г., при обследовании района Усечка, Городенка, Веренчанка, Сина, Залещики, подвергаясь неоднократно обстреливанию артиллерийским огнем неприятеля, произвел ряд удачных воздушных разведок. На ст. Залещики сбросил 4 пуд. бомбы, производя пожары. 16 марта, невзирая на артиллерийский и ружейный огонь противника, произвел ряд фотографических снимков и сбросил 2 бомбы на груженный подвижной состав». За эти подвиги, приказом войскам 9-й армии за № 116 от 23 марта 1916 г. младший унтер-офицер Владимир Гатовский был награжден Георгиевским крестом 4-й степени за № 680518⁸. 8 апреля 1916 г. великий князь Александр Михайлович посылает телеграмму командующему войсками 9-й армии П.А. Лечицкому⁹, где указывает, что будет «просить Ваше

¹ Там же. Л. 240.

² Там же. Л. 246.

³ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 2030. Л. 248.

⁴ РГВИА. Ф. 2008. Оп. 1. Д. 1180. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 12.

⁸ Там же. Л. 15.

⁹ Лечицкий Платон Алексеевич, род. 18 нояб. 1856, сын священника, уроженец Гродненской губ. Окончил Литовскую духовную семинарию, Варшавское пехотное юнкерское училище (1880). Участник Русско-японской войны. Награждён орденом Св. Георгия 4-й ст. (13 февр. 1905), Золотым оружием с надписью «За храбрость» (9 дек. 1904). Генерал-майор (14 февр. 1905), генерал-лейтенант (14 февр. 1909). Командующий войсками Приамурского воен. округа и войсковой наказной атаман Амурского и Уссурийского казачьих войск (23 дек. 1910). Генерал от инфантерии (14 апр. 1913). Назначен командующим 9-й армией (9 авг. 1914). Награждён орденом Св. Георгия 3-й ст. (22 окт. 1914): «За форсирование вверенной ему армии, переправ на реке Висле от Сулиева до Новой Александрии включительно, чем было сломлено упорное сопротивление врага и при этом захвачено свыше 200 офицеров, 15 000 нижних чинов, 24 орудия и 36 пулеметов». Снят с должности и назначен в распоряжении воен. министра (18 апр. 1917). С 7 мая 1917 в отставке. Остался в РСФСР. Арестован 3 дек. 1919, но освобожден на следующий день. С 1920 в РККА. С янв. 1921 инспектор пехоты и

Высокопревосходительство не признаете ли возможным возбудить ходатайство о возвращении чина старшему унтер-офицеру Гатовскому, пробывшему более четырех месяцев в звании нижнего чина»¹. На это генерал П.А. Лечицкий отметил, что им уже было возбуждено ходатайство о возвращении чина, но главнокомандующий армиями отказал, сославшись на то, что «Гатовский сравнительно непродолжительный срок служит нижним чином»².

В тоже время командир XXVI корпусного авиационного отряда военный летчик штабс-капитан Б.Н. Фирсов³ 12 апреля 1916 г. подал на имя генерал-майора Н.Ф. Фогеля⁴ рапорт Государя Императора о службе в отряде Владимира Николаевича, где, в частности, отмечает: «Особливым же подвигом Младшего унтер-офицера Гатовского почитаю боевую службу его 30 Марта сего года при несении отрядом воздушной охраны района места пребывания Его Императорского Величества Государя Императора. Вызвавшись в этот же день охотником на внеочередной полет, несмотря на крайне опасные для полета атмосферные условия ... заметив неприятельского Альбатроса он несмотря на многократные попытки противника прорваться через линию охраны каждый раз преграждал ему путь, а по сближении с ним нашего аппарата на дистанцию 500 – 700 метров – обстрелял его метким пулеметным огнем, чем заставил его повернуть обратно за линию австрийских позиций...»⁵. На следующий день, 13-го апреля 1916 г., он был награжден приказом XXXIII армейского корпуса Георгиевским крестом 3-й степени за № 64144, 5-го мая 1916 г. Георгиевским крестом 2-й степени № 26465 «несмотря на многократные попытки неприятельского аппарата прорвать линию каждый раз преграждал ему путь, а затем и преследовал его».

Высочайшим приказом 6 мая 1916 г. младшему унтер-офицеру Приморского драгунского полк, прикомандированному к XXVI корпусному авиационному отряду Владимиру Гатовскому возвращается чин полковника и он командируется в своей

кавалерии Петроградского воен. округа. В 1921 арестован, содержался в Таганской тюрьме в Москве, где и умер в заключении.

¹ РГВИА. Ф. 2008. Оп. 1. Д. 1180. Л. 13.

² Там же. Л. 14.

³ Фирсов Борис Нилович, род. 17 марта 1888, сын подполковника. Окончил 2-й кадетский корпус, Павловское воен. училище (1907 г.), Учебный воздухоплавательный парк. Служил в Ковенском воздухоплавательном отделении. В 1911 учился в Севастопольской офицерской школе авиации. 7 июля 1911 выдержал экзамен на звание «пилот-авиатор». Служил в авиаотряде 4-й Сибирской воздухоплавательной роты. В 1913 удостоен звания «военный лётчик». Проходил службу в XXIII корпусном авиационном отряде и 25-й полевой воздухоплавательной роте, эскадре воздушных кораблей. Командир воздушного корабля «Илья Муромец – IV». Командир XXVI корпусного авиационного отряда (с 15 янв. 1916). Помощник командира 9-го авиационного дивизиона, инструктор Гатчинской военной авиационной школы. Участник Гражданской войны в составе Западной добровольческой армии. Прибыл в конце 1919 в Киев для переговоров с командованием ВСЮР. Заболел тифом. Скончался в станице Усть-Лабинской в дек. 1919.

⁴ Фогель Николай Федорович, род. 22 авг. 1874, сын потомственного почетного гражданина. Окончил школу К. Мая (1887), Морской корпус (1893). Капитан 1-го ранга (1912). Генерал-майор флота (1913). Состоял для поручений при Великом князе Александре Михайловиче. Назначен генералом для поручений при Заведующем авиацией и воздухоплаванием в Действующей армии с оставлением состоять при Великом князе Александре Михайловиче (21 окт. 1915). 25 марта 1917 отставлен от службы и выехал в Крым. Участник Белого движения на Юге России. В эмиграции в Германии. К 1933 переехал в Данию. К 1936 проживал в Италии и во Франции. Умер 11 мая 1943 в Копенгагене.

⁵ РГВИА. Ф. 2008. Оп. 1. Д. 1180. Л. 20.

полк для несения строевой службы¹. 12 октября 1916 г. на имя начальника Управления Военного Воздушного Флота посылается телеграмма о возможном включении полковника Приморского драгунского полка Гатовского «в списки кандидатов на должность Начальника одной из авиационных или воздухоплавательных школ»².

В конце 1916 г. В.Н. Гатовский был назначен командующим Кабардинским конным полком Кавказской Туземной конной дивизии. Но эхо его авиационных подвигов не угасало. 4 февраля 1917 г. на смотре в Кишиневе великим князем Георгием Михайловичем от имени Государя Императора он награждается Георгиевским крестом 1-й степени за № 7078 «за то, что, будучи прикомандирован к Штабу Кавказской Туземной конной дивизии, 4.05.1916 вызвался охотником на воздушную разведку района будущих операций дивизии, в результате которой выяснил подробное расположение укреплений и батарей противника, представив аэрофотоснимки особой важности»⁴⁹.

8 мая 1917 г. Владимир Николаевич возбудил «ходатайство [об] обратном переводе его [в] генеральный штаб...»³. Приказом по Армии и Флоту от 5 июня 1917 г. он назначается исполняющим должность начальника штаба Кавказской туземной конной дивизии с переводом в Генеральный штаб. В августе 1917 г. дивизия была развернута в конный корпус. Тогда же корпус был привлечён к участию в так называемом «Корниловском мятеже» за что Гатовский и командир корпуса генерал-лейтенант князь Д.П. Багратион⁴ были арестованы делегатами Шуры (комитета) корпуса по распоряжению помощника военного министра Б.В. Савинкова⁵. В Петрограде они были направлены в Петропавловскую крепость, но

¹ РГВИА. Ф. 2008. Оп. 1. Д. 1180. Л. 21.

² Там же. Л. 22.

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 786. Л. 259.

⁴ Багратион князь Дмитрий Петрович, род. 13 июня 1863, окончил Полоцкую воен. гимназию и Николаевское кавалерийское училище (1882), выпущен в 13-й уланский Владимирский полк. Назначен в Офицерскую кавалерийскую школу (15 авг. 1897). Помощник начальника школы (7 янв. 1909). Генерал-майор (6 дек. 1909). Редактор журнала «Вестник русской конницы» (1906–1914). Член совета Главного управления государственного коннозаводства (25 мая 1913). Командир 1-й бригады Кавказской туземной конной дивизии (23 авг. 1914). Командующий Кавказской туземной конной дивизии (20 февр. 1916). Генерал-лейтенант (12 июля 1916). Награждён Георгиевским оружием (8 нояб. 1916): «За то, что, состоя в чине Генерал-Майора, командиром 1-й бригады той же дивизии, с 23-го по 29-е Сентября 1915 года, получив задачу обеспечить слева операцию 11-го корпуса, атаковавшего позиции противника на р. Стрыпе, временно командуя дивизией, своими умелыми действиями, находясь лично под действительным артиллерийским огнем противника, нанес поражение австрийцам, пытавшимся атаковать левый фланг 11-го корпуса, причем захватил 450 пленных, 62 лошади с вьюками, 5 пулеметов и много другой военной добычи». Отчислен от должности (15 апр. 1917), зачислен в резерв чинов при штабе Киевского воен. округа. Назначен начальником Кавказской туземной конной дивизии (30 июня 1917). Назначен командиром Кавказского туземного конного корпуса (28 авг. 1917). Отчислен от должности (2 сент. 1917), зачислен в резерв чинов при штабе Петроградского воен. округа. Вступил в РККА (дек. 1918). Умер 21 окт. 1919 в Петрограде. Похоронен на Никольском кладбище.

⁵ Савинков Борис Викторович родился 19-го января 1879 г. в г. Харькове, сын товарища прокурора Варшавского военно-окружного суда, окончил Варшавскую гимназию, студент Петербургского университета, отчислен за революционную деятельность, арестован первый раз в 1897. Член боевой организации партии эсеров с июня 1903, участник множества террористических актов. После побега из-под ареста 16 июля 1916, находился в эмиграции в Германии. Талантливый литератор и журналист. С началом Первой мировой войны переехал во Францию. Возвратился в Россию 9 апр. 1917. Назначен товарищем военного министра (июль 1917). Исключен из партии эсеров (9

по дороге перехвачены полковником Я.Г. Багратуни¹, который от имени А.Ф. Керенского² пригласил их в Зимний дворец в качестве делегатов от Кавказского туземного конного корпуса. Князь Багратион и Гатовский получили свободу, но на следующий день князь Багратион вновь был арестован уже Петроградским

окт. 1917). Участник белого движения в составе Добровольческой армии. В февр. 1918 создал в Москве подпольную организацию «Союз защиты Родины и свободы». Организатор антибольшевистских восстаний в Ярославле и Рыбинске (июль 1918). После их подавления уехал в Уфу, откуда командирован с политической миссией в Париж. В эмиграции в Польше, вел активную антисоветскую деятельность. В авг. 1924 нелегально приехал в СССР, был арестован и осужден на 10 лет. Покончил с собой 7 мая 1925 в здании ОГПУ на Лубянке в Москве.

¹ Багратуни Яков Герасимович (Акоп Карапетович), род. 25 авг. 1879, армянин, из дворян, окончил Тифлисскую гимназию, Киевское пехотное юнкерское училище (1900), Николаевскую академию Генерального штаба (1907). Участник Русско-японской войны. Подполковник (6 дек. 1913). Исполнял должность штаб-офицера для поручений штаба I Туркестанского армейского корпуса (с 3 окт. 1914). Исполнял должность начальника штаба 76-й пехотной дивизии (с 24 янв. 1915). Исполнял должность начальника штаба 2-й Туркестанской стрелковой бригады (с 16 мая 1915). Награждён Георгиевским оружием (21 мая 1915): «За то, что, временно исправляя должность штаб-офицера для поручений I-го Туркестанского армейского корпуса, в бою 21-го Ноября 1914 года, при овладении Праснышем, будучи командирован начальником штаба корпуса к начальнику, командовавшему отрядом, своими правильными указаниями, основанными на личных наблюдениях, произведенных под самым действительным артиллерийским и ружейным огнем противника, решительным образом способствовал взятию Прасныша. Вовремя того же боя, находясь в передовых частях пехоты на наблюдательном пункте под артиллерийским и ружейным огнем противника, корректировал стрельбу артиллерии». Произведен в полковники (6 дек. 1915). Командир 8-го Туркестанского стрелкового полка (22 нояб. 1916). Награждён орденом Св. Георгия 4-й ст. (23 июня 1917): «За то, что, будучи и.д. начальника штаба 2 Туркестанской стрелковой дивизии, во время операций этой дивизии против неприятельских укреплений на линии Стырь - д. Яблонка-Боровая, с 19 по 24 Ин. 1916 г., произведя с опасностью для жизни ряд разведок, составил план наступления, одобренный начальником дивизии; при осуществлении его появлялся в самых опасных местах боя и лично принимал участие в проведении этого плана в исполнение, чем решительно содействовал победоносному успеху дивизии - взятию укрепленных позиций австрийцев при ур. Голес и д. Градье, при чем захвачено около 8500 пленных, 10 орудий, 22 пулемета, 11 бомбометов, 3 противотанковых орудия и много другой военной добычи». Начальник штаба Петроградского воен. округа (15 июля 1917). Генерал-майор (30 авг. 1917). Главнокомандующий войсками Петроградского воен. округа (25 окт. 1917). Арестован большевиками. Освобожден и назначен Армянским военным комиссаром (15 дек. 1917). Участник Гражданской войны в составе Армянского национального правительства. Руководитель объединенной военной миссии Республики Армения и национальной делегации в США с ноября 1919. Посол Армении в Англии (с ноября 1920). Эмигрант. Умер в Лондоне (23 дек. 1943).

² Керенский Александр Федорович, род. 22 апр. 1881 в Симбирске, сын коллежского советника. Окончил Ташкентскую гимназию с золотой медалью (1899), юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Адвокат, помощник присяжного поверенного, присяжный поверенный. Состоял в политической партии эсеров, фракции «трудовиков», депутат IV Государственной думы. Член Временного комитета Государственной думы (26 февр. 1917). Министр юстиции Временного правительства (2 марта 1917). Военный и морской министр (5 мая 1917), министр-председатель и военный и морской министр (7 июля 1917). После подавления выступления генерала Л.Г. Корнилова, принял пост Верховного Главнокомандующего. После большевистского переворота выехал 26 окт. 1917 в Гатчину, где попытался собрать войска, но после неудачной попытки, выехал в Новочеркасск. Вернулся в Петроград, скрывался, пытался участвовать в антибольшевистском сопротивлении, в июне 1918 выехал в Лондон. В эмиграции во Франции и США. Умер в Нью-Йорке 11 июня 1970. Похоронен в Лондоне.

советом и допрошен. Полковник Гатовский тоже подвергся допросу членами совета, но был отпущен, после чего убыл в месячный отпуск¹.

Приказом по Армии и Флоту от 3 октября 1917 г. Владимир Николаевич был произведен в генерал-майоры, а приказом по 7-й армии № 1765 от 31 октября 1917 г. награжден орденом Святого Георгия 4-й степени *«За то, что в бою 14 Июля 1917 года у д. Ключиньце, исполняя обязанности начальника штаба, Полковник ГАТОВСКИЙ в критическую минуту боя, когда противника, ведя энергичное наступление превосходными силами на фронте 3-й бригады Кавказской Туземной конной дивизии потеснил ее от дер. Перемилува, он, по собственному почину, верно оценив обстановку и, подвергая свою жизнь явной опасности от артиллерийского огня, не только указал выбранную позицию для арьергардного отряда, но и самолично распределил части боевого отряда, указал цели артиллерии и лично организовал укрепление и оборону левофлангового опорного пункта у д. Ключиньце, взяв на себя вместе с сим руководство самой обороной. Быстро принятыми мерами, он способствовал решительному успеху действий дивизии в этом бою. Руководя обороной важнейшего в тактическом отношении вышеуказанного опорного пункта, ведя здесь бой с несравненно сильнейшим противником, способствовал успеху боя всего арьергардного отряда и решающе повлиял на выручку отходивших в крайне тяжелой обстановке 6 и 41 армейских корпусов, предотвратив тем самым угрожавшую им опасность»*. 25 октября 1917 г. он был назначен в распоряжение главнокомандующего армиями Северного фронта, но в должность не вступил, так как стал исполнять должность помощника начальника Управления военного воздушного флота. В этом ранге он встретил Октябрьскую революцию, а затем получил назначение начальником демобилизационного отдела управления².

В декабре 1918 г. В.Н. Гатовский Реввоенсоветом РСФСР назначается председателем комиссии по закупке в Швеции самолетов. В море пароход, на котором комиссия направлялась в Швецию, захватили финские военные моряки. Члены комиссии попали в тюрьму на острове Скатудден (ныне Катаянокка) близ Гельсингфорса (Хельсинки), где находились до середины 1919 г.³ После освобождения Гатовский был арестован в Москве ВЧК и обвинён в шпионаже. Но вскоре отпущен и назначен в Военную академию РККА преподавателем, а затем старшим руководителем кафедры конницы. В этой должности он находился до осени 1930 г. С этого момента, в связи с открывшимся командным факультетом Военно-воздушной академии, был переведен туда.

В ноябре 1930 г. были арестованы дети Владимира Николаевича – сын Игорь и дочь Ирина по обвинению в переписке со своей тетей Софьей Иосифовной Ушаковой, бывшей замужем за эмигрантом Михаилом Константиновичем Ушаковым⁴.

23 февраля 1931 г. аресту подвергся и сам В.Н. Гатовский, проживавший тогда в Москве по Гагаринскому переулку (дом 23, кв. 55)⁵. На первом допросе 5 марта 1931 г. он подробно рассказал свою биографию, а в дополнительном протоколе допроса от того же 5 марта, упомянул несколько десятков известных ему сослуживцев по кадетскому корпусу, военному училищу, Николаевской академии Генерального штаба, РККА, военной академии РККА, военно-воздушной

¹ Галузевий державний архів Служби безпеки України (ГДАСБУ). Фонд прекращенных дел (ФП). Т. 98(76). Д. 67093 фп. Л. 10–10 об.

² Там же. Л. 10 об.–11.

³ Там же. Л. 11–11 об.

⁴ Там же. Л. 12.

⁵ Там же. Л. 1.

академии РККА, и гражданским ВУЗам¹. В протоколе допроса от 6 марта рассказал о проходивших ежегодно 9 декабря с 1924 по 1927 гг. Георгиевских вечерах, организуемых на квартире А.Е. Снесарева². На вечерах собирались бывшие Георгиевские кавалеры, в то время служившие в РККА. Эти вечера, по

¹ Там же. Л. 13–18 об.

² Снесарев Андрей Евгеньевич, род. 1 дек. 1865, сын священника, уроженец слободы Старая Калитва Острогожского уезда Воронежской губ. Окончил физико-математический факультет Московского университета (1888), Московское пехотное юнкерское училище (1889), Николаевскую академию Генерального штаба (1899), Московскую консерваторию. В офицеры произведен в 1-й Лейб-гренадерский Екатеринославский полк (10 авг. 1889). Участвовал в военно-топографическом описании Среднего Востока, совершил поездки по Афганистану, Тибету, Кашгарию. Владел 14 иностр. языками (английский, французский, немецкий, хинди, урду, пушту, фарси, узбекский и др.). Полковник (6 дек. 1908). Назначен начальником штаба 2-й Сводной казачьей дивизии (12 сент. 1910). Назначен командиром 133-го пехотного Симферопольского полка (30 дек. 1914). Награждён Георгиевским оружием (24 февр. 1915): «За то, что, будучи начальником штаба 2-й казачьей сводной дивизии, 12-го Августа 1914 года под Монастыржиской, у опушки леса, когда обнаружился охват с трех сторон противником наших спешенных частей, вместе с Хорунжими ГОЛУБИНСКИМ (там же и убитым) и КОВАЛЕВЫМ, собрал рассыпанные части и в ста шагах от неприятельской цепи руководил огнем». Произведен в генерал-майоры (23 дек. 1915). Назначен начальником штаба 12-й пехотной дивизии с переводом в генеральный штаб (28 янв. 1916). Награждён орденом Св. Георгия 4-й ст. (10 июня 1916): «За то, что 4-го Декабря 1914 года, в бытность, в чине Полковника, командующим 133-м пехотным Симферопольским полком, быстро прибыв в Посада-Рыботыцка, когда прорвавшийся противник угрожал захватом шоссе Троица – Роботычи и заходом в тыл нашим войскам, он, после быстрой ночной разведки, находясь все время боя под действительным ружейным огнем неприятеля, подвергая свою жизнь явной опасности и воодушевляя нижних чинов, молодецким наступлением, штыками выбил противника из ряда окопов и занял деревню Цысова, где и укрепился». Награждён орденом Св. Георгия 3-й ст. (15 июня 1917): «За то, что: 1) временно командуя 64 пехотной дивизией в бою 23 Окт. 1916 г. в районе Кирлибаба, когда противник, после сильной артиллерийской подготовки, повел атаку с целью прорыва нашей главной позиции в направлении высот 1318 - 1527, лично руководил отбитием атак на решительном участке позиции 253 пехотного Перекопского полка, а когда с наступлением темноты противнику удалось закрепиться в двух наших полуразрушенных окопах, внезапной штыковой атакой в ночь на 24 Окт. выбил противника из наших окопов, отбросив его за линию его исходного положения. Трофеи: 3 офицера, 185 солдат, 3 пулемёта, 3 бомбомёта и 2 миномёта.; 2) командуя той же дивизией, после ряда личных разведок под действительным огнем противника, разработал план прорыва позиций противника, прикрывавшей участок шоссе Кирлибаба-Якобени; перед самой уже атакой воодушевил людей, находясь в передовых окопах, а в момент движения рот в атаку, презрев очевидную опасность и находясь под сильным и действительным огнем противника, лично стал во главе наступающих рот и направлял их в атаку. Когда же наша пехота, преодолев сильное сопротивление противника, прорвала позицию последнего, лично повел в атаку 2 батальон 255 пехотного Аккерманского полка, чем закрепил наше положение, отбив ряд контратак сильных резервов противника. В результате этих действий наши войска овладели позицией противника и прекратили движение по шоссе на участке Кирлибаба-Якобени. Трофеи: 19 офицеров, 863 австро-венгерцев, 11 пулемётов, 4 бомбомёта и 2 штурмовых орудия». Назначен командующим IX армейским корпусом (9 сент. 1917). Произведён в генерал-лейтенанты с утверждением в должности (12 окт. 1917). Весной 1918 вступил в РККА, военный руководитель Сев.-Кавказ. воен. округа. С авг. 1919 – профессор и начальник Академии Генерального штаба (с 1921 – Воен. академия РККА). С 1924 преподаватель в той же академии. Военный руководитель института Востоковедения (1927). Герой труда (1928). Арестован по делу «Весна», приговорен к 10 годам лагерей. В 1934 освобожден по болезни. Умер в Москве 4 дек. 1937, похоронен на Ваганьковском кладбище.

словам Гатовского, носили не политический, а сугубо «салонный» характер. Многие из приглашенных вспоминали бои и походы времен Великой войны. Обычно, все приходило на эти вечера с орденами Святого Георгия на груди. Последний такой вечер, на котором присутствовал Владимир Николаевич, проходил в 1927 г. на квартире Е.М. Голубинцева¹, был организован в складчину всеми приглашенными. Также Гатовский показал о совещаниях, проходивших с 1924 по 1929 гг. на квартире А.И. Верховского², заведующего кафедрой тактики

¹ Голубинцев Евгений Матвеевич, род. 31 дек. 1879, из дворян, уроженец ст. Кременской войска Донского. Окончил Донской казачий корпус (1898), Михайловское артиллерийское училище (1900). В офицеры произведен в 28-ю артиллерийскую бригаду. Участник Русско-японской войны. Офицер лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Преподаватель Михайловского артиллерийского училища (1909–1915). Подполковник, командир 1-й батареи 2-го Финляндского стрелкового артиллерийского дивизиона. Полковник (28 янв. 1917). Командир 1-го дивизиона 4-й Финляндской стрелковой артиллерийской бригады (25 марта 1917). Награждён орденом Св. Георгия 4-й ст. (30 июня 1917): «За то, что, состоя в рядах 2 Финляндского стрелкового артиллерийского дивизиона в чине Подполковника, 11 Ин. 1916 г. в бою у д. Липа, находясь на наблюдательном пункте в передовых пехотных окопах под сильнейшим огнем противника, метким огнем своей батареи настолько ослабил огонь пулеметов противника, что позволил нашей пехоте без больших потерь завладеть сильно укрепленным предместным укреплением. В бою 18 Ин. у д. Липовщица, когда часть нашей пехоты под натиском сильнейшего противника вынуждена была очистить окопы двух рот, метким огнем своей батареи остановил продвижение противника. Раненый ружейной пулей в руку навывлет, продолжал оставаться, под сильнейшим огнем противника, на наблюдательном пункте и огнем своей батареи помог нашей пехоте выбить противника из занятых им наших окопов и восстановить положение». Награждён Георгиевским оружием (11 окт. 1917): «За то, что в боях с 16 по 19 июня 1917 года за выс. "Могила" командуя группой артиллерии и подвергая свою жизнь явной опасности, неоднократно производил рекогносцировки позиции противника, что дало ему возможность вполне правильно оценить обстановку и блестяще выполнить задачу группы. В течение артиллерийской подготовки находясь на наблюдательном пункте, в сфере действительного ружейного огня, корректировал стрельбу не только своей группы но и соседней, чем весьма содействовал общему успеху. Во время атаки позиции противника двигаясь с третьей волной пехоты, сопровождал ее огнем своей группы и заметив контратаку противника немедленно остановил ее огнем своих батарей». С апреля 1918 г. в РККА., вр.и.д. командующего 7-й армией. Состоял в распоряжении военного представителя РСФСР в Грузии, преподаватель и заведующий кафедрой артиллерии Военной академии РККА. Арестован по делу «Весна» (2 янв. 1931), виновным себя не признал, приговорён к 5 годам исправительно-трудовых лагерей (18 июля 1931). Досрочно освобожден 26 февр. 1932, восстановлен в кадрах РККА, работал преподавателем и начальником кафедры тактики в Артиллерийской академии. Уволен в запас (31 дек. 1937). Повторно арестован по обвинению в руководстве контрреволюционной монархической офицерской организацией и проведении вредительской работы против советской власти (8 янв. 1938). Вину признал, но затем от признательных показаний отказался. Особым совещанием приговорён к 5 годам ссылки в Красноярский край (23 июля 1940), ссылку отбывал в Сухобузимском. По отбытию срока наказания, в январе 1943 был восстановлен в кадрах РККА с присвоением звания полковник, назначен преподавателем в Артиллерийскую академию. С 1944 стажировался в действующей армии. 1 окт. 1944 назначен вр.и.д. заместителя командующего артиллерией 70-й армии. Награждён орденом Отечественной войны 1-й ст (1944). Вернулся к преподаванию в Артиллерийской академии. В 1949 вышел в отставку. Реабилитирован 22 февр. 1955. Умер 16 февр. 1958 в Москве, похоронен на Введенском кладбище.

² Верховский Александр Иванович, род. 27 нояб. 1886, из дворян Смоленской губернии, уроженец Санкт-Петербурга. Обучался в Пажеском корпусе, но в 1905 за

военной академии РККА, на которых присутствовали бывшие генералы и офицеры русской армии, ныне профессора и преподаватели академии. Также Владимир Николаевич рассказал о встречах с А.А. Брусиловым¹ на его квартире в 1922–1923 гг.¹

либеральные высказывания исключен и отправлен нижним чином на фронт в Манчжурию. Участник Русско-японской войны в составе 35-й артиллерийской бригады, затем в 1-м горном артиллерийском дивизионе. За боевые отличия произведён в подпоручики (1905). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1911). Старший адъютант штаба 3-й Финляндской стрелковой бригады (26 нояб. 1913). Генерального штаба капитан (6 дек. 1913). Награждён Георгиевским оружием (21 марта 1915): «За то, что в лесном бою под Августовым, 19-го Сентября 1914 года, исправляя обязанности начальника штаба бригады, успешно провел через лесные пространства в тыл и в обход противника, находящегося северо-западнее д. Плочицно, части бригады, атаками коих противник был оттеснен: при этом был ранен». Награждён орденом Св. Георгия 4-й ст. (26 апреля 1915): «За то, что в бою 25-го Августа 1914 года, под Бялой, исполняя обязанности начальника штаба, в критическую минуту боя, подвергая свою жизнь явной опасности, по собственному почину принял меры, которыми выручил отряд от грозившей ему опасности быть окруженным». И.д. старшего адъютанта отделения управления генерал-квартирмейстера 9-й армии (4 авг. 1915). И.д. помощника начальника отделения управления генерал-квартирмейстера 7-й армии (3 дек. 1915). И.д. старшего адъютанта отделения генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии (26 янв. 1916). Подполковник (10 апр. 1916). В распоряжении начальника Генерального штаба (19 окт. 1916). Помощник флаг-капитана по сухопутной части штаба начальника высадки Черного моря (31 дек. 1916). И.д. начальника штаба отдельной Черноморской морской дивизии (16 февр. 1917). После Февральской революции активный участник политической жизни. Полковник (2 апр. 1917). Командующий войсками Московского военного округа (31 мая 1917). Военный министр с производством в чин генерал-майора (30 авг. – 22 окт. 1917). Уволен в двухнедельный отпуск 22 окт. 1917 выехал на Валаам. 3 нояб. 1917 вернулся в Петроград и вместе с членами ЦК партии эсеров направлен в Ставку. Отошел от политической деятельности. В феврале – апреле и в мае – ноябре 1918 находился в заключении. Освобожден и мобилизован в РККА (дек. 1918). Начальник оперативного отдела при штабе Петроградского воен. округа. Находился под арестом (март – окт. 1919). С октября 1919 инспектор военно-учебных заведений Запасной армии. Служил в Главном управлении учебных заведений и Военной академии РККА. С мая 1930 начальник штаба Сев.-Кавказ. воен. округа. Арестован 2 февр. 1931 по делу «Весна». Признал себя виновным. Приговорен к расстрелу с заменой 10 годами лагерей (2 дек. 1931). Досрочно освобожден (17 сент. 1934). Преподавал на курсах «Выстрел», в Военной академии имени Фрунзе и Академии Генерального штаба (с 1936), профессор, комбриг. Повторно арестован 11 марта 1938. Расстрелян 19 авг. 1938, похоронен на полигоне «Коммунарка». Реабилитирован 28 нояб. 1956.

¹ Брусилов Алексей Алексеевич, род. 19 авг. 1853 в Тифлисе, из дворян, сын генерала. Окончил Пажеский корпус (1872). Выпущен прапорщиком в 15-й драгунский Тверской полк. Участник Русско-турецкой войны 1877-1878. Находился на Кавказском ТВД. Генерал-майор (1901), начальник Офицерской кавалерийской школы (10 февр. 1902). Командующий 2-й Гвардейской кавалерийской дивизией (19 апр. 1906). Генерал-лейтенант с утверждением в должности (6 дек. 1906). Командир XIV армейского корпуса (5 янв. 1909). Помощник командующего войсками Варшавского воен. округа (5 дек. 1912). Генерал от кавалерии (6 дек. 1912). Командир XII армейского корпуса (15 авг. 1913). Командующий войсками 8-й армии (28 июля 1914). Награждён орденом Св. Георгия 4-й ст. (23 августа 1914): «За бои с австрийцами, результатом коих было взятие 21-го сего августа гор. Галича». Награждён орденом Св. Георгия 3-й ст. (18 сентября 1914): «За отбитие атак на Городокскую позицию, с 24-го по 30-е Августа 1914 года». Назначен генерал-адъютантом. Награждён Георгиевским оружием (27 окт. 1915): «За отличное руководство действиями войск вверенной ему армии при переходе ее 1 – 5-го Августа 1915 года правым флангом в наступление в районе Колки-Сокуль-Луцк-Млынов и в боях 4 – 10-го Октября 1915 года при вторичном переходе этой армии в наступление правым ее

31 марта 1931 г. было вынесено постановление о привлечении Гатовского по делу № 107590 в качестве обвиняемого по статье 58 Уголовного кодекса с избранием меры пресечения – содержание под стражей². Видимо, в это время следователи ОГПУ его «сломали». В тот же день он показал, что, начиная с 1922 г. являлся членом офицерской контрреволюционной организации и участвовал в ее деятельности на Георгиевских вечерах, организованных на квартире А.Е. Снесарева. Целью организации было создание глубоко законспирированных офицерских ячеек на случай иностранной интервенции против СССР. Обсуждения и формирование групп бывших офицеров происходили также и на совещаниях на квартире у А.И. Верховского. Последний протокол допроса, имеющийся в деле, датирован 6 апреля³. В нем Владимир Николаевич уточнил свои прежние показания о Снесареве и Брусилове. Протоколом заседания коллегия ОГПУ от 18 июля 1931 г. постановила заключить В.Н. Гатовского в концлагерь на 3 года, приговор считать условным и из-под стражи освободить⁴. Владимир Николаевич был освобожден из-под стражи 26 июля 1931 г., а 25 сентября приказом РВС СССР за № 714 был зачислен в резерв высшего начальствующего состава РККА с назначением преподавателем МГУ⁵. О последних годах жизни В.Н. Гатовского известно мало. Умер Владимир Николаевич в 1935 г., похоронен на Введенском кладбище в Москве. Его супруга Евгения Иосифовна пережила своего мужа на 33 года и умерла в 1968 г. Погребена там же на Введенском кладбище. 2 ноября 1956 г. дело № 554672 было передано из г. Вологды, где хранилось до того времени в московский архив КГБ. Постановлением временно исполняющим обязанности военного прокурора Киевского военного округа полковником юстиции Е.М. Левченко от 30 июня 1989 г. Владимир Николаевич Гатовский был реабилитирован⁶.

флангом, причем в означенных боях войсками упомянутой армии взято в плен 720 офицеров и 44 230 нижних чинов и захвачено знамя, 9 орудий и 108 пулемётов». Назначен Главнокомандующим армиями Юго-Зап. фронта (17 марта 1916). Награждён Георгиевским оружием, украшенным бриллиантами (20 июля 1916): «За поражение австро-венгерских армий и взятие их сильно укрепленных позиций на Воыни, в Галиции и в Буковине 22 – 25-го Мая 1916 года». Назначен Верховным главнокомандующим (21 мая 1917). Отчислен от должности (19 июля 1917)., проживал в Москве. В августе 1918 был арестован, в декабре того же года освобожден. С 1919 в РККА, с 20 апр. 1920 член Военно-исторической комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914-1918. С мая 1920. состоял в составе Особого совещания при главкоме РККА. 11 сент. 1920 подписал «Воззвание к офицера армии барона Врангеля». С июня 1920 – главный инспектор Центрального управления коннозаводства и животноводства при Наркомземе, главный инспектор коннозаводства и коневодства (июль 1922), инспектор кавалерии РККА (1923–1924). С 1924 состоял для особо важных поручений при РВС СССР. Умер 17 марта 1926 в Москве, похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря.

¹ ГДАСБУ. ФП. Т. 98(76). Д. 67093 фп. Л. 19–22.

² Там же. Л. 26.

³ Там же. Л. 38–44.

⁴ Там же. Л. 95.

⁵ Там же. Л. 101.

⁶ Там же. Л. 108–109 об.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

УДК 94(47).084.3

А. И. ОКУЛОВ И ДИСКУССИЯ ПО ВОЕННОМУ ВОПРОСУ В ПРЕДДВЕРИИ VIII СЪЕЗДА РКП(Б)

Аннотация: В фонде Серпуховского уездного комитета РКП(б) Московской губернии отложен протокол заседания 1-й Серпуховской уездной конференции РКП(б), состоявшейся в конце февраля 1919 г. Данная конференция состоялась в преддверии VIII съезда РКП(б), проходившего в Москве в марте 1919 г. На уездной конференции с докладом «О военной политике» выступил член Революционного военного совета Республики А.И. Окулов. Публикуемый ниже протокол заседания конференции важен для изучения не только истории Серпуховской уездной организации РКП(б), но и событий, связанных с Дискуссией по военному вопросу в 1918 – начале 1919 г.

Ключевые слова: Гражданская война, Дискуссия по военному вопросу, VIII съезд РКП(б), А.И. Окулов, Л.Д. Троцкий.

A. I. OKULOV AND DISCUSSION ON A MILITARY ISSUE IN THE RUN-UP TO THE VIII CONGRESS OF THE RCP(B)

Abstract: The fund of the Serpukhov district committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks) (of RCP(b)) of the Moscow region postponed the minutes of the 1st Serpukhov district conference of the of RCP(b) held at the end of February 1919. This conference was held on the eve of the VIII Congress of the Russian Communist Party (Bolsheviks), which took place in Moscow in March 1919. The minutes of the meeting of the conference published below are important for studying not only the history of the Serpukhov city organization of the RCP(b), but also the events related to the Military Discussion in 1918 – early 1919.

Key words: Civil War, Military Discussion, VIII Congress of RCP(b), A.I. Okulov, L.D. Trotsky.

С. С. Войтиков (Москва)

Дискуссия по военному вопросу в 1918 – начале 1919 г. давно находится в поле зрения исследователей.

Как установил крупный специалист по истории начального военного строительства М.А. Молодцыгин, «несомненно сыграл немалую роль в советском военном строительстве» VIII съезд РКП(б), проходивший в Москве в марте 1919 г. Принятые съездом документы «...содержали реальную программу действий ЦК партии, комиссаров и политработников, всех армейских коммунистов. Вместе с тем, именно с этого съезда можно начинать отсчет подчинения армии высшим партийным органам, без чего не могло быть всевластия РКП(б), прикрытого речами о власти народа, а на деле означавшего возможность использования военных частей против народа»¹.

Впервые в историографии М.А. Молодцыгин проанализировал ход обсуждения военного вопроса на закрытом заседании специальной секции, детально проанализировав противоречия в якобы «стройных рядах» никогда не

¹ Молодцыгин М.А. Красная армия. Рождение и становление. М., 1997. С. 162.

существовавшей в природе «ленинской гвардии»¹. Кроме того, выявив и изучив тщательно отредактированный наркомом по военным и морским делам РСФСР и председателем высшего военного коллегиального органа Советской России (в марте–августе 1918 г. Высшего военного совета) Л.Д. Троцким черновик его ответного послания в ЦК РКП(б) на тезисы, сформулированные на основании резолюций съезда членом ЦК РКП(б) Г.Е. Зиновьевым, М.А. Молодцыгин обнаружил в нем важнейший абзац, не вошедший в окончательную редакцию. В абзаце еще раз подчеркивалось, что партия большевиков «далеко не монолит, прежде всего в ее руководящем звене. Если все признавали лидером Ленина, то за второе место шла борьба между Троцким, Зиновьевым и Сталиным. Лидер умело пользовался этим, выступая в роли примирителя, борца за единство»².

Основные тезисы советской историографии по истории «военной оппозиции» на VIII съезде РКП(б) 1919 г. содержатся в коллективной монографии по истории Гражданской войны. Как справедливо отмечается в издании, «военная оппозиция не имела общей платформы»³. Вождями ее на съезде выступили член Реввоенсовета 5-й армии В.М. Смирнов⁴ и военные руководители красного Царицына С.К. Минин и К.Е. Ворошилов.

В статье с анализом современной историографии истории создания и становления Красной армии единственный современный авторитет в области историографии истории Гражданской войны В.И. Голдин констатировал: «Комплекс принципиальных вопросов военного строительства и военной политики и дискуссии с участием представителей т.н. военной оппозиции стал предметом рассмотрения на Восьмом съезде партии большевиков [...]. Думается, что при наличии значительной литературы, в которой так или иначе освещалась эта дискуссия и различные подходы к строительству Красной армии, она заслуживает обстоятельного монографического исследования»⁵.

Публикуемый документ, выявленный в Центральном государственном архиве города Москвы (ЦГА Москвы), рассказывает о подготовке к Дискуссии по военному вопросу на VIII съезде РКП(б) сторонников Л.Д. Троцкого в советском военно-политическом руководстве – о выступлении с докладом на заседании Серпуховской уездной конференции РКП(б) одного из ближайших соратников Л.Д. Троцкого А.И. Окулова⁶, который осенью 1918 г., будучи членом

¹ См.: Там же. С. 157 и след.

² Там же. С. 164.

³ Гражданская война в СССР: Т. 2. М., 1986. С. 22. О том же: Липицкий С.В. Ленинское руководство обороной страны: Создание и деятельность высших органов руководства обороной Советской республики. 1917–1920. М., 1979. С. 169.

⁴ Смирнов Владимир Михайлович (1887–1944) – советский партийный, государственный и военный деятель. Членство в партиях: РСДРП (большевик) с 1907. В советском военном ведомстве – член Реввоенсовета 5-й армии (1918–1919); комиссар Академии Генштаба РККА; в распоряжении ВСНХ (с апреля 1920). В 1930-е гг. на ответственной работе в Секретариате ЦК ВКП(б).

⁵ Голдин В.И. Паутина из легенд // Родина. 2011. № 2. С. 5.

⁶ Окулов (в ряде документов — Акулов) Алексей Иванович (1880–1939) – советский военный деятель. Русский. За границей: не был. Занятия до 1917 – революционер. Членство в партиях: РСДРП с 1903, большевик. На партийной работе – в Киеве, Екатеринбурге, Москве, Петербурге. В старой армии – не служил. Во время Февральской революции – один из организаторов Красноярского совета, член губкома РСДРП(большевиков) и председатель губисполкома Енисейской губернии, председатель нелегального Съезда революционных Советов Северной Сибири. Член ВЦИК, член Президиума ВЦИК (1918). В советском военном ведомстве – член РВС Южного фронта (октябрь–декабрь 1918, июнь–август 1919) и член РВС 10-й армии (октябрь–декабрь 1918); член Реввоенсовета Республики (январь–июль 1919) и Реввоентрибунала

Реввоенсовета Южного фронта и членом Реввоенсовета 10-й армии, находился в состоянии острого конфликта с царицынцами – С.К. Мининым и К.Е. Ворошиловым¹.

Весной 1918 г. на VII съезде РСДРП(б)–РКП(б) началась дискуссия о месте и роли военных специалистов в Красной армии, однако окончательное решение «военного вопроса» состоялось на следующем, VIII съезде РКП(б) 1919 г. К этому моменту дискуссия о постановке военных специалистов на ответственные посты в Красной армии естественно эволюционировала в обсуждение вопроса о руководстве военным ведомством Л.Д. Троцкого и его «нового курса» (выражение М.А. Молодцыгина) – на строительство массовой регулярной Красной армии².

Л.Д. Троцкий в преддверии VIII съезда РКП(б) отпросился у ЦК РКП(б) на фронт, дабы не участвовать в баталиях на заседаниях верховного партийного органа. Член Реввоенсовета Республики С.И. Аралов³ позднее констатировал в своих воспоминаниях: «С докладом по военному вопросу на съезде выступил Сокольников⁴. Доклад должен был сделать Троцкий, но, зная отрицательное

Республики (январь–май 1919) и одновременно член РВС Западного фронта (май–июнь 1919); нач. 43-й стр. дивизии Южного фронта (сентябрь 1919–февраль 1920) и комендант Тульского укрепрайона (с декабря 1919); военный комиссар Восточно-Сибирского военного округа (февраль 1920–1923). В межвоенный период — на руководящей партийной и хозяйственной работе. Участие в войнах: Гражданская война – один из организаторов обороны Омска и Тюмени (1918). Репрессирован, расстрелян. Реабилитирован.

¹ См. подр.: *Войтиков С.С.* И.В. Сталин против Я.М. Свердлова. Осень 1918 г. // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 30–45; Он же. «Ворошилов командовать армией совершенно не может»: Пиррова победа Троцкого над Сталиным, или как Троцкий выжил Ворошилова из Царицына на Украину (1918–1919 гг.) // Новый исторический вестник. 2014. № 1(39). С. 120–150.

² См., напр.: *Молодцыгин М.А.* 120 дней Наркомвоена: Из истории перехода к строительству массовой регулярной Красной армии // Военно-исторический журнал. 1989. № 8. С. 47–62; № 10. С. 36–55; *Войтиков С.С.* С чего началась история Красной Армии // Отечественная история. 2006. № 6. С. 126–133.

³ Аралов Семен Иванович (1880–1969). Из купцов. В революционном движении с 1903. В старой армии – штабс-капитан. – зав. Оперативным отделом МВО – Наркомвоена (январь–сентябрь 1918); член РВСР (сентябрь 1918–июль 1919) и военком Полевого штаба РВСР (ноябрь 1918–июль 1919); член РВС 12-й армии Каспийско-Кавказского фронта (июнь 1919–ноябрь 1920). – (Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919 гг. С. 596).

⁴ Сокольников Григорий Яковлевич (1888–1939) – член РВС Южного фронта; команд. 8-й армии (с ноября 1919); команд. войсками Туркестанского фронта (с августа 1920). «Приказ Революционного военного совета Республики по личному составу армии» о награждении Г.Я. Сокольникова орденом «Красного знамени»: «№ 150, Москва. 12 апреля 1920 г. Секретно. Награждается орденом "Красного знамени": Командующий 8 армией, тов. Сокольников Григорий Яковлевич, за блестящее руководство в бытность членом 2 армии, в окт[ябре] и н[оя]бр[е] 1918 г., наступлением особого отряда на Воткинский и Ижевский заводы с севера, завершившимся полным разгромом превосходных сил противника; за неутомимую боевую работу и выдающееся мужество, проявленные им в качестве члена РВС Южного фронта в трудные дни отхода армий от Черного моря на север летом 1919 г. и за выдающееся единоличное командование войсками 8 армии, приняв которую в октябре 1919 г., в момент окружения ее конницей Мамонтова, он воодушевил войска, стойко выдержал натиск врага и, перейдя в решительное наступление, одержал ряд побед под Бобровом, Павловском, Старобельском, Луганском и в районе ст. Лихой и наконец отбросил врага за Дон, а равно за выдающиеся заслуги в деле строительства Красной Армии и создания ее мощи. Председатель Революционного военного совета Республики Троцкий.

отношение к себе со стороны большинства военных делегатов, он добился разрешения от ЦК не участвовать в работе съезда и уехал на Восточный фронт, где в то время под Уфой и Пермью шли большие бои»¹. Председателю Реввоенсовета Республики позволили уклониться от участия в работе верховного органа РКП(б)², а вот одному из лидеров военной оппозиции В.М. Смирнову, напротив, разрешили «остаться согласно его просьбы в Москве»³.

В условиях отсутствия на съезде Л.Д. Троцкого вместо него доклад по военной политике сделал Г.Я. Сокольников⁴. Перед отъездом на фронт Л.Д. Троцкий встречался со своими сторонниками и давал им ценные указания. Г.Я. Сокольникову как докладчику он передал уточненные тезисы «Наша политика в деле создания армии»⁵.

Менее известно другое. По мнению Д.А. Волкогонова, Л.Д. Троцкий особенно рассчитывал на члена РВСР А.И. Окулова, который еще не успел приехать в Москву с фронта. Председатель РВСР даже специально запросил по прямому проводу С.И. Аралова: «Прибыл ли т. Окулов? Так как мне придется уехать до съезда, я хотел бы условиться с т. Окуловым относительно поведения на съезде...»⁶

16 марта 1919 г. Л.Д. Троцкий написал в ЦК РКП(б): «Тов. Сокольникову поручен доклад о нашей военной политике. Я, с[о] своей стороны, очень настаивал бы на том, чтобы т. Окулову был предоставлен дополнительный доклад с таким разграничением, что т. Сокольников дал бы общую принципиальную характеристику нашей политики, [а] т. Окулов представил бы в свете указанной принципиальной оценки очень поучительный, важный материал из жизни армии, особенно относительно судьбы формирований и зависимости от способов формирований, о роли военных специалистов в армии и о коммунистах в армии»⁷. Иными словами, председатель РВСР попытался перестраховаться, предложив назначить содокладчиком по военной политике преданного А.И. Окулова, но ЦК откровенно абсурдное предложение отверг, согласившись лишь предоставить Окулову возможность «выступить с обычной речью в 15 минут», пообещав, впрочем, поддержать «требование о продлении ему времени»⁸.

А.И. Окулов на заседаниях военной секции старательно сводил накопившиеся противоречия в военном руководстве к обсуждению вопроса о постановке военных специалистов на ответственные посты в РККА. В частности он обрушился на царицынскую группировку военных оппозиционеров с критикой расправ над военспецами⁹, политики на местах, вызвавшей откровенное озлобление населения, признаний бывшего члена РВС 10-й армии С.К. Минина, что этот военный совет «называется революционным потому, что он имеет право отменять все законы центра в революционном порядке»¹⁰.

Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики С. Каменев. Член Революционного военного совета Республики Курский. РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 98. Л. 237. Типогр. экз.)

¹ Аралов С.И. Ленин вел нас к победе. М., 1989. С. 89.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 164.

³ Там же. С. 164.

⁴ Там же. С. 157–158.

⁵ Волкогонов Д.А. Троцкий: Кн. 1. М., 1997. С. 303.

⁶ Цит. по: Волкогонов Д.А. Троцкий: Кн. 1. С. 304.

⁷ Цит. по: Войтиков С.С. Узда для Троцкого. М., 2016. С. 263.

⁸ Цит. по: Там же. С. 264.

⁹ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 157.

¹⁰ Там же. С. 158, 177.

В фонде Серпуховского уездного комитета РКП(б) Московской губернии нами выявлен протокол заседания 1-й Серпуховской уездной конференции РКП(б). Данная конференция состоялась в преддверии VIII съезда партии. На ней с докладом «О военной политике» выступил как раз А.И. Окулов. Таким образом, публикуемый нами протокол заседания конференции важен для изучения не только истории Серпуховской уездной организации РКП(б), но и событий, связанных с Дискуссией по военному вопросу в 1918 – начале 1919 г., поскольку доклад Окулова в известной степени представлял собой апробацию его несостоявшегося содоклада и состоявшегося выступления в прениях на заседании военной секции съезда.

Относительно истории Серпуховской уездной организации РКП(б) следует заметить, что протокол заседания конференции свидетельствует о крайне низком уровне политических представлений местных большевиков, которые в ходе обсуждения доклада А.И. Окулова по военному вопросу вначале сплошь и рядом высказывали взгляды «военной оппозиции», а после заключительного слова докладчика все как один проголосовали за предложенный Окуловым проект резолюции¹.

Протокол 1-й Серпуховской уездной конференции РКП(б)²

25 февраля 1919 г.

25 февраля открылась уездная конференция РКП.

До избрания президиума оглашаются два внеочередных заявления:

1. Ввиду того что коммунистическая ячейка Латышского полка³ направила своих делегатов на съезд коммунистов Латвии, который от себя изберет представителей на Всероссийский съезд партии, на уездной конференции товарищи из Латышского полка присутствуют только для связи с местной организацией.

2. Тов. Антонов⁴ сделал информационное сообщение о революционном движении в Баварии и об образовании в Мюнхене советского правительства⁵. Сообщение это было встречено продолжительными аплодисментами.

Затем избран президиум в составе тт. Анскина⁶ (председатель), Романова (тов[арищ] председателя) и Илюшина (секретарь). Вторым секретарем избран т. Степанов.

Утвержден следующий порядок дня: 1) Внешняя политика; 2) Военная политика; 3) Внутренняя политика и взаимоотношение мест с центром;

¹ ЦГА Москвы. Ф. П-1605. Оп. 1. Д. 3. Л. 9 об.

² Заголовок документа.

³ Латышские стрелки осуществляли охрану Полевого штаба РВСР.

⁴ Антонов А.А. – старый большевик, сотрудник Российского телеграфного агентства, направленный в Серпухов В.И. Лениным. См. о нем подр.: *Войтиков С.С.* Армия и власть. Корнилов, Вацетис, Тухачевский. М., 2016. С. 19 и след.

⁵ В ночь на 8 ноября 1919 г. (См. подр.: Ватлин А.Ю. Советское эхо в Баварии: историческая драма 1919 г. в шести главах, пяти картинах и двадцати документах. М., 2014).

⁶ Анскин (Анский) Адольф Яковлевич (около 1894–?) – партийный и государственный деятель. Уроженец Лифляндской губернии. В Красной армии – военный следователь (с [ноября] 1918), зам. члена (с февраля 1919) РВТР; член, зам. председателя (с мая 1920) РВТР. После Гражданской войны – для особо важных поручений при РВСР, член РВСР; член РВС Каспийского флота (с января 1922); зам. нач. Политуправления Черноморского флота (с января 1923); пом. нач. Военно-морских сил РККА по политчасти (с ноября 1925); пом. нач. РККА по политработе в Военно-морских силах (октябрь 1926-октябрь 1927).

- 4) Программа партии; 5) Партийное строительство; 6) Работа в деревне; 7) Выборы на губернскую конференцию.

С докладом о внешней политике выступил т. Антонов.

Сущность его доклада сводилась к следующему:

Охарактеризовав ту катастрофу, к которой привела народы Европы хищническая политика империалистов, оратор доказывает, что единственным выходом из создавшегося положения является мировая социалистическая революция.

В своей борьбе за эту революцию мы должны координировать свои действия с революционными действиями рабочих масс Запада, стараясь нашей внешней политикой раскрывать глаза этим массам и толкать их к более решительной борьбе со своими империалистами.

Выяснив сущность попыток социал-предателей создать желтый Интернационал¹, т. Антонов говорит о необходимости создания III Интернационала, основной задачей которого является непосредственная борьба за социализм и за переход власти в руки рабочего класса во всем мире.

В заключение докладчик, ссылаясь на опыт Брестского мира, указывает на возможность использования хищнических appetitов империалистов для получения нами новой передышки.

Содокладчиком выступил т. Выборнов, который возражал против каких-либо, даже временных, соглашений с империалистами и указывал, что необходимость содержания огромной Красной армии во время передышки ляжет на народ тяжелым бременем.

Т[ов]. Логуткин говорит, что политика «использования возможностей» является отказом от продолжения энергичной революционной борьбы в мировом масштабе.

Т[ов]. Голенко² указывает, что борьба за социализм предстоит еще долгая, если в Германии революция в разгаре, то в Америке движение весьма слабо. Передышка является средством сохранить силы для дальнейшей борьбы, а не отказом от борьбы.

После заключительного слова докладчика принимается следующая резолюция:

Резолюция, принятая по докладу т. Антонова «О внешней политике»:

«Признавая, что процесс исторического развития привел все страны мира к неизбежному краху империализма, что дальнейшее существование империалистического строя ведет народ к вырождению и гибели, а хозяйственную жизнь страны, руководимую хищническим стремлением империалистов, к полной разрухе, – мы находим, что выход из создавшегося положения только в мировой социалистической революции и переходе власти в руки рабочего класса во всем мире.

Исходя из этого, мы считаем необходимым: 1) скорейшее воплощение в жизнь идей III Интернационала на основании положения, предложенного ЦК п[артии]; 2) поддержку революционного социалистического движения во всем мире.

В то же время признавая, что наш долг – сохранять завоеванные нами как одним из отрядов мирового пролетариата позиции, мы находим, что политика использования хищнических appetitов заграничных империалистов с целью

¹ То, что в документе названо «желтым Интернационалом», будет создано 22–27 февраля 1921 г. в Вене.

² Голенко – московский губернский военный комиссар.

представления передышки напрягающей все силы к борьбе Рабоче-крестьянской России, эта политика, проводимая ВЦИК и Совнаркомом, вполне правильна».

2-й день конференции РКП (большевиков) Серпуховского уезда открывается прениями по вопросу о военной политике. В прениях принимают участие гг. Степанов, Выборнов, Романов, Илюшин, Бочков и Кокушкин.

Тов. Степанов указывает на необходимость использовать специалистов, но только по их специальностям, строго ограничить сферу деятельности и усилить партийную работу в армии.

Тов. Выборнов, соглашаясь с докладчиком т. Окуловым в необходимости централизации руководства армией, предлагает усилить политическую работу в Красной армии, удалять постепенно специалистов и учредить военные школы исключительно для рабочих и беднейших крестьян, чтобы красные офицеры были исключительно из среды пролетариата.

Тов. Романов, присоединяясь всецело к словам гг. Степанова и Выборнова¹, предлагает усилить контроль над специалистами и понемногу удалять их из всех учреждений, не увлекаться дисциплиной среди красноармейцев.

Тов. Илюшин, возражая предыдущим ораторам, указывает на необходимость специалистов, ибо специалисты нужны для строительства Красной армии; нужна также и дисциплина, т.к. отсутствие дисциплины деморализует армию. Тов. Илюшин подчеркивает необходимость привлекать специалистов, унилизировать (так в документе. – С.В.) их знания для Республики, но вместе с тем усилить контроль над ними.

Тов. Бочков протестует против привлечения специалистов и предлагает всячески их удалять из учреждения.

Прения закончены. Предоставляется заключительное слово докладчику по вопросу о военной политике т. Окулову.

Тов. Окулов указывает [на] всю необоснованность высказанных предыдущими ораторами взглядов. Он говорит, что только ценой создания железной дисциплины в армии и политического ее воспитания можно сохранить целостность Республики. Мы должны все больше привлекать специалистов, ибо, несмотря на мобилизацию, ощущается в них недостаток.

Военное ведомство старается уничтожить казарменный порядок, но пока что это невозможно. На фронте делается все, чтобы усилить политическую работу среди красноармейцев. Самые спаянные, сознательные части – это фронтовые, в то время как поступающие тыловые пополнения менее сознательны². Докладчик указывает на необходимость усиления политической работы в тылу, чтобы поступающие из тыла пополнения не деморализовали фронтовые части. Предложенная докладчиком резолюция о военной политике единогласно принимается.

Резолюция по докладу т. Окулова о военной политике:

«Серпуховская уездная конференция РКП, обсудив вопрос о военной политике правительства Республики, в общем и целом одобряет эту политику и вместе с тем, принимая во внимание предстоящий нам летний период решительных боев с российской контрреволюцией и международным империализмом, считает необходимым отметить следующие меры, принятие которых необходимо для блага Республики.

¹ Присоединиться к обоим было затруднительно.

² О том же заявили в своем отчете о пермской командировке чекисты И.В. Сталин и Ф.Э. Дзержинский в начале 1919 г.

1. Всемерное напряжение сил партии для скорейшей организации производств, связанных с потребностями армии, повышение производительности труда в них до крайнего предела, самая спешная организация транспорта, состояние которого угрожает судьбам армии.

2. Усиление и углубление политической работы в тыловых формированиях и в полевых войсках Красной армии, т.к. боеспособность Красной армии в громадной степени зависит от ее политического сознания.

3. Напряженная работа по подготовке красных офицеров и красных генштабов для систематической замены ими чуждых коммунизму военспецов старой армии.

4. Для скорейшего приближения к конечным целям коммунистического военного строительства необходимо стремиться к расширению и углублению всеобщего [военного] обучения для замены существующей армии, построенной на казарменном обучении, – классовой милицией пролетариата, формируемой на территориальных началах и при неразрывной связи милиции с жизнью рабочего класса в целом»¹.

3. Взаимоотношения мест с центром

После доклада о военной политике заслушивается доклад т. Кокушкина о взаимоотношениях мест с центром.

Докладчик т. Кокушкин указывает, что с приливом специалистов в учреждения началась поведомственная политика, особенно это наблюдается в военных и продовольственных учреждениях. «Такая политика, – говорит докладчик, – и заставила пересмотреть вопрос о взаимоотношениях мест с центром. Необходимо координировать свои действия, ибо только координированный образ действия мог [бы] дать рабочим власть в руки. Управление отделами должно остаться коллегиальным, организации должны подчиняться центральным распоряжениям».

Содокладчиком о взаимоотношениях мест к центру выступает т. Романов. Он всецело присоединяется к т. Кокушкину, указывает, что вместо прежнего единения в работе отделов сейчас замечается разбросанность в образе действий. Нужно, чтобы каждый отдел подчинялся своему высшему органу – исполкому, а последний в свою очередь – центральным учреждениям.

Тов. Костяков указывает, что местные коллегии и отделы не могут непосредственно сноситься с центром, а должны быть подчинены исполкому, уездный же исполком подчиняется губернскому.

Предоставляется заключительное слово докладчику, который указывает, что принцип строительства должен остаться прежний, но необходимо разграничить функции каждого учреждения. Докладчик предлагает резолюцию, которая единогласно принимается.

Резолюция, предложенная т. Кокушкиным, о взаимоотношениях мест с центром:

«Конференция, обсудив вопрос о взаимоотношениях мест с центром находит, что принцип строительства должен быть проведен по горизонтальной инстанции от сельского исполкома, через волостные, уездные, губернские до комиссариатов отдельных ведомств.

Все распоряжения комиссариатов для координации действий должны исполняться, причем на неправильные распоряжения исполком имеет право обжалования в центр.

¹ К кадрово-милиционной системе Советское государство перешло в 1920-е гг. (См. подр.: Реформа в Красной Армии. М., 2007).

Все комиссариаты и отделы на местах должны исполнять только возложенные на них обязанности, не беря на себя исполнение обязанностей других комиссариатов и отделов».

4. Отношение к мелкобуржуазным партиям

Оглашается резолюция об отношении к мелкобуржуазным партиям, выработанная комиссией в составе тт. Антонова, Голенко и Костякова. Резолюция принимается единогласно.

Резолюция об отношении к мелкобуржуазным партиям:

«Признать, что среди мелкой буржуазии все увеличиваются элементы, убедившиеся в твердости Советской власти и с ней примирившиеся, – конференция полагает, что этим элементам следует предоставить возможность использовать свои силы на пользу Советской Республики.

Что же касается политических партий, являющихся идеологом мелкой буржуазии, то конференция находит, что с изменением психологии масс замечается перелом и среди этих партий. Поскольку этот перелом из области слов претворяется в дело, конференция признает допустимым по отношению к этим партиям отказ от репрессий, но пока этот перелом не завершился, советское правительство не должно ослаблять своей бдительности и не должно допускать никаких выступлений против Советской власти».

5. Партийная программа

В виду того что вопрос о Программе партии был тщательно рассмотрен на заседаниях всех районов Серпуховского уезда и была принята соответствующая резолюция, конференция голосует только резолюцию, которая принимается единогласно.

Резолюция, принятая по докладу т. Кокушкина «О партийной Программе РКП(большевиков)»:

«Признавая, что в Программе РСДРП 1902 года¹ подробно разработана часть, заключающая в себе требования, предъявлявшиеся рабочим классом буржуазному правительству, и весьма слабо разработана часть, заключающая в себе программу переустройства государства на социалистических началах, находим, что новая Программа партии должна быть детализацией программы максимум. В основу новой Программы должны быть положены: 1) «Коммунистический манифест» К. Маркса; 2) Положение о III Интернационале, предложенное Центральным комитетом партии и 3) Опыт социалистического строительства, пережитый нами с Октября месяца 1917 года.

Для проведения в жизнь нашей Программы мы должны, руководствуясь требованиями жизни, анализом создавшегося положения и учетом сил выработать на каждый данный момент отвечающие моменту меры».

6. Доклад о внутренней политике

Тов. Кокушкин, говоря о внутренней политике, отмечает формулы организации страны – политическую и экономическую.

«Приступая к организации политической жизни страны, – говорит докладчик, – мы изолируем крупную буржуазию от пролетариата; с дальнейшим ходом развития Октябрьской революции, с развитием борьбы с мелкой буржуазией в городе и кулачеством в деревне, мы также проводим систему изоляции и от

¹ Ошибка. Программа РСДРП была принята II съездом партии в 1903 г.

мелкой буржуазии, и поскольку в дальнейшем мы устраним буржуазию, поскольку будет меньше тормозов в деле строительства социалистического государства, а потому с развитием и укреплением революции мы должны устранить буржуазию совершенно, перелавывая всю работу в этой области на пролетарский класс.

В деле экономического строительства вся наша политика была направлена к организации рабочих на фабриках и беднейших [крестьян] в деревне.

Рабочего – раба фабрики – мы постепенным ходом строительства экономической жизни превращаем в господина фабрики, что находит себе выражение в пролетарском управлении завода; но, не имея пока в своей среде опытных работников, мы приглашаем к временному управлению буржуазию.

Наша внутренняя политика тесно связана с внешней, ибо мы знаем, что капитал интернационален, а потому политика экспроприации экспроприаторов должна проводиться нами постольку, поскольку позволяют в данный момент объективные условия. Мы лавируем и должны лавировать, до тех пор пока не накопится достаточное количество революционных сил.

Всякое крупное мероприятие внутри нашей страны, бьющее по карману капиталистов всех стран, сейчас же оказывается нападением на нее, примером этого служит Германия при аннулировании нами внешних заёмов.

Момент лавирования не кончился, диктовать условия мировому капиталу мы в настоящее время не можем, а сможем лишь с развитием революции на Западе накоплением революционных сил во всем мире. Только тогда, учтя таким образом силы III Интернационала, мы от лавирования перейдем к диктованию условий мировому капиталу».

Содокладчик т. Выборнов, указывая на факт отобрания земель от помещиков и национализацию фабрик, говорит, что рабочие не проявляют себя в управлении заводов, а фактически управляют буржуазные специалисты или бывшие хозяева, которые только тормозят работу. Фабрики, предназначенные для выработки сельскохозяйственных орудий, благодаря этому бездействуют, и беднейшее крестьянство, получившее землю, фактически лишено возможности ее обрабатывать, не имея сельскохозяйственных орудий, а потому оратор считает необходимым удалить буржуазных специалистов отовсюду, заменив их пролетарскими техниками.

Тов. Антонов: Говоря о внутренней политике, нельзя обойти молчанием вопрос о соглашении с правыми эсерами.

Партия правых эсеров, в большинстве своем состоящая из мелкобуржуазной интеллигенции и мелкой буржуазии вообще и занимавшая в острой классовой борьбе как бы средину между двух фронтов, отличается своей нерешительностью и шатанием в вопросах политической жизни.

Теперь мы наблюдаем сдачу позиций правыми эсерами, которые из буржуазного лагеря переключиваются в рабочий лагерь, отказываясь от активной борьбы против нас. Мы должны помнить их мелкобуржуазную сущность и, допустив их к советской работе, продолжать с ними идейно бороться.

Тт. Костяков и Степанов находят, что отказ от активной борьбы с правыми эсерами мы должны принять, но не давать им в руки оружия – печать, которую они используют для дискредитации Советской власти.

Т[ов]. Голенко, рисуя период борьбы с буржуазией, схематически разбивает ее на три пункта: 1) стадия борьбы с буржуазией; 2) изоляция буржуазии от власти и 3) разбитая буржуазия привлекается к власти. «Если такую схему можно признать, – говорит он, – то можно отметить, что борьба с буржуазией еще не закончена, ибо есть еще Сибирь, Дон и др.; период изоляции буржуазии от власти также еще не изжит, поэтому, принимая мелкобуржуазные элементы, давая им

возможность работать, мы должны по-прежнему держать дамоклов меч над ними».

Т[ов]. Романов указывает на необходимость прекращения лавирования и на необходимость вести все время наступательную политику.

После заключительного слова содокладчика и докладчика принята следующая резолюция:

«По вопросу о внутренней политике конференция поддерживает мероприятия ЦК партии и ВЦИК, как то:

1) В политической области – полную изоляцию буржуазии от управления страной, согласно требованиям Конституции РСФСР.

2) В области экономического устройства – устранение буржуазных элементов управления предприятий по мере накопления знаний рабочими. Необходимо обратить самое усиленное внимание на предоставление возможности рабочим получить необходимые для управления предприятиями знания в специальных технических учебных заведениях.

3) Неуклонное проведение в жизнь экспроприации эксплуататоров, учитывая при этом объективные условия, в которых находится страна».

[7.] Доклад о военной политике

С докладом о военной политике выступил т. Окулов. Он подробно останавливается на историческом развитии первоначального нашего лозунга, с которым мы выступали в дореволюционное время – «всеобщее вооружение народа» – в нынешний наш лозунг – «дисциплинированная, обученная по последнему слову военной техники – классовая Красная армия». В старом строе армия защищала интересы дворян – помещиков и буржуазии. Сообразно с этим был создан корпус офицеров – из среды привилегированных сословий, изолированный от народа и воспитанный в духе классовой вражды к «черни» – «простонародью». Солдаты прежней армии воспитывались на так называемой «словесности», учившей отличать «внутренних врагов», были изолированы от народа и подавлялись автоматической дисциплиной, державшейся на кровавых репрессиях.

Большевики, являясь классовой партией пролетариата, поставив своей целью борьбу за власть, должны были выставить такой лозунг, который привел бы к уничтожению привилегированного офицерского корпуса и к вооружению широких народных масс.

Но с того момента, когда Октябрьская революция была совершена, когда рабочий класс и беднейшее крестьянство были уже вооружены, лозунг «всеобщее вооружение» мы заменяем лозунгом «разоружение всех врагов народа» – буржуазии и дворян.

Такое же изменение под влиянием хода событий претерпело и другое наше требование – внеказарменности военного обучения. Внеказарменное обучение построено на досуге рабочего, продолжающего свой труд на заводе; оно, конечно, гораздо более медленное, чем обучение в казарме, когда рабочий изъят от производства и все свое время отдает военному делу.

Наша Красная армия начала строиться в острый момент, когда чехословаки наступали на Волге, англо-французы высадили десант в Архангельске, немцы напали на западе и захватили Украину, восстали Дон, Кубань и Сев[ерный] Кавказ. Медлить было нельзя.

Первоначальные принципы организации Красной армии – партизанство и добровольчество, которые в момент общей разрухи были единственно реальными, оказались несостоятельными, как только нам пришлось иметь дело с регулярными, дисциплинированными армиями противника.

Нужно было быстро перейти к созданию централизованной, правильно организованной армии, которая могла бы защитить диктатуру пролетариата. Вот почему пришлось прибегнуть к казарменному способу обучения.

И в то же время мы продолжаем проводить всеобщее военное обучение, которое в конце концов даст нам территориальную армию с местным территориальным командованием.

Строя Красную армию, мы прилагаем все усилия, чтобы сделать ее неспособной выделиться в особую касту. Всеобщее военное обучение – корректив к казарменности обучения¹; второй корректив – энергичная политическая работа среди войск.

Мы организуем во всех частях партийные ячейки, которые должны стать умственными центрами, должны дать армии политическую устойчивость. Эти ячейки являются вместе с тем органами наблюдения за всем, что происходит в армии, они осуществляют и контроль за командованием, и контроль хозяйственный, и даже оперативный, **НО НИКАКИХ РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫХ ПРАВ** ячейки не имеют, они должны не вмешиваться в действия ответственных агентов власти, а доводить до сведения партийного центра, который сам найдет средства устранить все дефекты.

Наряду с ячейками создан чрезвычайно ответственный институт политических комиссаров, которые в своей работе опираются на ячейки. Одной из важнейших задач комиссаров и ячеек является поднять дисциплину в армии. Каждый коммунист должен являть собой образец дисциплины.

Остановливаясь на роли военных специалистов, Окулов отмечает, что в момент Октябрьской революции наблюдалось почти поголовное бегство и измена старого офицерства, чем и вызвано недоверие к ним народных масс. Но теперь, когда жизнь доказала, что Российская Революция не изолирована, что рабочий класс не только сумел взять, но и умеет удержать власть, когда голод заставляет специалистов нести свой труд к единственному покупателю, который есть на рынке – к Советскому Правительству², теперь военные специалисты не бегут, а идут к нам. Принимая все меры, чтобы приготовить кадр своих красных командиров, мы должны широко использовать труд военных специалистов, ибо без них невозможна правильная организация мощной, боеспособной армии.

В заключение т. Окулов остановился на новых уставах, указывая, что эти уставы – первый, весьма значительный опыт в области зафиксирования опыта Гражданской войны и с течением времени будут, конечно, переработаны в направлении еще большей демократизации их.

ЦГА Москвы. Ф. П-1605. Оп. 1. Д. 3. Л. 9 с об.–12.
Правленный экз. Машинопись.

¹ Так в протоколе.

² Как тут не вспомнить монографию и «теорию социально-бытовой мотивации» западного исследователя В.В. Каминского. См.: *Каминский В.В.* Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб., 2011.

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы роли личности в истории. Авторы повествуют о судьбах не являвшихся «звездами первой величины» людей, о которых при мирном разрешении кризиса, сложившегося в России в 1917 г., мы бы никогда и не узнали. Все они, так или иначе, связаны с Енисейской губернией. Сергей Лазо и Тихон Марковский обучались в Москве в одних и тех же учебных заведениях, по окончании Алексеевского военного училища продолжили службу в Красноярске. Начиная свою службу в Красноярске в частях Русской императорской армии и Телесфор Сташевич. Авторами впервые произведена реконструкция биографии и красноярского периода жизни Константина Павловича Осипова.

Ключевые слова: революция, Гражданская война, Енисейская губерния, Белое движение.

THE «FLAG BEARERS» OF THE REVOLUTION

Annotation. The article is devoted to the problem of the role of the individual in history. The authors tell not about the life of well-known persons, but of those people - we would never have known, if the crisis in Russia in 1917 had been resolved peacefully. All of them, in one way or another, are connected with the Yenisei province. Sergey Lazo and Tikhon Markovsky studied in Moscow at the same educational institutions, and after graduating from the Alekseevsky military school, they continued their service in Krasnoyarsk. Telesfor Stasevich began his service in Krasnoyarsk in the units of the Russian Imperial army. The authors also reconstructed the biography and Krasnoyarsk period of Konstantin Pavlovich Osipov's life.

Keywords: revolution, Civil war, Yenisei province, White movement.

К. В. Карпухин, В. В. Овчаров (Красноярск)

Великая революция, начавшаяся в 1917 г. в России, положила начало расколу мира на две противоположные системы. Свергнув Временное правительство 25 октября 1917 г.¹, власть советов в течение нескольких месяцев установилась, практически, на всей территории России. Созданное II Всероссийским съездом советов Советское правительство издавало декреты, направленные на удовлетворение требований победившего в революции народа (российского пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством). Декреты о мире, о земле, о рабочем контроле, о восьмичасовом рабочем дне и др., несомненно, имели большой успех среди населения страны. Но не у всего. Непримириемые противоречия между основными социальными слоями общества в итоге вылились в Гражданскую войну.

История общества представляет собой совокупность конкретных и многообразных действий и поступков отдельных людей, человеческих сообществ, находящихся в определенной взаимосвязи, составляющих всё Человечество. Отдельно взятая личность, волею судьбы оказавшаяся в «минуты роковые» в определенном месте, способна сыграть ключевую роль в развитии событий. И уникальность этих событий определяется во многом тем, что исполнитель у каждой роли один – другой исполнитель, возможно, привел бы очередное действие «исторической пьесы» совсем к другому финалу².

¹ Даты приведены по Юлианскому календарю.

² *Бородкин Л.И.* Историческая синергетика: ещё раз о роли личности в истории // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф.,

Сергей Георгиевич Лазо и Тихон Павлович Марковский

Сергей Лазо родился 23 февраля 1894 г. в принадлежавшем родителям селе Пятра де Жос Бессарабской губернии. Сын дворянина, православного вероисповедания. Окончил 1-ю Кишинёвскую гимназию, учился в Петербургском технологическом институте (1912–1914 гг.), затем на физико-математическом факультете Императорского Московского университета и историко-философском отделении Университета Шанявского (1914–1916 гг.), участвовал в работе революционных студенческих кружков¹. С университетской скамьи 1 июня 1916 г. был призван по мобилизации и определён юнкером Алексеевского военного училища. Окончил ускоренный курс вышеозначенного училища по 1-му разряду, и 1 декабря 1916 г. был произведён в прапорщики армейской пехоты. По распределению был направлен в 15-й Сибирский стрелковый запасный полк, дислоцировавшийся в г. Красноярске Енисейской губернии. Прапорщик С.Г. Лазо прибыл в полк и был зачислен младшим офицером 10-й роты с 30 декабря 1916 г.²

С офицерским составом (а по состоянию на 1 января 1917 г. в полку числилось 182 штаб- и обер-офицера³) отношения у Лазо, очевидно, не сложились, и он сблизается с нижними чинами, в среде которых проводит революционную работу⁴. *«Уважительным обращением с солдатами С.Г. Лазо резко выделялся из среды полковых офицеров и вскоре завоевал симпатии и широкую популярность среди рядовых военнослужащих... Дружба с солдатами, открытые высказывания против милитаристской политики царского правительства, агитационная работа в казармах – всё это вызывает интерес политических ссыльных к личности молодого офицера. С. Лазо становится членом нелегальной группы левых эсеров-интернационалистов, руководители которой привлекают его к революционной работе в воинских частях»⁵*. Затем С.Г. Лазо состоял членом полкового солдатского комитета⁶. 5 марта 1917 г. от 15-го Сибирского стрелкового запасного полка делегатом в Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов был избран старший унтер-офицер Алексей Иванович Быков⁷, а 6 марта 1917 г. его заместителем избрали прапорщика Лазо⁸. Сергей Георгиевич активно участвовал в общественной жизни города, в том числе постановлением Енгубисполкома был назначен комиссаром по борьбе с самогоноварением в Красноярске⁹.

В августе 1918 г. С.Г. Лазо вступил в ряды большевистской партии¹⁰.

В начале сентября 1917 г. С.Г. Лазо избирают членом исполнительного комитета, объединенного Енисейского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. А в октябре на I Общесибирском съезде Советов в Иркутске он был избран членом ЦИК Советов Сибири (Центросибири).

посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15-16 апр. 2004 г. / редкол.: В.Н. Сидорцов (отв. ред.) и др. Минск: БГУ, 2004. С. 307.

¹ Сергей Лазо. Воспоминания и документы. М., 1974. С. 8–9.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 408. Оп. 1. Д. 16169. Л. 57 об–58.

³ Там же. Л. 62 об.

⁴ Байбаков Н.К. Большая советская энциклопедия. Т. 14 / ред. А.М. Прохоров, Н.К. Байбаков, А.А. Благоданов. Изд. 3-е. М., 1973. С. 116.

⁵ Бойцы революции. Красноярск, 1982. С. 177–178.

⁶ Сергей Лазо. С. 8–9.

⁷ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-258. Оп. 1. Д. 85. Л. 20.

⁸ Там же. Л. 19.

⁹ ГАКК. Ф. Р-258. Оп. 1. Д. 49. Л. 256.

¹⁰ Шорохов Л.П. Красноярск, ул. Маркса, 32 (во дворе) // Памятники истории и культуры Красноярского края. Вып. 4. Кн. 1. Красноярск, 1997. С. 206.

27 октября 1917 г. на экстренном заседании исполкома Красноярского Совета был образован военный штаб во главе с Сергеем Лазо. Под контроль были взяты телеграф и железная дорога.

Комиссар Временного правительства доктор Владимир Крутовский в это время уже не в состоянии удержать власть. Да он даже и не пытается это сделать, судя по письму от 28 октября 1917 г. сибирскому областнику Григорию Потанину, в честь дня рождения которого он устраивает вечер: «Зал был украшен бело-зеленым флагом и вашим портретом. Была масса учащейся молодежи, и она оживляла собрание. Весело прошел чай. Вечер вполне удался, и особенно у молодежи осталось хорошее впечатление. Было предложено послать Вам телеграмму и пожелать здоровья и бодрости. Вместо телеграммы я и послал это письмо. Посылаю и не знаю, что сегодня со мной будет. Под влиянием событий в Петрограде наши большевики подняли голову, почти уже захватили телеграф, а днем, может быть, и меня посадят в тюрьму. Запрета нет. Гарнизон на их стороне – и они хозяева положения»¹.

В ночь с 28 на 29 октября 1917 г. Лазо прибыл в 10-ю роту 15-го полка, чтобы срочно поднять солдат для захвата власти в Красноярске: «Когда рота построилась во дворе казармы, С.Г. Лазо обратился к солдатам с короткой речью о свержении Временного правительства и установлении советской власти»².

После того, как в декабре 1917 г. в г. Иркутске было поднято вооружённое восстание местными юнкерами, Сергей Лазо убыл во главе вооружённого отряда Красной гвардии на подавление выступления³. Отряд под его командованием прибыл в Иркутск 23 декабря 1917 г. 26 декабря Лазо во главе сводного отряда атаковал и захватил Тихвинскую церковь, в дальнейшем успешно развивая наступление по Амурской улице в направлении Белого дома. Однако, к вечеру того же дня юнкера контратакой выбили красных из города, сам же С.Г. Лазо с частью бойцов был взят в плен и помещён в карцер Иркутского военного училища⁴.

Руководители восставших юнкеров, захватив большую часть города и потеснив красных, на девятый день боёв заключили трехдневное перемирие, а затем согласились разоружиться и распустить участников вооружённого столкновения⁵. Активные участники восстания, сошедшего на нет, были арестованы либо уничтожены.

Сам же С.Г. Лазо, в ходе боёв с повстанцами проявивший себя стойким борцом за дело революции и непримиримым к её врагам, был замечен руководителями Центрального Исполнительного Комитета Советов Сибири и переведён к новому месту службы в г. Иркутск. Согласно приказу по войскам Иркутского военного округа от 11 января 1918 г. №13, председатель солдатской секции Красноярского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, солдат революционной армии С.Г. Лазо был назначен начальником Иркутского гарнизона⁶.

В феврале 1918 г. Сергей Лазо назначается Командующим войсками Забайкальского фронта, действующего против отрядов атамана Григория Михайловича Семёнова. Силы фронта составили отряды красногвардейцев из

¹ Броднева А.В. Кто Вы, доктор Крутовский? Красноярск, 2014. С. 151.

² Шорохов Л.П. Указ. соч. С. 206.

³ Сергей Лазо. С. 14.

⁴ Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 30–32.

⁵ Еленевский А. Военные училища в Сибири (1918–1922) // Военная быль: военно-исторический журнал. 1963. №61. С. 26–35.

⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1835. Л. 13.

Иркутска, красногвардейцы-железнодорожники во главе с К.Г. Недорезовым, выпущенные из тюрем уголовники, возглавляемые эсеркой А.П. Лебедевой, и казаки 1-го Аргунского полка Забайкальского казачьего войска под командованием Ф.Е. Балябина¹.

С осени 1918 г. Сергей Лазо в подполье. В начале 1919 г. – член Дальневосточного областного комитета РКП(б), а с июня 1919 г. – командующий партизанскими отрядами Приморья. В ноябре 1919 г. С.Г. Лазо возглавляет Приморский военный отдел обкома партии, руководит подготовкой вооружённого восстания в Приморье. С января 1920 г. – заместитель председателя Военного совета Временного правительства Приморской областной земской управы, начальник Объединённого оперативного штаба военно-революционных организаций, а с марта месяца – член Дальневосточного бюро РКП(б).

5 апреля 1920 г. Сергей Георгиевич Лазо был арестован японскими интервентами во Владивостоке. В конце мая 1920 г. С.Н. Лазо, А.Н. Луцкий и В.М. Сибирцев были вывезены белогвардейцами на станцию Муравьёво-Амурскую и сожжены в паровозной топке².

Такова версия гибели Сергея Лазо, изложенная в «Большой Советской Энциклопедии» и в энциклопедии «Гражданской войны и военной интервенции в СССР».

Тихон Марковский родился 29 января 1890 г. в Воронежской губернии. Православный, сын статского советника. Окончил 1-ю Орловскую гимназию и состоял студентом Императорского Московского университета. 3 июня 1916 г. был призван по мобилизации и направлен для обучения в Алексеевское военное училище. Успешно окончил ускоренный курс училища по 1-му разряду, и 1 декабря 1916 г. был произведён в прапорщики армейской пехоты. Выпущен в 14-й Сибирский стрелковый запасный полк (г. Красноярск Енисейской губернии). Прапорщик Марковский прибыл в полк и был зачислен младшим офицером 8-й роты с 26 декабря 1916 г. К этому времени он был женат, сыну 6 лет³.

После Февральской революции 1917 г. Тихон Марковский начинает свою активную революционную деятельность на стороне большевиков. В марте 1917 г. он был избран делегатом в Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов от 14-го Сибирского стрелкового запасного полка⁴. Ведёт организационную и организаторскую работу по созданию вооружённых отрядов, роспуску полиции, освобождению политических заключённых.

С приходом к власти большевиков в октябре 1917 г., Тихон Марковский работает в военном командном штабе Енисейской губернии, где ведёт активную работу по мобилизации рабочих и крестьян в новую армию⁵.

После того, как в мае 1918 г. вспыхнул мятеж чехословацкого корпуса, вокруг Красноярска образовались два фронта – Мариинский и Ключевенский. 28 мая 1918 г. Красноярский Комитет РКП(б) собрался на экстренное закрытое заседание. В принятом постановлении говорилось: *«Ввиду проявляющихся в целом ряде сибирских городов и по линиям железной дороги выступлений чехословацких войск, Красноярский Комитет Российской коммунистической Партии (большевиков) в экстренном заседании 28 мая постановил:*

Приступить немедленно к организации боевых партийных отрядов из тех товарищей, членов партии, которые не состоят в Красной гвардии.

¹ Новиков П.А. Указ. соч. С. 47.

² Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 316.

³ РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 9886. Л. 52 об–53.

⁴ ГАКК. Ф. Р-258. Оп. 1. Д. 12. Л. 3 об.

⁵ Бойцы революции. С. 134–135.

Вновь формируемые отряды находятся в полном распоряжении товарища Марковского, командующего всеми военными силами губернии...»¹.

Приняв командование вооружёнными силами Енисейской губернии, Тихон Марковский проявляет себя как отчаянный борец за дело революции. Выступая 7 июня 1918 г. на пленарном заседании Красноярского Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов с докладом о наличии технических средств, имеющихся у советских войск Енисейской губернии, он, в частности, сообщил присутствующим: *«...Живую силу могут заменить пулемётами. Их у нас имеется достаточно. Некоторые пулемёты не в готовности пока – части их исправляются. Артиллерия у нас хорошая: в последнем бою при Мариинске артиллеристы оказались меткими стрелками. Во всяком случае, более меткими, чем чехословаки. В нашем распоряжении находятся аэропланы. Есть и бронированный поезд, который при употреблении принесёт колоссальную помощь. Имеются тоже баллоны с удушливым газом, которые будут пущены в ход только в случае крайней необходимости. Это оружие весьма страшное. Для руководства имеются инженеры...»².*

В конечном итоге, в этом вооружённом противостоянии сказался боевой опыт и слаженность чеховойск. Остатки разбитых красных частей откатывались к Красноярску. Было принято решение об эвакуации Красноярского совдепа на пароходах вниз по Енисею. При этом на пароходы из отделения государственного банка было загружено свыше 34 пудов золота и до 35 миллионов кредитных билетов и ценных бумаг³. Об этих приготовлениях знал весь город, Красноярский пролетариат начал открыто высказывать недовольство действиями народно избранной власти. Тихону Марковскому пришлось в срочном порядке выехать на митинг, собравшийся в железнодорожных мастерских, дабы объяснить рабочим: *«почему увезли из Красноярска золото. В это время произошёл провокационный выстрел в тов. Марковского...»⁴*. Однако выстрел оказался неточным, благодаря чему Т.П. Марковский остался жив.

18 июня около 400 исполкомовцев и красногвардейцев на нескольких пароходах ушли вниз по Енисею⁵. Вслед за эвакуировавшимися большевиками был отправлен отряд добровольцев под командованием подполковника Модеста Ивановича Мальчевского. Военный отряд белых состоял из офицеров-фронтовиков, большей частью прапорщиков. Было несколько человек в чине поручиков. Численность отряда не превышала 100 человек, при этом в отряде не было нижних чинов⁶.

Командующий красной флотилией Константин Васильевич Кузнецов был уверен, что белые не смогут догнать сбежавший исполнительный комитет. Эта расслабленность передалась и остальным. В итоге, когда на следующее утро по прибытии флотилии большевиков в Новотуруханск, красные были внезапно атакованы флотилией белых, вооружённого сопротивления никто оказать не смог. Поставленный выше по течению катер красных «Стрела», нападение противника проспал и был разоружён. Беглецы-красногвардейцы к ведению боя оказались

¹ За власть советов: Сборник документов о борьбе за власть Советов в Енисейской губернии (март 1917 – июнь 1918 гг.) / под ред. В. Логвинова. Красноярск, 1957. С. 279.

² Красноярский Совет. Март 1917 г. – июнь 1918 г. (Протоколы и постановления съездов Советов, пленумов, исполкома и отделов): Сборник документов. Красноярск: [б. и.], 1960. С. 495.

³ Сибирские записки. 1918. Март–август. С. 106.

⁴ ГАКК. Ф. П-42. Оп. 8. Д. 204. Л. 22.

⁵ Багаев Б.Ф. Григорий Вейнбаум. Красноярск, 1966. С. 44.

⁶ ГАКК. Ф. П-42. Оп. 8. Д. 138. Л. 7.

неподготовленными, в то время как белые вели обстрел из орудия и пулемётов. Суда красных стали выбрасываться на берег для эвакуации людей¹.

Офицерский отряд под командованием подполковника М.И. Мальчевского выполнил поставленную задачу. Большевистское руководство Енисейской губернии было уничтожено либо захвачено в плен. Пленные были погружены на баржи и отправлены в Красноярск. Среди них был и бывший прапорщик Тихон Марковский.

Тихон Павлович Марковский был зверски убит 27 июля 1918 г. в Красноярске пьяными казаками. Вместе с ним погибли С.Б. Печерский и А.П. Лебедева, которые прибыли на барже с первой партией арестованных².

Таков итог руководства губернией Исполнительного комитета Енисейского губернского совета в 1917–1918 гг. Что же касается бывших прапорщиков Русской императорской армии Сергея Лазо и Тихона Марковского, то хотелось бы выделить следующее.

«Семена революции» попали в их умы во время обучения в Императорском Московском университете, студентами которого они оба и состояли. Преподаватели и курсовые офицеры Алексеевского военного училища не смогли разъяснить юнкерам Лазо и Марковскому, что по окончании училища они будут принадлежать к офицерскому корпусу Русской императорской армии. По прибытию к месту службы в г. Красноярск, Тихон Марковский и Сергей Лазо так и не влились в офицерский коллектив, находя для себя отдушину в общении с нижними чинами. А ведь оба они были не из бедных семей...

Не привили им в военном училище и понятие защиты Отечества. В то время как большинство их сослуживцев-прапорщиков в марте 1917 г. ушли в составе маршевых рот на фронт Великой войны, Сергей Лазо и Тихон Марковский предпочли остаться в Красноярске и заниматься революционной деятельностью в глубоком тылу. Удивительно, но Сергей Лазо и Тихон Марковский, не имея за плечами боевого опыта, после Октябрьского переворота 1917 г. снискали себе славу как непримиримые борцы с противниками новой власти, безжалостно уничтожая вчерашних сослуживцев. Думается, именно поэтому оба и погибли страшной и мучительной смертью...

Телесфор Антонович Сташевич

Для большинства учёных и исследователей имя Телесфора Сташевича мало о чём говорит. Однако и он оставил свой след в истории Гражданской войны в Енисейской губернии, пусть и не такой яркий, как Сергей Лазо и Тихон Марковский.

Телесфор Антонович Сташевич родился 5 января 1891 г. Римско-католического вероисповедания, из крестьян Кейданской волости Ковенской губернии и уезда. Окончил 1-е Томское городское 4-классное училище. В службе нижним чином с 24 ноября 1912 г. Прапорщик с 1 мая 1916 г., окончил 3-ю Иркутскую школу прапорщиков. Младший офицер 3-й роты 15-го Сибирского стрелкового запасного полка с 9 мая 1916 г. 16 июля 1916 г. был откомандирован в 124-й обозный батальон военного времени³. 14 января 1915 г. венчался в г. Красноярске с крестьянской девицей Марией Степановной Южановой, православного вероисповедания⁴. По состоянию на 1 января 1917 г. в их семье росла 7-месячная дочь.

¹ Там же. Л. 5-6.

² Багаев Б.Ф. Указ. соч. С. 44.

³ РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 16169. Л. 25 об–26.

⁴ ГАКК. Ф. Р-2453. Оп. 1. Д. 31. Л. 168 об–169.

3 мая 1917 г. командир 2-го взвода 618-го транспорта 124-го обозного батальона военного времени прапорщик Сташевич был выбран делегатом в Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов¹. Участвовал в формировании отрядов Красной гвардии из рабочих-железнодорожников, рабочих других предприятий города, а также из солдат, участников Первой мировой войны.

31 марта 1918 г. Т.А. Сташевич решением Енисейского губернского исполнительного комитета назначается комендантом железнодорожного и водного участков ст. Красноярск. Этим же распоряжением был упразднён военный комиссариат ст. Красноярск (образованный 8 мая 1917 г. для обеспечения порядка на железных дорогах и пароходах²), личный состав которого влился в Управление коменданта³. Однако в занимаемой должности Телесфор Сташевич пробыл недолго, и 23 мая 1918 г. был уволен «за самовольное оставление своего поста без заместителя»⁴.

После выступления чехословаков и образования Клюквенского фронта, по приказанию Красноярского ревкома Т.А. Сташевич убывает на ст. Клюквенная, где принимает должность начальника штаба фронта.

16 июня 1918 г. на Клюквенском фронте завершилось перемирие и началась активная фаза боевых действий. Красногвардейские отряды были разбиты и отступили в сторону Красноярска. Сам же Сташевич с небольшим отрядом оказался в окружении.

Отступая по таёжным тропам, отряд Т.А. Сташевича добрался до ст. Камарчага. За это время количество личного состава красногвардейского подразделения уменьшилось на треть. Люди разбегались по своим деревням. В Камарчаге Т.А. Сташевич соединился по прямому проводу на телеграфе станции с Красноярским председателем Революционного штаба Г.С. Вейнбаумом, который отдал приказ разрушать от ст. Камарчага всю железную дорогу, разбирать все стрелки и крестовины, взрывать все железнодорожные мосты и переходы. В помощь красногвардейцам на паровозе был направлен инженер-подрывник А.Ф. Порадовский, который через некоторое время действительно привёз динамит⁵.

Элементы верхнего строения пути ст. Камарчага были частично разрушены. Далее отряд на паровозе выдвинулся на ст. Сорокино. Прибыв на ст. Сорокино, красный отряд взорвал небольшой железнодорожный мост⁶, а затем и практически все подъездные пути и стрелки. К вечеру 17 июня отряд прибыл в Красноярск⁷.

А в Красноярске полным ходом шли приготовления к эвакуации. Прикрывать эвакуацию органов Советской власти из г. Красноярска было поручено отряду в количестве 90 красногвардейцев под командованием Т.А. Сташевича. *«Мне было приказано взять отряд красногвардейцев и отправиться в казённый винный завод, который тогда находился около вокзала, где держать оборону и защищать г. Красноярск до тех пор, пока весь исполком и губком партии не уедут на пароходах в Туруханский край. Председатель Ревштаба Г.С. Вейнбаум мне лично сказал, что до 1 часа дня (13 часов) мы должны продержаться...»*⁸.

¹ ГАКК. Ф. Р-258. Оп. 1. Д. 85. Л. 29.

² ГАКК. Ф. Р-258. Оп. 1. Д. 12. Л. 32.

³ ГАКК. Ф. Р-258. Оп. 1. Д. 18. Л. 24.

⁴ ГАКК. Ф. Р-258. Оп. 1. Д. 74. Л. 202.

⁵ ГАКК. Ф. П-42. Оп. 8. Д. 344. Л. 9–9 об.

⁶ Вероятнее всего, речь идёт о железнодорожном мосте через р. Ситик-2.

⁷ ГАКК. Ф. П-42. Оп. 8. Д. 344. Л. 9 об–10.

⁸ Там же. Л. 10 об.

Красноярск был очищен от большевиков ещё до вступления в город чехословаков. Сделано это было силами местной подпольной военной организации¹. А вот как описывал события того дня в своих воспоминаниях Т.А. Сташевич: «...Как только пароходы ушли с исполкомовцами, и войск в городе уже не было, немедленно появились молодые люди с белыми повязками на рукавах – это бывшие офицеры... Началась взаимная перестрелка, но потерь мы не имели. К 3 часам дня... стало известно, что в бывшем 1-м Милицейском участке уже образовался белогвардейский штаб...»².

Посчитав, что сопротивление превосходящим силам противника бессмысленно, Т.А. Сташевич распустил отряд красногвардейцев. Часть отряда, в том числе и Т.А. Сташевич, к вечеру 18 июня 1918 г. были арестованы и размещены в камерах 1-го Милицейского участка.

О своём славном боевом прошлом Телесфор Антонович Сташевич прислал воспоминания, написанные им 3 апреля 1968 в г. Москве. Воспоминания эти находятся на хранении в Государственном архиве Красноярского края. Жаль только, что заканчиваются они тем, как Телесфор Сташевич содержался под стражей в соседних камерах с Яковом Фёдоровичем Дубровинским, известным российским революционером, активным участником борьбы за Советскую власть в Сибири.

А было бы интересно прочесть воспоминания Телесфора Сташевича о том, как он сражался с Советской властью в рядах армии Колчака. Причём, сражался не за страх, а за совесть, дослужившись к концу 1919 г. до воинского чина «штабс-капитан» и четыре месяца прокомандовав отдельным батальоном. В январе 1920 г. Т.А. Сташевич был пленён частями Красной армии. Состоял на учёте как бывший офицер в Красноярском уездном военном комиссариате. 11 мая 1921 г. не явился на перерегистрацию³, вероятно, покинув Красноярск навсегда. В 1968 г. Телесфор Антонович Сташевич состоял в совете ветеранов города Москвы. И вряд ли это были ветераны Белого движения...

Константин Павлович Осипов

Константин Осипов вошёл в историю Гражданской войны как один из организаторов вооружённого выступления против большевиков в Туркестане. Вспыхнувшее в январе 1919 г. восстание имело большой общественный и политический резонанс на пространстве бывшей Российской империи. Произошедшие в Ташкенте события нашли своё отражение на страницах прессы. Так, например, об этом писалось в № 19 большевистской газеты «Знамя Революции», издаваемой в городе Казани. Большое значение Осиповскому мятежу придавали и противники Советской власти для популяризации Белого движения. Произошедшие в Туркестане события нашли своё отражение и в таком специфическом документе, как Сводки Центрального регистрационного пункта военнопленных русских солдат, которые велись в г. Тюмени по указанию генерал-лейтенанта армии Колчака Владимира Александровича Красильникова. Сводки эти были изъяты при аресте генерала в январе 1920 г. в г. Красноярске и приобщены к материалам уголовного дела⁴.

В сводке №247⁵ отмечалось: «...в Ташкенте в январе было восстание белогвардейцев, организованное бывшим военным комиссаром Осиповым. На

¹ Сибирские записки. 1918. Март–август. С. 106.

² ГАКК. Ф. П-42. Оп. 1. Д. 344. Л. 11.

³ ГАКК. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 123. Л. 14 об–15.

⁴ Архив Управления ФСБ России по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П-23500. Л. 45–87.

⁵ Без даты, не ранее 10 февраля 1919 г.

защиту Советской власти выступил отряд Колузаева, школа военных инструкторов, 4-й Советский полк, железнодорожные рабочие во главе с Беловым. И 20-го утром... сами белогвардейцы были принуждены отступить. Убиты представители Ц.И.К. Вотинцев и председатель Совпарткома Фигельский. Временно выбран революционный совет под председательством комиссара Казарина»¹.

За прошедшие сто лет события в Туркестане являлись предметом тщательного исследования многих историков и краеведов. Однако большинство из них, исследуя события, произошедшие с участием К.П. Осипова в 1918–1919 гг. в Туркестанском крае, недостаточно уделяли внимания красноярскому периоду его жизни.

Историк Валерий Григорьевич Иофе, систематизируя имеющиеся сведения о Константине Осипове, писал: «Осипов Константин Павлович, родился в Красноярске в 1896 г. По некоторым данным – армянин, хотя большинством авторов считается русским. Учился в Красноярском землемерном училище. В 1913 г. вступил в РСДРП(б). В годы Первой мировой войны призван в армию, два года служил в запасном полку, затем командирован в 4-ю Московскую школу прапорщиков. Окончив первым в выпуске, оставлен в школе как преподаватель...»².

Однако проведённые нами исследования источников, отложившихся на хранении в Государственном архиве Красноярского края и Муниципальном казённом учреждении «Архив города Ачинска», показали, что составленная ранее реконструкция биографии Константина Павловича Осипова, нуждается в уточнении.

Константин Павлович Осипов родился 22 декабря, а крещён был 26 декабря 1895 г. в Градо-Ачинском Троицком соборе (г. Ачинск Енисейской губернии)³. Его отец – канцелярский служащий г. Ачинска Павел Тарасович Осипов, православный, 20 июля 1887 г. в возрасте 43-х лет сочетался первым браком с крестьянской девицей Александрой Васильевной Фёдоровой, православной, уроженкой села Назарово Назаровской волости Ачинского уезда. На момент бракосочетания невесте был 21 год и сочеталась она первым браком⁴. Семья Осиповых была многодетной (удалось установить четырёх девочек и двух мальчиков). Первенцем в семье была дочь Клавдия (родилась 5 марта 1888 г.⁵). На момент появления на свет Константина, Павел Тарасович Осипов уже был в отставке.

Окончив Красноярское городское 4-классное училище, 20 июня 1911 г. Константин Осипов обращается с прошением к директору Красноярского землемерного училища с просьбой допустить его к конкурсным испытаниям в учебное заведение⁶. Успешно пройдя испытания, он становится студентом Красноярского землемерного училища. Учится посредственно, но «при отличном поведении»⁷.

1 мая 1915 г. ученик 3-го класса Константин Осипов обратился с прошением к директору училища по поводу бракосочетания с девицей Марией Александровной Тепловой, дочерью покойного подполковника 31-го Сибирского стрелкового полка

¹ Архив Управления ФСБ России по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П-23500. Л. 78.

² Вожаки и лидеры Смуты. 1918-1922 гг. Биографические материалы / Под. ред. А.В. Посадского. М., 2017. С. 502.

³ Архив города Ачинска (АГА). Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 103. Л. 54.

⁴ АГА. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 47. Л. 331 об–332.

⁵ АГА. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 63. Л. 8 об–9.

⁶ ГАКК. Ф. 433. Оп. 1. Д. 392. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 13.

А.Н. Теплова¹. Просьбу свою Осипов мотивировал тем, что у него нет денег для продолжения образования, и в дальнейшем он планирует продолжить учиться на средства будущей супруги. Невеста окончила 8 классов Красноярской женской гимназии, имела от роду 18 лет, и со слов Константина Осипова, в скором времени должна была стать матерью².

Директор Красноярского землемерного училища Чеботарёв такую ответственность на себя брать не стал, и обратился за разрешением в Межевое управление³. 7 мая 1915 г. из Петрограда в адрес директора землемерного училища поступила телеграмма: «Разрешаю Осипову вступить в брак. Сенатор Чаплин»^{4,5}.

11 мая 1915 г. протоиереем Всехсвятской церкви г. Красноярска Николаем Купресовым с псаломщиком Александром Соколовым был совершён обряд бракосочетания между Константином Павловичем Осиповым, 19-ти лет, и Марией Александровной Тепловой, 18-ти лет⁶.

Спустя много лет сложно сказать, что произошло в молодой семье, однако не прошло и месяца с момента бракосочетания, как Осипов обратился в Красноярское уездное по воинской повинности присутствие с просьбой отправить его в армию для отбытия воинской повинности в качестве вольноопределяющегося. Однако просьба его удовлетворена не была, призыв К.П. Осипова был отсрочен до окончания Красноярского землемерного училища. При этом Красноярское уездное по воинской повинности присутствие 4 июня 1915 г. направило соответствующее уведомление в адрес директора Красноярского землемерного училища за №2640⁷.

15 июня 1916 г. Константин Павлович Осипов окончил полный курс Красноярского землемерного училища и получил аттестат за № 644⁸. На этом личное дело студента Осипова заканчивается.

Дату рождения ребёнка К.П. Осипова по метрическим книгам церковей города Красноярска и Градо-Ачинского Троицкого собора за 1915–1916 гг. установить не удалось. Возможно, что жена Осипова вскоре покинула Красноярск. Во всяком случае, брак между Константином Павловичем Осиповым и Марией Александровной Осиповой был расторгнут 2 апреля 1925 г. на основании определения народного судьи 5-го участка г. Томска⁹. В Томске по окончании Русско-японской войны проходил службу отец Марии – Александр Николаевич (на 1 января 1909 г. – капитан 8-го пехотного Сибирского резервного Томского полка).

Таким образом, мы полагаем, что Константин Павлович Осипов, родившийся 22 декабря 1895 г. в г. Ачинске Енисейской губернии, и Курбанов-Осипов Константин, унтер-офицер 55-го пехотного запасного батальона, окончивший 4-ю Московскую школу подготовки прапорщиков пехоты 14 апреля 1916 г.¹⁰ – это

¹ Александр Николаевич Теплов ушёл из жизни 12.08.1913 г. от паралича сердца в возрасте 47 лет. Умер в дороге. Погребён на воинском кладбище г. Красноярска 16.08.1913 г.

² ГАКК. Ф. 433. Оп. 1. Д. 392. Л. 3.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ Николай Дмитриевич Чаплин – русский судебный деятель, сенатор (1905), управляющий Межевой частью на правах товарища министра юстиции в 1905–1917 гг.

⁶ ГАКК. Ф. Р-2453. Оп. 1. Д. 31. Л. 188 об–189.

⁷ ГАКК. Ф. 433. Оп. 1. Д. 392. Л. 8.

⁸ Там же. Л. 13.

⁹ ГАКК. Ф. Р-2453. Оп. 1. Д. 31. Л. 188 об.

¹⁰ Высочайшие приказы о чинах военных, 1916, 16 мая – 31 мая. – Санкт-Петербург: [б. и.], [1806]. Л. 232 об.

разные люди. При этом, при внимательном рассмотрении текста, видно, что в Высочайшем приказе от 24 мая 1916 г. значится фамилия именно Курбанов-Осипов (написание через «Н»), а не Курбатов-Осипов (написание через «Т»), как это встречается в ряде публикаций в глобальной сети Интернет. В исследованных нами документах Красноярского периода жизни Константина Осипова, двойное написание фамилии ни разу не встречалось. Также однозначно можно утверждать, что никакого отношения к армянской диаспоре он не имеет. Сравнение фотографий, сохранившихся в личном деле студента Красноярского землемерного училища Константина Павловича Осипова, и фотографии, размещённой в глобальной сети Интернет, на которой запечатлён «Осипов», показало, что это один и тот же человек.

По нашему мнению, активным участником событий в Туркестане в 1918-1919 гг. мог быть как Курбанов-Осипов, окончивший в апреле 1916 г. школу подготовки прапорщиков пехоты в Москве, так и Осипов, который окончил землемерное училище в Красноярске в июне 1916 г. (учитывая тот факт, что ещё в 1915 г. он порывался поступить на службу в армию в качестве вольноопределяющегося). Однако для подтверждения или опровержения этих предположений требуется проведение дополнительных исследований.

Заключение

Любая гражданская война – это всегда особая, исключительно сложная, драматическая, трагическая и противоречивая эпоха в истории стран, её переживших. Это всё в полной мере относится и к Гражданской войне в России. За прошедшие сто лет, наше общество так и не пришло к консолидации, до сих пор будучи разделённым на «белых» и «красных».

В гражданской войне не бывает героев. Увековечивание памяти отдельных исторических персонажей – дело рук человеческих. Так именем Сергея Лазо названы железнодорожная станция Дальневосточной железной дороги, районные центры Приморского и Хабаровского краев, село в Амурской области. Его памятники и бюсты сохранились в городах Хабаровск, Улан-Удэ, Владивосток, Чита и др. В Красноярске имеется улица, названная именем Сергея Лазо. А вот памятные места и достопримечательности, посвящённые Сергею Лазо в его родной Бессарабии, исчезли после распада Советского Союза...

О Тихоне Марковском хранит сведения Сибирская Советская Энциклопедия¹. Энциклопедия¹. Его имя носит одна из улиц города Красноярска. Сведения же о его семье не сохранились.

О событиях в Туркестане с участием Константина Осипова написано немало публикаций. Ряд эпизодов того времени, связанных с судьбой Константина Павловича Осипова, впоследствии были положены в основу сценария фильмов о периоде борьбы за установление советской власти в Туркестанском крае – «Крушение эмирата», «Пламенные годы», «Пароль "Отель Регина"». До сих пор не найдено и золото, вывезенное Осиповым из Ташкента в 1919 г. В истории советского периода Константин Осипов – это «предатель и бандит». После распада Советского Союза начался период его героизации. И какую бы политическую окраску не носили публикации о Константине Павловиче Осипове, несомненно, одно, что жизнь его достойна упоминаний.

Что же касается Телесфора Антоновича Сташевича, то он не единственный, поменявший несколько раз в течение Гражданской войны свои политические взгляды. Таких людей на пространстве бывшей Российской империи было тысячи. И у каждого из них были свои личные причины. Они вынуждены были скрывать

¹ Сибирская Советская Энциклопедия: в 4 т. Т. 3: Л – Н. М., 1932. Стб. 306.

своё прошлое, ибо существовавшая на одной шестой части суши советская система перемолола бы их своими жерновами.

Российская Гражданская война носила тотальный характер, так как она охватила всё пространство страны, включая её самые удалённые уголки, разделила классы, слои, группы населения, развела по разные стороны баррикад друзей, соседей, членов семей. Противоборство велось на многих фронтах: военном, политическом, социальном и т. д., не только внутри страны, но и за её пределами. При этом, главной оставалась вооружённая борьба, ибо от её исхода зависел конечный исход Гражданской войны¹.

Отрадным является тот факт, что постепенно наше общество уходит от героизации событий Гражданской войны, расценивая её как величайшую трагедию и драму в истории нашей страны. Возможно, что снятию напряжения в обществе, будет способствовать готовящийся к изданию том XII двадцатитомной академической «Истории России», под названием «Гражданская война в России. 1917-1922 гг.», работа над которым ведётся в настоящее время². Только поняв и объяснив, как Россия пришла к Гражданской войне и чего она ей стоила, мы сможем не допустить повторения подобных событий в будущем.

¹ *Голдин В.И.* Гражданская война в истории России: историография, современные подходы, подготовка нового академического издания // *Новейшая история России.* 2019. Т. 9. № 3. С. 767.

² Там же. С. 759.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О РЯЗАНСКО-УРАЛЬСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье в краткой форме представлены статистика и факты по техническому и хозяйственному состоянию Рязанско-Уральской железной дороги в 1918–1921 гг. Эта магистраль находилась на стыке Южного и Восточного театров военных действий и имела огромное значение для поддержки экономики Советской России и организации побед Красной армии на фронтах.

Ключевые слова. Гражданская война в России, Рязанско-Уральская железная дорога, паровозный и вагонный парк, путевое хозяйство.

BRIEF INFORMATION ABOUT THE RYAZAN-URAL RAILWAY DURING THE CIVIL WAR

Abstract. The article briefly presents statistics and facts on the technical and economic condition of the Ryazan-Ural Railway in 1918-1921. This highway was located at the junction of the Southern and Eastern theaters of military operations and was of great importance for supporting the economy of Soviet Russia and organizing the victories of the Red Army at the fronts.

Key words. Civil War in Russia, Ryazan-Ural railway, locomotive and wagon fleet, track facilities.

А. А. Симонов (Саратов)

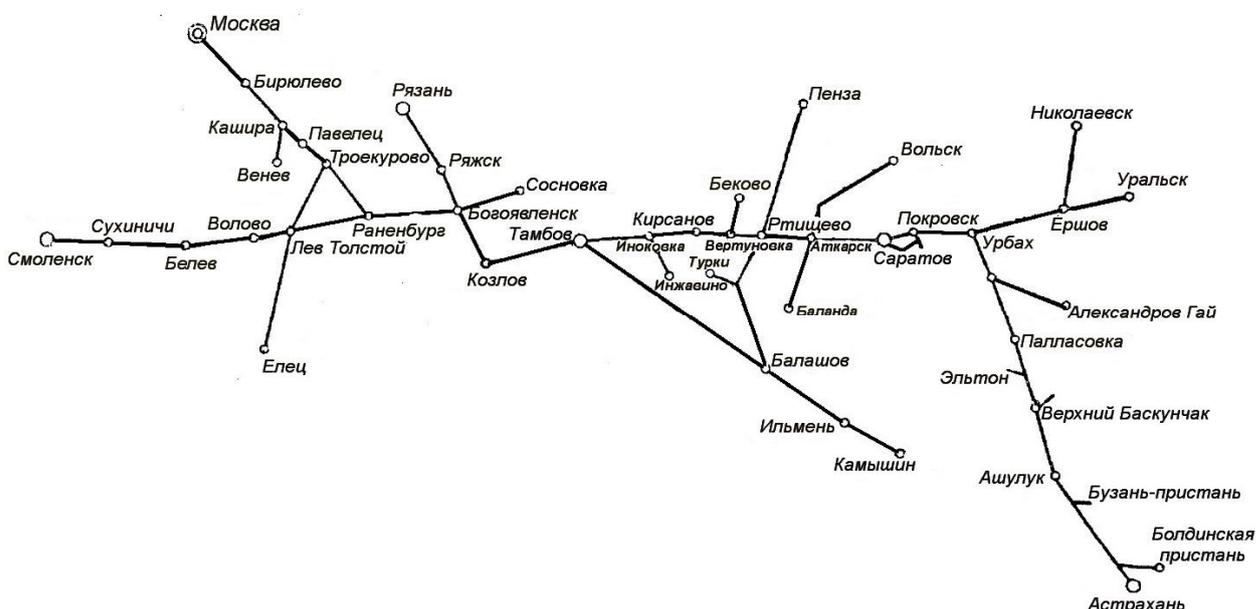
Рязанско-Уральская железная дорога¹ (РУЖД) была основана как частное железнодорожное общество 11(25) января 1892 г. в результате передачи в эксплуатацию акционерному обществу «Рязанско-Козловская железная дорога» казённой «Козловско-Саратовской железной дороги». РУЖД полностью или частично обслуживала 11 губерний – Московскую, Калужскую, Смоленскую, Тульскую, Орловскую, Рязанскую, Тамбовскую, Пензенскую, Саратовскую, Самарскую, Астраханскую и область Уральского казачьего войска. Основные линии: Рязань – Козлов (ныне Мичуринск) (движение открыто в 1866 г.), Козлов – Саратов (1870 г.), Тамбов – Камышин (1894 г.), Покровск (ныне Энгельс) – Уральск (ныне Орал, Республика Казахстан) (1894 г.); Ершов – Николаевск (ныне ст. Пугачёвск) (1894 г., узкоколейная до 1927 г.), Урбах – Александров Гай (1895 г., участок Красный-Кут – Александров Гай узкоколейный до 1921 г.); Аткарск – Вольск (1895 г.), Пенза – Таволжанка (1896 г.), Данков – Смоленск (1899 г.), Павелец – Москва (1900 г.), Красный Кут – Астрахань (1909 г.).

К 1914 г. протяжённость всех линий магистрали насчитывала 4131 версту (4406,9 км)², что составляло почти 7% длины железнодорожной сети России. Из этого узкой колеи – 229 вёрст (244,3 км),), широкой колеи – 3902 версты (4162,6 км), в том числе двухпутной широкой колеи – 640 вёрст (682,7 км). В ведении дороги находилось свыше 900 складских помещений общей площадью 94 068 кв. саженей (428 221 кв. м) и 74 паровозных здания на 562 стойла. Управление

¹ Общепринятым считается и другое название – Рязано-Уральская железная дорога.

² К 1 декабря 1917 г. длина колеи увеличилась до 4171 вёрст (4449,62 км) (Журавлёв В.В. Национализация частных железных дорог // Исторические записки. Т. 86. М., 1970. С. 68).

общества находилось в Саратове¹. РУЖД входила в число семи крупнейших частных железнодорожных обществ и имела среди них к 1 декабря 1917 г. второй по величине основной капитал – 440,8 млн рублей. На ней трудилось 57 923 служащих, мастеровых и рабочих².

РУЖД содержала в Саратове свою флотилию: ледокол, 2 парома, пассажирский пароход, 5 товарных пароходов (2 из них в Астрахани), 6 барж (5 из них в Астрахани), 12 дебаркадеров, док, землечерпалку, две пары ряжей для работы, как в межень, так и во время весенних вод, Князевский затон с механическими мастерскими. Связь между берегами Волги у Саратова с 1896 г. осуществлялась летом при помощи паромной переправы, зимой – при помощи парома и ледокола. Каждый паром вмещал на палубе 28 двухосных вагонов и перевозил их на другой берег за 3–4 часа. Зимой для увеличения пропускной способности переправы по льду Волги укладывался железнодорожный путь. Вагоны перекачивались лошадьми³.

После Октябрьской революции 1917 г., служащие⁴ РУЖД встали на сторону Викжеля⁵, потребовавшего себе все функции управления железнодорожным хозяйством России. Большинство же мастеровых и рабочих РУЖД поддержали

¹ Краткий обзор коммерческой деятельности Рязанско-Уральской жел. дор. за 1920–1922 гг. Саратов, 1923. С. 3–5, 125; Приволжская магистраль за 40 лет Советской власти. Саратов, 1958. С. 142–145;

² Журавлёв В.В. Указ. соч. С. 68–69. Бóльший основной капитал (482 млн рублей) имела только Московско-Киево-Воронежская железная дорога.

³ Нелипа Г.Н., Фирсов А.Б., Гришин С.Е., Елашова Л.И. Годы созидания. Приволжская железная дорога. 140 лет в документах. Т. 1. Саратов, 2011. С. 110–111.

⁴ До 1920 г. железнодорожники подразделялись на рабочих, мастеровых и служащих. Рабочий не имел квалификации и выполнял главным образом вспомогательные операции. Мастеровыми назывались квалифицированные рабочие, самостоятельно выполнявшие производственные задания. Служащими назывались все железнодорожники, занимавшие определенный штатный пост — от начальника дороги до сторожа на переезде (Сенин А.С. Московский железнодорожный узел. 1917–1922 гг. М., 2004. С. 15).

⁵ Викжель – Всероссийский Исполком профсоюза железнодорожников в 1917–1918 гг.

советскую власть своим активным участием в красногвардейских отрядах. Полагаясь на рабочих, Саратовский совет 2(15) января 1918 г. предъявил служащим Управления РУЖД обвинение в саботаже. Были арестованы начальник дороги Т.И. Акоронко, его заместители Л.Г. Федоровский, А.Е. Желлан-де-ла-Кроа и ещё 19 человек (впоследствии освобождены). Служащие бастовали 17 дней, но в итоге согласились на условия новой власти. Руководство дорогой перешло к избранному на общем собрании железнодорожников «Совету комиссаров РУЖД» (председатель С.Т. Ковылкин, товарищ председателя И.П. Ерасов)¹. 26 марта саратовская «Красная газета» сообщила: «Комиссариатом путей сообщения получена телеграмма с сообщением, что по постановлению общедорожного съезда, Рязанско-Уральская железная дорога со всем своим достоянием объявила себя национальной собственностью. Заведывание делами дороги переходит в руки работающих на ней, которые обязуются признавать распоряжения»². Тем самым на РУЖД устанавливалось рабочее управление, которое постепенно, следуя юридическим процедурам Народного комиссариата путей сообщения (НКПС), завершилось полной национализацией в 1919 г.³

Основная работа дороги в первой половине 1918 г. свелась к приёму грузов, эвакуированных из западных областей, определённых Брестским договором к оккупации Четверным союзом. В марте–мае скопление грузов, а также эшелонов с легионерами Чехословацкого корпуса, загромоздивших участки Балашов–Ртищево–Пенза и Козлов–Ртищево, привело к резкому увеличению на магистралях РУЖД вагонного парка. Только в марте, вследствие неприема эшелонов соседними дорогами, прибавилось 9898 вагонов, то есть в среднем прибывало в сутки почти 330 вагонов. В начале апреля на промежуточных и частью на узловых станциях находилось 275 составов, в том числе 62 состава (около 3000 вагонов) с чехословацкими легионерами и 50 с военным грузом. Козловское, Тамбовское, Пензенское и Саратовское отделения дороги стояли в пробке. Вагонный парк каждого из указанных отделений, изменяющийся при нормальных условиях от 2000 до 2500 вагонов, доходил при эвакуации до 9000 – 10 000 вагонов⁴.

К 8 мая 1918 г. специальной комиссией РУЖД был разработан план скорейшего восстановления пропускной способности дороги. Предпринятые меры позволили уже в сентябре увеличить масштабы суточных перевозок почти втрое⁵.

В июле 1918 г., с захватом чехословаками Самары и блокированием водного сообщения на Средней Волге, РУЖД пришлось транспортировать грузы, предназначенные ранее водному транспорту, в первую очередь нефтяные

¹ Антонов-Саратовский В.П. Под стягом пролетарской борьбы. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 244–246.

² Красная газета (Саратов). 1918. 26 марта.

³ Национализация РУЖД была проведена в период с 1 ноября 1918 г. по 24 марта 1919 г. в соответствии с Декретом СНК о национализации «всех предприятий общества частных железных дорог и подъездных путей» от 28 июня 1918 г. и постановления СНК от 4 сентября 1918 г. об упразднении правлений бывших частных железных дорог с 1 ноября 1918 г. Фактический переход бывших частных железных дорог в собственность Советской республики юридически закрепляло постановление СНК от 1 сентября 1919 г. (Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Путеводитель по фондам периода до 1917 года. URL. http://saratov.rusarchives.ru/putgaso/fonds_rubr_114_1_1_0_0_0_0.htm (дата обращения 23.09.2019); Журавлёв В.В. Указ. соч. С. 127).

⁴ Годовщина социальной революции в Саратове. Саратов, 1918. Ч. 2. С. 63–64.

⁵ Показателем работы железной дороги может служить специальный коэффициент числа поездов в среднем за сутки в гружёном направлении. Для РУЖД в январе 1918 г. он равнялся 63, а в сентябре – 177. (Там же. С. 63).

продукты и зерно. Потребовались дополнительные паровозы, которые поступили с других дорог. Прибыло около сотни локомотивов, но третья часть из них требовала ремонта. Со временем ухудшилось техническое состояние и собственных паровозов. Положение с паровозным парком характеризует сравнительная Таблица 1¹.

Таблица 1

Состояние паровозного парка РУЖД в ноябре 1917 г. – октябре 1918 г.

Месяц, год	Паровозы ширококолейные		Паровозы узкоколейные	
	11.1917	10.1918	11.1917	10.1918
Всего	901	999	37	32
В работе	641	636	25	22
На списании	5	-	5	-
Неисправные	255	363	7	10
Неисправные, %	28,3	36,3	18,9	31,3

В июле–октябре 1918 г. вывезено 16 446 цистерн с топливом, 13 206 вагонов с продовольствием и 47 146 вагонов прочих грузов. Положение с вагонным парком характеризует сравнительная Таблица 2².

Таблица 2

Состояние вагонного парка РУЖД на ноябрь 1917 / октябрь 1918

Месяц, год	Вагоны пассажир. ширококол.		Вагоны пассажир. узкокол.		Вагоны товарные ширококол.		Вагоны товарные узкокол.	
	11.1917	10.1918	11.1917	10.1918	11.1917	10.1918	11.1917	10.1918
Всего	1105	1119	84	80	24851	38312	798	780
В работе	922	763	76	76	21966	32292	759	753
Неисправные	183	356	8	4	2885	6020	39	27
Неисправные %	16,6	31,8	9,5	5	11,6	15,7	4,8	3,5

К концу 1918 г. РУЖД стала главной артерией для поставки продовольствия и топлива в Советскую Республику. Перевозка иных грузов резко сократилась за исключением воинских и специальных по нарядам НКПС. Для нужд фронта воинские оперативные перевозки требовали до 35 паровозов в сутки, не считая паровозов, занятых военными эшелонами вне боевых действий для потребностей тыла³. Доля коммерческих грузов в 1919–1920 гг. составила всего 18 % от всех перевозок. Из-за падения транзита (1917 г. – 30%, 1918–1919 гг. – 16 %, 1920 г. – 20%; 1921 г. – 15 %.), резко снизился грузооборот. Эти тенденции были вызваны ослаблением экономических связей и наблюдались по всей сети дорог Советской Республики⁴.

¹ Сост. по: Там же. С. 64–65.

² Сост. по: Там же. С. 65–66.

³ Там же. С. 64.

⁴ Краткий обзор коммерческой деятельности Рязанско-Уральской жел. дор. за 1920–1922 гг. С. 7–10.

Уникальную работу провели сотрудники РУЖД вместе с морскими инженерами в октябре – ноябре 1918 по спуску на воду подводных лодок «Минога», «Макрель», «Касатка» и «Окунь», прибывших по железной дороге с Балтийского моря. Для этого в районе волжской переправы у ст. Увек был сооружён специальный транспортёр¹.

6 января 1919 г. у правого берега затонул паром «Переправа Вторая» (2450 т) с гружёными зерном вагонами. Произошла закупорка единственной правобережной пристани. Работы по подъёму затянулись до начала апреля. До оттепели работал ледяной путь, по которому перевезли 10 052 вагона, из них 4388 с заволжским хлебом².

Линии РУЖД нередко становились ареной боевых действий. В январе–феврале 1918 г. на Астраханской линии действовала «Восточная Армия по борьбе с контрреволюцией» (около 3000 человек, 40 пулемётов, 6 орудий), организованная саратовскими большевиками для подавления антисоветского выступления Астраханского казачества³. В апреле 1918 г. на станциях Уральской линии Ершов, Алтата, Демьяс, Озинки была сформирована Красная Армия Саратовского Совета (примерно 3500 тыс. человек, более 10 орудий, несколько десятков пулемётов, броневедомитель и 4 аэроплана), предназначенная для советизации Области Уральского казачьего войска. В походе (2–13 мая 1918 г.) были задействованы бронепоезд и эшелоны – штабной, санитарный, рабочий и с боеприпасами. В свою очередь уральские казаки имели на магистрали самодельный бронепоезд из двух вагонов, сооружённый в Уральске при участии бывшего начальника службы эксплуатации РУЖД инженера В.П. Пейроса⁴. В ходе чехословацкого мятежа бои шли 28–30 мая 1918 г. на Пензенско-Таволжанской линии на станциях Ртищево, Сердобск, Пенза⁵.

В июне–июле 1918 г. на основе флотилии РУЖД и красногвардейской дружины рабочих Саратовских железнодорожных мастерских (280 человек) действовал карательный речной отряд, предназначенный подавлять крестьянские восстания в немецких колониях и прибрежных уездах Саратовской и Самарской губ. Отряд включал 7 судов различного класса, в том числе «Саратовский ледокол» (4 орудия, 12 пулемётов)⁶.

В боевых действиях в 1919–1921 гг. понесли значительный ущерб железнодорожные узлы в Козлове, Ельце, Тамбове, Балашове, Камышине, Александровом-Гае, Пугачёвске (Николаевске), Уральске. Было полностью разрушено 247 крупных объектов, среди которых мосты, здания паровозных и вагонных депо, станционные сооружения. Потери паровозов и вагонов исчислялись сотнями. Требовалось восстановить паровозный парк на 62 %,

¹ Подробнее см.: Сухова Г. Балтика – Каспий через Увек (Документальный очерк) // Коммунист (Саратов). 1967. 31 августа–3 сентября.

² Подробнее см.: Новолянский Д. Есть на Волге Увек // Правда. 1967. 6 июля.

³ Подробнее см.: Симонов А.А. Астраханский поход «Восточной армии по борьбе с контрреволюцией» // Партизанская и повстанческая борьба: опыт и уроки XX столетия. Доклады академии военных наук (Поволжское отделение, военная история). № 3 (38). Саратов: Ин-т ист. и межд. отношений СГУ; Саратов. воен. ин-т ВВ МВД РФ, 2009. С. 91-95.

⁴ Подробнее см.: Симонов А.А., Дубровин Д.Ю. Первый поход на Уральск Красной Армии Саратовского Совета (май 1919) // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов: Ин-т. ист. и межд. отношений СГУ; Саратов. воен. ин-т ВВ МВД РФ, 2014. Вып. 10. С. 29-42

⁵ Годовщина социальной революции в Саратове. Саратов, 1918. Ч. 1. С. 57–58;

⁶ Подробнее см.: Симонов А.А. Была ли Вольская военная флотилия первым советским речным соединением на Волге // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды 2-й межд. науч.-практич. конф 18-20 мая 2011 г. Ч. II. Т. 2. СПб: ВИМАИВиВС, 2011. С. 351–358.

вагонный – на 35 %, заменить в путевом хозяйстве 42 % шпал. Средняя техническая скорость поездов на дороге составляла 18,5 км в час¹. Эксплуатационная длина РУЖД в 1920–1921 гг. составила 3965 вёрст, в 1921–1922 гг. – 4083 версты²

Для выправления ситуации на РУЖД, а также организации доставки нефти из Досорского месторождения на Каспии постановлением СТО от 21 апреля 1920 г. была создана 2-я Революционная Армия Труда из воинских частей Заволжского военного округа и Туркестанского фронта. Трудовой армии предстояло строительство железнодорожного пути в 419 вёрст (447 км) Александров-Гай – Эмба (Алгемба), восстановление нормального движения поездов от Козлова до Уральска и Астрахани со всеми ветками, а также заготовка топлива (в основном дров) для железнодорожного транспорта. Общая потребность в рабочей силе по ремонту пути по данным Управления РУЖД составляла 8357 человек, включая квалифицированных рабочих 2250 человек. Для постройки же Алгембы требовалось не менее 50 тыс. человек. Но началась война с Польшей и большинство воинских формирований 2-й трудовой армии отправились на неё. Постройка Алгембы не продвинулась дальше первой стадии. Это – перешивка узкоколейного пути Красный-Кут–Александров Гай и пристройке к нему четырёх участков в направлении Эмбы. Общее число занятых рабочих и красноармейцев летом 1920 г. от 9 до 17 тыс. человек. В 1921 г. работы по строительству были свёрнуты³.

Проводимая с конца 1920-х гг. политика разукрупнения железных дорог сократила протяженность магистральных линий РУЖД. более чем вдвое. В 1953 г. РУЖД была объединена со Сталинградской железной дорогой, и названа Приволжской железной дорогой с управлением в Саратове.

¹ Нелипа Г.Н., Фирсов А.Б., Гришин С.Е., Елашова Л.И. Указ. соч. С. 151.

² Материалы по статистике путей сообщения. Вып. 17. Операционный 1921-22 год. Саратов, 1923. С. 12.

³ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 569. Л. 2, 16, 57, 78–82 об.

ПОВСТАНЧЕСТВО И СОПРОТИВЛЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

УДК 94(47).084.3

«Я ЛИЧНО СЧИТАЮ, ЧТО НИКАКИЕ АКТИВНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПАРТИИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НЕВОЗМОЖНЫ»: ДОКУМЕНТЫ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА ЧЛЕНА УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ ОТ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ И.А. ЦИНГОВАТОВА

Аннотация. Публикуются материалы дознания колчаковской контрразведки и предварительного следствия по делу члена партии эсеров, депутата Учредительного собрания от Пензенской губернии И.А. Цинговатова.

Ключевые слова: Гражданская война, Учредительное собрание, эсеры, Колчак.

«I PERSONALLY BELIEVE THAT ACTIVE ACTIONS OF THE PARTY ARE CURRENTLY IMPOSSIBLE»: INVESTIGATIVE CASE OF A MEMBER OF THE CONSTITUENT ASSEMBLY FROM THE PROVINCE OF PENZA I.A. TSINGOVATOV

Abstract. The paper presents documents of inquiry by the Kolchak's counterintelligence and documents of the preliminary investigation on the case of a member of the SR party, a Deputy of the Constituent Assembly from the Penza province I.A. Tsingovatov.

Key words: Civil war, Constituent Assembly, socialist-revolutionaries, Kolchak.

М. И. Вебер (Екатеринбург)

Публикуются материалы дознания колчаковской военной контрразведки и предварительного следствия Екатеринбургского окружного суда по делу члена партии эсеров, депутата Учредительного собрания от Пензенской губернии И.А. Цинговатова. Они позволяют заполнить пробел в биографии И.А. Цинговатова, связанный с периодом Гражданской войны, а также показывают механизмы преследования колчаковским режимом членов партии эсеров, открыто выступивших против омского переворота 18 ноября 1918 г. Публикуемые документы были выявлены в фонде Р-1864 «Начальник Екатеринбургского отделения Военного контроля» Государственного архива Свердловской области (ГАСО).

Иосиф Алексеевич Цинговатов (Корольков) родился 2 апреля 1886 г. в уездном городе Саранске Пензенской губернии. Окончив с серебряной медалью мужскую гимназию в г. Моршанске, он поступил на медицинский факультет Московского университета. Однако в 1905 г. в стране началась революция, и вместо учебы в университете Иосиф Цинговатов занялся революционным активизмом, вступив в ряды партии эсеров. Участие в работе боевой организации партии эсеров дало стремительный толчок партийной карьере Цинговатова. В 1906–1907 гг. он входил в состав Пензенского губернского комитета партии эсеров и был известен под партийной кличкой «Валентин».

В апреле 1907 г. агенты царского правительства сумели выйти на след И.А. Цинговатова и арестовали его в Саратове. В 1908 г. он был приговорен Саратовской судебной палатой к ссылке, которую отбывал в Енисейской губернии. В ссылке Иосиф Цинговатов познакомился со своей будущей женой – эсеркой

Варварой Семеновной Сердобовой (1877–1968). Летом 1910 г. Цинговатов вместе с ней бежали из ссылки и эмигрировали во Францию¹.

В Россию И.А. Цинговатов, как и большинство других политэмигрантов, вернулся в 1917 г. – после победы Февральской революции. Героический образ боевика-эсера, романтизированный победившей революцией, открывал перед вернувшимся политэмигрантом широкое окно возможностей. 7 августа 1917 г. Цинговатов был назначен Временным правительством на пост уездного комиссара своей малой родины – Саранского уезда Пензенской губернии. Кроме того, он был избран председателем исполкома Саранского Совета крестьянских депутатов, а затем вошел в состав исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов.

Октябрьская революция ознаменовала раскол между вчерашними соратниками по революционному движению. 26 октября 1917 г. Цинговатов был арестован взбунтовавшимися солдатами гарнизона Саранска, требовавшими передачи всей власти Советам. После заступничества общественных организаций он был отпущен и даже смог принять участие в избирательной кампании на выборах в Учредительное собрание. Правда, как отмечал сам Цинговатов, в начале ноября 1917 г. во время своего агитационного турне по избирательному округу он едва не был расстрелян сторонниками большевиков в одном из сел Краснослободского уезда Пензенской губернии². Тем не менее, не взирая на все трудности, в ноябре 1917 г. Цинговатов был избран депутатом Учредительного собрания по списку партии эсеров в Пензенском избирательном округе.

И.А. Цинговатов участвовал в единственном состоявшемся заседании Учредительного собрания 5 января 1918 г.³ После разгона Учредительного собрания большевиками Цинговатов, избежав ареста, вернулся в Пензенскую губернию. Осенью 1918 г. он нелегально перешел линию фронта, чтобы попасть в Екатеринбург и принять участие в работе съезда членов Учредительного собрания. По свидетельству самого И.А. Цинговатова: «Во исполнение постановления Уфимского совещания о том, что все члены Учредительного Собрания должны явиться к 1 января на территорию Урала и Сибири, я 5 октября отправился из Пензы и прибыл в Уфу 28 октября, переправившись через фронт. В это время съезд членов Учредительного Собрания находился в Екатеринбурге, и я приблизительно через неделю по прибытию в Уфу поехал в Екатеринбург для выполнения своих гражданских обязанностей и вступил в число членов съезда».

Пребывание И.А. Цинговатова в Екатеринбурге оказалось недолгим. Получив известия о государственном перевороте в Омске, съезд членов Учредительного собрания на пленарном заседании 19 ноября 1918 г. постановил «избрать из своей среды комитет, ответственный перед Съездом, уполномочив его принимать все необходимые меры для ликвидации заговора, наказания виновных и восстановления законного порядка и власти»⁴. Однако, уже вечером 19 ноября руководство съезда было арестовано учебной командой 25-го Екатеринбургского полка горных стрелков. Организовать отпор диктатуре Колчака не получилось, и съезд членов Учредительного собрания фактически прекратил свою работу после вмешательства военных властей. Делегаты съезда были вынуждены покинуть Екатеринбург.

¹ *Цинговатов-Корольков И.А.* Организация взаимопомощи енисейской ссылки: (По личным воспоминаниям и по письмам) // Каторга и ссылка. 1928. № 3 (40). С. 115.

² См. док. № 16.

³ *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 414.

⁴ *Плотников И.Ф.* Гибель Всероссийского Учредительного собрания. Трагические события на Урале и в Сибири. 1918 г. Екатеринбург, 2002. С. 43.

В конце декабря 1918 г. И.А. Цинговатов вместе с еще одним эсером – депутатом Учредительного собрания от Тамбовской губернии И.И. Рябовым были задержаны колчаковской военной контрразведкой в Челябинске. Формальным поводом к задержанию послужило то, что Рябов и Цинговатов ехали инкогнито, по подложным документам (в частности, у Цинговатова был изъят фальшивый паспорт на имя О.А. Королькова)¹. 5 января 1919 г. Цинговатов был допрошен следователем военно-контрольного пункта при штабе 3-го Уральского корпуса горных стрелков Западной армии прапорщиком В.М. Горским². На допросе он признался в участии в работе съезда членов Учредительного собрания в Екатеринбурге и заявил, что считает колчаковский переворот «актом неправомерным», но подчеркнул, что, по его мнению, никакие активные выступления партии эсеров против колчаковского правительства в настоящее время не возможны, т. к. партия разобщена и дезорганизована. В тот же день начальник Военно-контрольного отделения при штабе Западной армии, капитан В.А. Гирш принял решение этапировать И.А. Цинговатова и И.И. Рябова в Омск – в распоряжение Центрального отделения Военного контроля при штабе Верховного главнокомандующего³.

В Омске дознание по делу И.А. Цинговатова и И.И. Рябова провел чин для поручений Центрального отделения Военного контроля при штабе Верховного Главнокомандующего генерал-майор В.А. Бабушкин. И.И. Рябов сумел дать колчаковской контрразведке ценные данные об антибольшевистских настроениях крестьян Тамбовской и Саратовской, а также ряда уездов Воронежской и Рязанской губерний, и о ведущейся там подпольной антибольшевистской работе, после чего сравнительно быстро был отпущен из-под стражи⁴. Цинговатов же, несмотря на то, что его личность была подтверждена во время очных ставок тремя свидетелями⁵ и, таким образом, формальных причин к его задержанию не осталось, и несмотря на то, что он апеллировал к своему личному знакомству с министром юстиции колчаковского правительства С.С. Старынкевичем, был оставлен под стражей и в начале февраля 1919 г. этапирован в Екатеринбург, где велось предварительное следствие по делу о съезде членов Учредительного собрания, не признавшем омский переворот⁶.

Оказавшись в Екатеринбургской тюрьме № 2, Иосиф Цинговатов, перед глазами которого стоял пример И.И. Рябова, несомненно, рассчитывал на то, что и с его делом быстро разберутся и выпустят его на свободу – тем более, что он не играл сколько-нибудь заметной роли в работе съезда членов Учредительного собрания и не входил в состав комитета, избранного на пленарном заседании съезда 19 ноября 1918 г. для борьбы с А.В. Колчаком. Однако, его сидение под стражей без проведения каких-либо следственных действий затянулось на 3 месяца. Волоките имелись объективные причины: в феврале-марте 1919 г. в екатеринбургских тюрьмах вспыхнула эпидемия тифа, что чрезвычайно затруднило проведение допросов заключенных. Кроме того, следователи были загружены валом следственных дел, значительно превышавшем показатели мирного времени.

¹ См. док. № 6.

² См. док. № 1.

³ См. док. № 2.

⁴ Вебер М.И. «У меня имеется поручение государственной важности»: документы о подпольной деятельности в 1918 г. члена Учредительного собрания от Тамбовской губернии И.И. Рябова // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сб. науч. тр. Саратов, 2019. Вып. 12–13. С. 295–307.

⁵ См. док. № 9, 10 и 11.

⁶ См. док. № 12 и 13.

Наконец, после ряда жалоб¹ И.А. Цинговатова на бездействие следствия, его делу в начале мая 1919 г. был дан ход после вмешательства уполномоченного командующего Сибирской армией по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Пермском, Екатеринбургском, Кунгурском, Красноуфимском, Шадринском, Камышловском, Ирбитском и Верхотурском уездах, генерал-майора С.А. Домонтовича². Предварительное следствие по делу Цинговатова провел и. д. следователя Екатеринбургского окружного суда по важнейшим делам А.Д. Намёткин³ – тот самый следователь, который летом 1918 г. начал расследование обстоятельств убийства Николая II и членов его семьи в Ипатьевском доме. Ознакомившись с материалами дознания контрразведки, в которых не содержалось каких-либо уличающих данных против И.А. Цинговатова, кроме использования им фальшивого паспорта, 15 мая 1919 г. А.Д. Намёткин счел возможным снять с него все обвинения и выпустить из тюрьмы⁴. Так закончилась тюремная одиссея Цинговатова. В общей сложности он он провел в колчаковских тюрьмах около 5 месяцев.

7 июня 1919 г. Иосиф Цинговатов был допрошен А.Д. Намёткиным, но уже не в качестве обвиняемого, а в качестве свидетеля – всё по тому же делу о съезде членов Учредительного собрания в Екатеринбурге, выступившим 19 ноября 1918 г. с протестом против колчаковского переворота⁵. Дело это, впрочем, так и не дошло до суда, т. к. из-за стремительного наступления Красной армии колчаковцам пришлось спешно начать эвакуацию судебных учреждений с Урала, которая на длительный срок дезорганизовала их работу.

После окончания Гражданской войны И.А. Цинговатов перебрался в Москву, где работал в Центросоюзе. В 1920-е гг. он написал для Центросоюза ряд брошюр о кооперативном движении⁶, а также учебник «Кооперация в советской деревне» для школ крестьянской молодежи⁷. Стоит отметить, что в 1920–1930-е гг. Цинговатов состоял в Обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев. В 1928 г. он даже опубликовал воспоминания о жизни в царской ссылке в Енисейской губернии в журнале этого общества «Каторга и ссылка»⁸.

¹ См. док. № 15 и 16.

² См. док. № 17, 18 и 19.

³ Намёткин Александр Дмитриевич (1875 – не ранее 1919) – следователь, надворный советник (1914). Родился 23 февраля 1875 г. в Симбирске. В 1901 г. окончил юридический факультет Казанского университета. С 1901 г. – на службе в судебных органах Российской империи. С 6 марта 1912 г. – и. д. следователя по важнейшим делам Екатеринбургского окружного суда. 30 июля 1918 г. начал производство предварительного следствия по делу об убийстве Николая II. 7 августа 1918 г. общее собрание Екатеринбургского окружного суда освободило А.Д. Намёткина от производства дела, после чего он передал следствие И.А. Сергееву. 15 мая 1919 г. назначен членом Пермского окружного суда, но по состоянию на 7 июня 1919 г. все еще оставался в Екатеринбурге и неизвестно, успел ли переехать в Пермь до ее падения. Судьба А.Д. Намёткина после эвакуации колчаковских судебных учреждений с Урала летом 1919 г. также неизвестна. Предположительно, попал в плен к красным и был расстрелян.

⁴ См. док. № 20 и 21.

⁵ См. док. № 22.

⁶ *Цинговатов И.А.* Что нужно знать из устава своего общества: Справочник для члена о-ва потребителей. М., 1925. 32 с.; *Он же.* Проверь и направляй работу своего кооператива. М., 1927. 36 с.; *Его же.* Как распределять прибыль. М., 1927. 51 с.; *Он же.* Рационализация сельПО. М., 1928. 87 с.; *Он же.* Итоги и задачи потребкооперации: Материалы для докладчиков на отчетно-перевыборных собраниях сельПО. М., 1929. 32 с.

⁷ *Цинговатов И.А.* Кооперация в советской деревне. М.; Л., 1927. 156 с.

⁸ *Цинговатов-Корольков И.А.* Организация взаимопомощи енисейской ссылки: (По личным воспоминаниям и по письмам) // Каторга и ссылка. 1928. № 3 (40). С. 110-120.

Однако, заслуги в борьбе с царским режимом не помогли Иосифу Цинговатову в годы «Большого террора». В 1937 г. он был репрессирован, разделив судьбу многих других бывших революционеров. По сведениям родственников, И.А. Цинговатов умер 11 мая 1941 г., отбывая 10-летний срок заключения в лагере в Хабаровском крае. Однако данная информация нуждается в проверке, т. к. в СССР широкое распространение получила практика, когда родственникам людей, расстрелянных во время «Большого террора», сообщали, что арестованный якобы получил «10 лет без права переписки и передач», а впоследствии скончался от естественных причин во время отбывания срока заключения¹.

Документы публикуются в современной орфографии и пунктуации, но с сохранением основных стилистических особенностей. Сохранено авторское написание прописных и строчных букв. Слова и части слов, пропущенные или сокращенные в оригинале, восстановлены по смыслу и обозначены квадратными скобками.

Публикуемые документы

№ 1

Протокол допроса И.А. Цинговатова от 05.01.1919

1919 г. января 5 дня следователь военно-контрольного пункта Штаба 3-го Уральского Корпуса пр[апорщик] Горский в [нрзб] допрашивал нижеподписавшегося в качестве обвиняемого, причем он показал

ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:
1) Имя, отчество и фамилия	Иосиф Алексеевич Цинговатов
2) Возраст во время совершения преступления	32 г.
3) Звание (состояние, сословие, чин, где служил, имел ли знаки отличия и какие, отбыл ли воинскую повинность, если запасной или отставной военный чин, то когда вышел в запас или получил отставку)	Мещанин г. Саранска Пензенской губ. На военной службе не состоял.
4) Место рождения: а) губерния, б) уезд или город	г. Саранск
5) Постоянное местожительство (временное пребывание)	г. Челябинск, Горшечная ул., д. Носова
6) Рождение	
7) Народность или племя	русский
8) Религия	православный
9) Какое получил образование: а) высшее или среднее, б) грамотен или неграмот[ен]	студент Московского университета
10) Семейное положение (холост, женат, вдов, разведен, имеет детей, если малолетний, то живет ли при родителях, сирота, подкидыш и т. п.)	Холост
11) Занятие (во время совершения преступления): а) чем именно занимался, б) хозяин, работник, служащий	Член Съезда Членов Учредит[ельного] Собрания. Чл[ен] Учр[едительного] Собр[ания] от

¹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. Сб. док. М., 2000. С. 133–134.

	Пензенской губ.
12) Прежняя судимость	В 1908 г. был осужден Саратовской суд[ебной] палатой за принадлежность к партии к ссылке на поселение.

Как член Съезда членов Учредительного Собрания я был на заседаниях съезда в г. Екатеринбурге. Из Советской России я прибыл в г. Уфу, но там съезда уже не застал и направился в Екатеринбург, куда прибыл около 2 ноября 1918 г. Я зарегистрировался, был на всех заседаниях Съезда и являюсь участником всех его постановлений¹. При разрешении вопроса о перевороте в Омске, признав этот переворот актом правонарушения, Съезд вынес постановление об образовании комитета из 7 чл[енов] Учредит[ельного] Собрания для восстановления власти Временного Правительства².

В состав комитета вошли³ председ[атель] [В.М.] Чернов⁴, [В.К.] Вольский, [Н.В.] Фомин, [И.С.] Алкин, [Н.Н.] Иванов, [Ф.Ф.] Федорович, седьмого⁵ не помню.

Я в этом комитете не состоял, и моя работа с окончанием Съезда закончилась. В последнее время я жил в Уфе без всяких занятий. В Уфе я был на освидетельствовании зрения и ввиду необходимости систематического лечения и операции глаз решил ехать в Томск. Мои документы, как члена Съезда и Члена Учредит[ельного] Собрания, я уничтожил, так как я боялся ареста, как и остальные члены Съезда Комитета Чл[енов] Учр[едительного] Собрания. Я член партии с.-р., каковым состою с 1905 года.

О дальнейших целях и задачах моей партии в настоящий момент сказать что-либо определенное затрудняюсь, в силу чрезвычайной сложности событий и невозможности ориентирования.

Я лично считаю, что никакие активные выступления партии в настоящее время невозможны, т. к. партия разрознена и фактически ее не существует. Считаю переворот в Омске актом неправомерным, однако полагаю, что дальнейшее положение и оценка со стороны партии (с.-р.) зависит от дальнейшей⁶ деятельности Правительства.

Прочитано. *Цинговатов*

Показания снимал пр[апорщик] *В. Горский*

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 1. Л. 6-7. Подлинник. Бланк допроса. Рукопись. Черные чернила.

№ 2

Постановление начальника Военно-контрольного отделения при штабе Западной армии, капитана В.А. Гирша о препровождении арестованных эсеров И.А. Цинговатова, И.И. Рябова и И.В. Салтыкова в Центральное отделение Военного контроля от 05.01.1919

¹ Почеркнуто синим карандашом неустановленным лицом.

² Предложение выделено на полях документа двойной вертикальной чертой синим карандашом.

³ *Вошли* вписано над строкой, под ним зачеркнуто *под*.

⁴ После слова *Чернов* зачеркнуто *входили*.

⁵ Седьмым членом был И.М. Брушвит.

⁶ Исправлено по смыслу. В документе ошибочно *дальнейших*.

1919 года января 5 дня я, Начальник Военно-Контрольного Отделения при Штабе Западной Армии Капитан ГИРШ, на основании данных предварительного дознания, задержанных Членов Учредительного Собрания Ивана Ивановича РЯБОВА и Иосифа Алексеевича ЦИНГОВАТОВА и заведующего Отделением при Комитете Управляющих Членов Учр[едительного] Собр[ания] Ивана Васильевича САЛТЫКОВА.

ПОСТАНОВИЛ: вышеозначенных Рябова, Цинговатова и Салтыкова препроводить в Центральное Отделение Военного Контроля при Штабе Верховного Главнокомандующего на распоряжение.

Настоящее постановление объявить арестованным, а копию препроводить в ЦОВК.

С подлинным верно:

Чин для поручений

В. Бабушкин

ГАСО. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 1. Л. 8. Заверенная копия. Машинопись.

№ 3

Донесение начальника Военно-контрольного отделения при штабе Западной армии, капитана В.А. Гирша начальнику Центрального отделения Военного контроля, подполковнику Н.П. Злобину № 72 от 05.01.1919 о препровождении арестованных эсеров в Омск

Копия

Препровождая при сем задержанных мною: 1) Члена Съезда Членов УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ Иосифа Алексеевича ЦИНГОВАТОВА¹, 2) Члена УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ Ивана Ивановича РЯБОВА и 3) Заведывающего Отд[елом] Сообщений при Комитете Управляющих Членов УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ Ивана Васильевича САЛТЫКОВА, сообщаю, что ЦИНГОВАТОВ является участником съезда Чл[енов] Уч[РЕДИТЕЛЬНОГО] СОБР[АНИЯ], происходившего в Екатеринбурге, и сторонником постановлений, вынесенным означенным съездом; кроме того, как показания Цинговатова, так и его личность возбуждают большие сомнения, разрешить которые, за неимением материала, освещающего деятельность Комитета Чл[енов] Уч[редительного] Собр[ания] – является весьма затруднительным.

РЯБОВ направляется в Ваше распоряжение на основании его личного заявления о том, что он имеет поручение от Всероссийского Правительства государственной важности.

САЛТЫКОВ является Завед[ующим] Отд[елом] Сообщений и может быть весьма полезным при разрешении вопроса о ликвидации Комитета Чл[енов] Уч[редительного] Собрания (По-видимому, им производились большие финансовые операции при Отд[еле] Сообщений).

САЛТЫКОВ арестован мной за ложное показание, присвоение чужих документов, проживание по ним и сокрытие своего звания офицера.

¹ Здесь и далее по тексту документа подчеркнуто синим карандашом неустановленным лицом.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Паспортная книжка Рябова за № 317, его же засвидетельствованная фотографическая карточка с записной книжкой, подложный паспорт на имя Королькова, отобранный у Цинговатова, и переписка на 26 листах.

С подлинным верно:

Чин для поручений

В. Бабушкин

ГАСО. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 1. Л. 5. Заверенная копия. Машинопись; РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 322. Л. 3. Подлинник. Машинопись. (Публикуется по копии).

Опубл.: Вебер М.И. «У меня имеется поручение государственной важности»: документы о подпольной деятельности в 1918 г. члена Учредительного собрания от Тамбовской губернии И.И. Рябова // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сб. науч. тр. Саратов, 2019. Вып. 12-13. С. 301-302.

№ 4

Постановление начальника Центрального отделения Военного контроля, подполковника Н.П. Злобина № 1 от 07.01.1919 о заключении И.А. Цинговатова под стражу

1919 года января 7 дня я, Начальник Центрального Отделения Военного Контроля при Штабе Верховного Главнокомандующего, Подполковник Злобин, принимая во внимание имеющиеся в Отделении сведения о *Иосифе Алексеевиче Цинговатове*, на основании Военного Положения ПОСТАНОВИЛ: *Иосифа Алексеевича Цинговатова* заключить под стражу в одиночное помещение Омской Областной тюрьмы, о чем ему и объявил, а копию с сего постановления препроводить Прокурору Омского Округного Суда и Начальнику Тюрьмы.

Подполковник *Злобин*

Настоящее постановление мне объявлено 7-го сего января¹.

И. Цинговатов

Копия постановления отправлена:

Прокурору Омского Округного Суда

Начальнику Областной Омской Тюрьмы 7 января за № 3

ГАСО. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 1. Л. 9. Подлинник. Машинопись.

¹ Вписано от руки синими чернилами И.А. Цинговатовым.

№ 5
Постановление чина для поручений Центрального отделения
Военного контроля, генерал-майора В.А. Бабушкина
№ 1 от 08.01.1919 о производстве дознания по делу
И.А. Цинговатова, И.И. Рябова и И.В. Салтыкова

Копия

1919 года Января 8-го дня, в г. Омске я, чин для поручений Центрального Отделения при Штабе Верховного Главнокомандующего, В.А. Бабушкин, во исполнение словесного приказа начальника вышеупомянуемого Отделения, ПОСТАНОВИЛ: приступить к производству, в порядке Военного Положения, дознания о бывших членах Учредительного Собрания Иване Иванов[ич]е РЯБОВЕ и Иосифе Алексеев[ич]е ЦИНГОВАТОВЕ и о гражданине, предъявившем документы, свидетельствующие о его военном звании, Иване Васильев[ич]е САЛТЫКОВЕ.

С подлинным верно:

Чин для поручений

В. Бабушкин

ГАСО. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 1. Л. 10. Заверенная копия. Машинопись.

№ 6
Протокол осмотра паспорта, изъятого у И.А. Цинговатова при аресте, чином
для поручений Центрального отделения Военного контроля, генерал-
майором В.А. Бабушкиным № 1 от 09.01.1919

1919 года января 9-го дня в г. Омске я, чин для поручений Центрального Отделения Военного Контроля при Штабе Верховного Главнокомандующего, В.А. Бабушкин, в присутствии нижеподписавшихся понятых, в порядке Военного Положения, производил осмотр документа, отобранного по обыску в г. Челябинске у б[ывшего] члена Учредительного Собрания, гражданина Иосифа Алексеевича Цинговатова¹, причем оказалось нижеследующее: обыкновенная бессрочная паспортная книжка (32 стр.) за № 841, выданная Харьковским Полицейским Управлением тысяча девятьсот тринадцатого года Сентября 19-го дня на имя мещанина Осипа Алексеевича Королькова², с надлежащими подписями и печатью. На 31-й и 32-й страницах паспортной книжки имеются пометки о явке: 4-го октября 1913 года в Саратовское городское Полицейское Управление; 9-го февраля 1914 года в Московскую часть 3-й участок: 3.III 1916 г. бакинського полицеймейстера и 14-го февраля 1917 года у пристава 3 части г. Харькова. О чем и составлен настоящий протокол.

Чин для поручений

В. Бабушкин

Понятыми были:

[2 неразборчивые подписи]

ГАСО. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 1. Л. 12-13. Подлинник. Рукопись. Синие чернила.

¹ Подчеркнуто синими чернилами В.А. Бабушкиным.

² Подчеркнуто синими чернилами В.А. Бабушкиным.

№ 7
Постановление чина для поручений Центрального отделения
Военного контроля, генерал-майора В.А. Бабушкина
№ 2 от 09.01.1919 о привлечении к дознанию
И.А. Цинговатова, И.И. Рябова и И.В. Салтыкова
в качестве обвиняемых

Копия

1919 года Января 9-го дня в г. Омске, я, чин для поручений Центрального Отделения Военного Контроля при Штабе Верховного Главнокомандующего, В.А. Бабушкин, принимая во внимание возникшее сомнение в самоличности именующих себя членами Учредительного Собрания Ивана Иванов[ич]а РЯБОВА и Иосифа Алексеев[ич]а ЦИНГОВАТОВА и Ивана Васильев[ич]а САЛТЫКОВА, заведывавшего Отделом Сообщений при Комитете Управляющих членов Учредительного Собрания, ПОСТАНОВИЛ: привлечь к настоящему дознанию в качестве заподозренных Ивана Иванов[ич]а Рябова, Иосифа Алексеев[ич]а Цинговатова и Ивана Васильев[ич]а Салтыкова.

С подлинным верно:

Чин для поручений

В. Бабушкин

ГАСО. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 1. Л. 14. Заверенная копия. Машинопись.

№ 8
Протокол допроса И.А. Цинговатова № 2 от 09.01.1919

1919 года января 9-го в гор. Омске я, чин для поручений Центрального отделения Военного контроля при штабе Верховного Главнокомандующего В.А. Бабушкин, допрашивал, в порядке военного положения, Иосифа Цинговатова, в качестве свидетеля, причем таковой показал:

Зовут меня *Цинговатов Иосиф Алексеевич*

Звание мещанин г. Саранска Пензенской губ[ернии], студент Московского университета, член Учредительного Собрания от Пензенской губ[ернии]

Вероисповедания православного

Местожителство г. Саранск, ныне содержусь под стражей в Омской областной тюрьме

На предложенные мне вопросы отвечаю: *Я остаюсь при показаниях, данных мною 5-го января и прибавить к ним ничего не имею. Что касается удостоверения моей личности, то, не имея личных знакомств в г. Омске, я могу лишь указать на моих коллег по Учредительному Собранию, если таковые имеются в настоящее время в Омске. Полагаю, что личность мою мог бы также установить гражданин Старынкевич, министр юстиции, который может вспомнить о моей с ним встрече в 1910 г. в с. Черемхове, в квартире В.А. Аверкиевой. Кроме того, в иллюстрированном журнале «Жизнь и суд» и некот[орых] других помещена фотография группы Членов Учредительного*

Собрания, снятая в ноябре 1917 г. в библиотеке Таврического дворца; в этой группе имеюся и я.

Иосиф Алексеевич Цинговатов

Показания снимал
чин для поручений

В. Бабушкин

ГАСО. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 1. Л. 15. Подлинник. Бланк допроса. Рукопись. Черные чернила.

№ 9

Протокол допроса свидетеля С.А. Володина № 3 от 28.01.1919

1919 года января 28-го в гор. Омске я, чин для поручений Центрального отделения Военного контроля при штабе Верховного Главнокомандующего *В.А. Бабушкин*, допрашивал, в порядке военного положения, *Володина Сергея*, в качестве свидетеля, причем таковой показал:

Зовут меня *Володин Сергей Ад[р]ианович*

Звание *кр[естьянин]* Орловской губ[ернии], Малоарханг[ельского] уезда, *Скарятинской вол[ости]*, сел[а] *Красного*. Ныне состою в должности инструктора *Всер[оссийского]* Центр[ального] Союза потребит[ельских] общ[еств] в г. Омске.

Вероисповедания *Православного*

Местожительство г. Омск, *Кузнечная ул[ица]*, дом № 38

На предложенные мне вопросы отвечаю: Я состою членом Учредительного Собрания от Орловской губ[ернии] по соединенному списку Совета *кр[естьянских]* депутатов и партии *Соц[иалистов]-Револ[юционеров]* (правых) и в качестве такового знаю лично члена Учредительного Собрания от *Пензенской губ[ернии]* *Цинговатова*, имени и отчества которого не помню; познакомился с ним в декабре 1918 года в г. Петрограде на Болотной улице № 2 в общежитии правых *Соц[иалистов]-Револ[юционеров]*. В личности, предъявляемой Вами мне [нрзб], я признаю члена Учредительного Собрания от *Пензенской губернии* – *Цинговатова* (свидетелю при опросе был предъявлен содержащийся в Омской Областной тюрьме *Иосиф Алексеевич Цинговатов*).

Сергей Адрианович Володин

Показания снимал
чин для поручений

В. Бабушкин

ГАСО. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 1. Л. 16. Подлинник. Бланк допроса. Рукопись. Синие чернила.

№ 10

Протокол допроса свидетеля Е.Е. Колосова № 4 от 29.01.1919

1919 года 29-го января в гор. Омске я, чин для поручений Центрального отделения Военного контроля при штабе Верховного Главнокомандующего В.А. Бабушкин, допрашивал, в порядке военного положения, Евгения Колосова, в качестве свидетеля, причем таковой показал:

Зовут меня *Колосов Евгений Евгеньевич*

Звание *Потомств[енный] двор[янин]. Литератор. Член Учр[едительного] Собр[ания] от Енисейской губ[ернии]*

Вероисповедания *Правосл[авного]*

Местожительство г. Омск, *гост[иница] «Россия», № 4*

На предложенные мне вопросы отвечаю: *В личности, мне предъявляемой (свидетелю предъявляется содержащийся под стражей в Омской Областной тюрьме Иосиф Алексеевич Цинговатов), я признаю хорошо мне известного члена Учредительного Собрания от Пензенской губ[ернии] Иосифа Алексеевича Цинговатова.*

Евгений Колосов

Показания снимал
чин для поручений

В. Бабушкин

ГАСО. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 1. Л. 17. Подлинник. Бланк допроса. Рукопись. Синие чернила.

№ 11

Протокол допроса свидетеля М.Н. Павловского № 5 от 29.01.1919

1919 года января 29 в гор. Омске я, чин для поручений Центрального отделения Военного контроля при штабе Верховного Главнокомандующего В.А. Бабушкин, допрашивал, в порядке военного положения, Михаила Павловского, в качестве свидетеля, причем таковой показал:

Зовут меня *Павловский Михаил Наумович*

Звания *Инженер-механик*

Вероисповедания *Правосл[авного]*

Местожительство г. Омск, *Ильинская, № 4*

На предложенные мне вопросы отвечаю: *В предъявляемой мне личности (свидетелю предъявляется содержащийся под стражей в Омской Областной тюрьме Иосиф Алексеевич Цинговатов) я признаю члена Учредительного Собрания от Пензенской губ[ернии] – Цинговатова, которого я знал ранее еще по Парижу.*

Показания снимал
чин для поручений

В. Бабушкин

ГАСО. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 1. Л. 18. Подлинник. Бланк допроса. Рукопись.
Синие чернила.

№ 12

**Постановление чина для поручений Центрального отделения
Военного контроля, генерал-майора В.А. Бабушкина
№ 3 от 04.02.1919 о прекращении дознания в отношении
И.И. Рябова и о выделении в отдельные дела материалов дознания
об И.А. Цинговатове и И.В. Салтыкове**

Копия

1919 года Февраля 4 дня в г. Омске, я, чин для поручений Центрального Отделения Военного Контроля при Штабе Верховного Главнокомандующего, В.А. Бабушкин, после ознакомления Прокурора Казанской Судебной Палаты Н.И. Миролубова с уличающими данными, собранными в настоящем дознании против Иосифа Алексеевича ЦИНГОВАТОВА, Ивана Васильевича САЛТЫКОВА и Ивана Ивановича РЯБОВА, и в связи с указанием его на то, что в г. Екатеринбурге, по распоряжению военных властей, производится предварительное следствие по делу о съезде б[ывших] членов Учредительного Собрания, происходившем в г. Екатеринбурге и избравшем комиссию из 7-ми, принявшую на себя руководство активной работой по свержению Правительства, возглавленного Адмиралом Колчаком, к каковому делу может быть приобщена переписка о Иосифе Цинговатове и 2) что переписка об Иване Салтыкове может быть приобщена к делу о Центральном Комитете партии социалистов-революционеров, и делом об Управлении Ведомствами Самаро-Уфимского Правительства, ведущимся под его, Н.И. Миролубова, наблюдением, с согласия Начальника вышеупомянутого Отделения, полковника Злобина, ПОСТАНОВИЛ:

а) выделить из настоящего дознания всю переписку, касающуюся б[ывшего] члена Учредительного Собрания Иосифа Алексеевича Цинговатова, для направления ее Начальнику Штаба Главнокомандующего Западным фронтом, на предмет приобщения этой переписки к делу, переданному 27-го ноября минувшего года Заведующему Военно-Судною частью при Штабе войск Екатеринбургской группы;

б) выделить из настоящего дознания всю переписку, касающуюся б[ывшего] организатора Отдела Снабжения при Совете Управляющих Ведомствами Комитета членов Учредительного Собрания, Ивана Васильевича Салтыкова, для направления ее Прокурору Казанской Судебной Палаты в целях приобщения этой переписки к вышеупомянутому делу о Централь[ном] Комит[ете] партии С.Р. и об Управлении Ведомствами Самаро-Уфимского Правительства;

в) прекратить дальнейшим производством настоящее дознание в отношении б[ывшего] члена Учредительного Собрания Ивана Ивановича Рябова, без всяких для него последствий;

г) выделенные в виду вышеприведенных соображений переписки о Цинговатове и Салтыкове, представить как отдельные дела, для надлежащего

¹ Подчеркнуто от руки простым карандашом и приписано на полях документа «Кем?».

направления Начальнику Центрального Отделения Военного Контроля при Штабе Верховного Главнокомандующего.

С подлинным верно:

Чин для поручений

В. Бабушкин

ГАСО. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 1. Л. 19. Заверенная копия. Машинопись.

№ 13

**Сношение начальника Центрального отделения
Военного Контроля, полковника Н.П. Злобина начальнику
Екатеринбургского отделения Военного контроля,
штабс-капитану Н.И. Белоцерковскому № 424
об этапировании И.А. Цинговатова из Омска в Екатеринбург**

[не позднее 09.02.1919]¹

Арестантское
Секретно

Из заключительного постановления от 4 сего февраля за № 3 (стр. 15 переписки) производившего, при вверенном мне Отделении, дознание о членах Учредительного Собрания – Иосифе Алексеев[ич]е ЦИНГОВАТОВЕ и Иване РЯБОВЕ и гражданине САЛТЫКОВЕ, Вы усмотрите данные, послужившие основанием для направления Цинговатова, со всею относящеюся до него перепискою, в г. Екатеринбург.

Препровождаемого при сем Иосифа Цинговатова и переписку о нем на 15 листах, по надлежащем сношении, прошу направить либо непосредственно Заведующему Военно-Судною частью при Штабе войск Екатеринбургской группы, либо на распоряжение Начальника Штаба Главнокомандующего Западным фронтом.

О принятии арестованного Цинговатова и переписки о нем прошу выдать конвоирам надлежащее удостоверение².

ПРИЛОЖЕНИЕ: выделенная из дознания переписка о Цинговатове на 15 листах.

Полковник

Злобин

Начальник Агентурного Отдела,
Подполковник

Караулов

Делопроизводитель,
Подпоручик

[неразборчивая подпись]

ГАСО. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 1. Л. 1. Подлинник. Машинопись.

¹ Датируется по содержанию документа.

² На документе имеются: 1) делопроизводственный штамп «Получено 11.02.1919 г. Вход[ящий] № 6621/ВК»; 2) делопроизводственный штамп «В карточку занесено д[ело] № 445»; 3) резолюция «1) Через коменданта города направить в тюрьму № 2, заготовив постановление. 2) расписку конвоирам. Б[елоцерковский]. 10.02.[1919]».

№ 14

**Рапорт чина для поручений при Екатеринбургском отделении
Военного контроля, прапорщика Н.Н. Князева
начальнику Екатеринбургского отделения Военного контроля,
штабс-капитану Н.И. Белоцерковскому № 12 от 12.02.1919**

Арестантское

Доношу, что вечером 10 с[его] Февраля из г. Омска в Ваше распоряжение был доставлен арестованный член Учредительного Собрания Иосиф ЦИНГОВАТОВ, который по Вашему приказанию того же числа отправлен мною к Коменданту города для заключения под стражу в тюрьму № 2, с зачислением за Военным Контролем.

Вместе с сим доношу, что конвоиром, доставившим ЦИНГОВАТОВА, мною выдана расписка в приеме от них арестованного и пакета, за № 424, а также им вручен для доставления Начальнику Центрального Отделения Военного Контроля Ваш рапорт, за № 795, подписанный за Вас Капитаном ШУМИНСКИМ, в коем Вы извещаете сего Начальника о доставлении Вам названного ЦИНГОВАТОВА вместе с делом о нем на 15 листах и о приступлении к расследованию сего дела¹.

Докладывая об изложенном, при сем представляю переписку и дело о ЦИНГОВАТОВЕ.

Приложение: поименованное.

Прапорщик *Князев*

ГАСО. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 1. Л. 23. Подлинник. Машинопись.

№ 15

**Заявление И.А. Цинговатова начальнику Екатеринбургского
отделения Военного контроля, штабс-капитану
Н.И. Белоцерковскому от 14.02.1919 об ускорении
расследования его дела**

Г[осподину] начальнику Военного контроля

политического заключенного,
члена Всероссийского Учредительного
Собрания Иосифа Алексеевича
Цинговатова

Заявление

10-го сего февраля дежурным офицером Военного контроля мне было заявлено, что я буду вызван на допрос на следующий же день, между тем, до сих

¹ На документе имеются: 1) делопроизводственный штамп «Получено 13.02.1919 г. Вход[ящий] № 150/ВК»; 2) делопроизводственный штамп «На карточку занесено. Д[ело] № 445»; 3) резолюция «Пр[ошу] доложить. Б[елоцерковский]. 12.02.[1919]»; 4) резолюция «Полагал бы дело и арестованного передать в распоряжение Прокурора Окружного Суда. Б[елоцерковский]. 14.02.[1919]»; 5) резолюция «Согласен. Ген[ерал]-м[айор] Домонтович. 18.02.[1919]».

пор я вызван не был. Считая такое ненормальным, прошу Вас принять зависящие от Вас меры к ускорению моего допроса.

Кроме того, прошу Вас телеграфно – за мой счет – затребовать оставшиеся в Омской областной тюрьме мои деньги в сумме 2 694 руб., которые не могли быть переданы мне при моем переводе из Омска в Екатеринбург ввиду поспешности, с которой этот перевод был совершен.

Наконец, страдая глаукомой и имея в силу этого необходимость в постоянном наблюдении специалиста-окулиста, прошу разрешить мне сходить на прием к доктору Замуравкину¹.

Цинговатов

14 февраля 1919 г.
Екатеринбург. Тюрьма № 2

[на обороте документа]

Справка. Иосиф Алексеевич Цинговатов содержится при Екатеринбургской тюрьме № 2 с 10 февраля с. г. по записке об арестовании дежурного офицера при Управлении Коменданта г. Екатеринбурга от 10 февраля с. г., арестован Начальником Военного Контроля (по обвинению в политическом деле) и за коим числится содержанием Цинговатов.

Верно:

И. д. Начальника тюрьмы

Ф. Котов

Настоящее прошение препровождено на распоряжение г[осподину] Начальнику Военного Контроля штаба Начальника гарнизона. 15 февраля 1919 г. № 247.

И. д. Начальника тюрьмы

Ф. Котов

ГАСО. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 1. Л. 24. Подлинник. Рукопись. Черные чернила.

№ 16

Заявление И.А. Цинговатова уполномоченному командующего Сибирской армией по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Пермском, Екатеринбургском, Кунгурском, Красноуфимском, Шадринском, Камышловском, Ирбитском и Верхотурском уездах, генерал-майору С.А. Домонтовичу от 09.04.1919 об освобождении его из-под стражи

Г[осподину] Уполномоченному Командующего Сибирской армией

содержащегося под стражей
в екатеринбургской тюрьме № 2
члена Всероссийского Учредительного

¹ На документе имеются штампы «17 февраля 1919 г. Вход[ящий] № 835» и «На карточку занесено. Д[ело] № 445».

Собрания И.А. Цинговатова

Заявление

5-го января я был задержан Челябинским Военным контролем вместе с моим коллегой по Учредительному Собранию Ив[аном] Ив[ановичем] Рябовым. К нашему задержанию сколько-нибудь важного повода у Челябинского Военного контроля не было, это было откровенно высказано нам следователем, снимавшим с нас допрос¹. Не решившись, однако, взять на себя инициативу нашего освобождения, Челябинский Военный контроль передал нас Центральному отделу Военного контроля при Ставке Верховного Правителя. Здесь нам на другой же день по доставке нас в Омск было заявлено, что по удостоверении наших личностей, мы будем освобождены, что и было исполнено по отношению к Ив[ану] Ив[ановичу] Рябову, который имел больше, чем я, возможностей установить свою личность. Освободившись, он обратился через газету «Заря» (№ 20) ко всем, кто меня знает, с просьбой удостоверить, что я – действительно И.А. Цинговатов, член Учредительного Собрания. В тот же день я был вызван в Ставку Верховного Правителя, где моя личность была удостоверена членами Учредительного Собрания Е.Е. Колосовым и Володиным и инженером Павловским. При этом чин Центрального отдела Военного контроля генерал Бабушкин вторично заявил мне, что, вероятнее всего, я буду освобожден на днях.

Вместо этого я через неделю был переведен в Екатеринбург в адрес Екатеринбургского Военного контроля. Здесь от дежурного офицера я получил обещание быть приглашенным на допрос на другой же день. Однако, приглашения не последовало ни на другой, ни на третий день, а через 2 недели мне было объявлено, что я перечисляюсь за прокурором Екатеринбургского Окружного суда. Еще через 2 недели мне объявили, что я перечисляюсь за уполномоченным командующего Сибирской армией. Таким образом, ни Екатеринбургский Военный контроль, ни прокурор Окружного суда не только не возбудили против меня какого-либо преследования, но даже сочли излишним допросить меня.

Получив извещение о моем перечислении за Вами, я был уверен, что мое освобождение, которое столько раз мне обещалось, но, по неведомым причинам, так замедлилось, теперь несомненно и близко. Но и на этот раз меня ждало разочарование: прошло больше месяца, а я все еще нахожусь в тюрьме, в чрезвычайно тяжелых для меня условиях, так как я страдаю болезнью глаз (глаукомой), грозящей мне полной потерей зрения.

При моем задержании не было обнаружено ничего, что указывало бы на какие-либо преступные намерения в моей поездке. Наоборот, тот самый факт, что я не воспользовался случаем, оставшись в Уфе, оказаться по ту сторону фронта, где у меня находится семья, – достаточно красноречиво говорит о том, что у меня не было ни малейшего желания вступить в какой-либо «контакт» с советской властью.

Задавая себе вопрос: каким образом я могу быть опасным или вредным для существующего на освобожденной от большевиков территории государственного строя, я, разбираясь объективно, отвечаю: если я буду сидеть в тюрьме, или если по отношению ко мне вообще будут применяться властью какие-либо репрессии. В самом деле, каково будет отношение к существующей на освобожденной от большевиков территории власти у тех 500 000 избирателей Пензенской губернии,

¹ Имеется в виду следователь военно-контрольного пункта при штабе 3-го Уральского корпуса горных стрелков Западной армии, прапорщик В.М. Горский.

которые при выборах в Учредительное Собрание подали за меня свой голос, когда они узнают, что эта власть преследует меня без сколько-нибудь достаточного к тому повода? Вопрос не требует ответа. Но вредить существующему государственному строю таким способом у меня нет никакого желания.

Надеюсь, господин уполномоченный, что Вы поверите мне в этом и возвратите мне свободу, которой я лишен уже более трех месяцев.

Считаю не лишним упомянуть здесь о тех преследованиях со стороны большевиков, которым я подвергался, еще не будучи членом Учредительного Собрания. 26 октября 1917 г. я, как Саранский (Пензенск[ой] губ[ернии]) уездный комиссар Временного правительства, был арестован и едва не расстрелян большевистски настроенным гарнизоном, объявившем о переходе «всей власти Советам». В начале ноября я только благодаря случайности избежал расправы со стороны большевиков одного из сел Краснослободского уезда (Пензенск[ой] губ[ернии]) во время моего агитационно-предвыборного турне. Перечислять преследования со стороны советской власти, которые я перенес в качестве члена Учредительного Собрания, было бы слишком долго¹.

Цинговатов

1919 г. 9 апреля
Екатеринбург. Тюрьма № 2

[на обороте документа]

Справка: Иосиф Алексеевич Цинговатов содержится при Екатеринбургской тюрьме № 2 с 10 февраля 1919 г. по записке об арестовании дежурного офицера при Управлении коменданта г. Екатеринбурга от 10 февраля с. г. – арестован начальником Военного контроля, за каковым числился содержанием до 22 февраля с. г., с 22 февраля по 5 марта за г[осподином] прокурором Екатеринбургского Окружного суда, а с 5 марта с. г. отношением г[осподина] прокурора Екатеринбургского Окружного суда за № 1906 перечислен содержанием названный Цинговатов за г[осподином] уполномоченным командующего войсками Сибирской армии.

И. д. Начальника тюрьмы № 2 *Ф. Котов*

Настоящее прошение со справкой на нем препровождаю г[осподину] уполномоченному командующего Сибирской армии на распоряжение. Апреля 11 дня 1919 г. № 671

И. д. Начальника тюрьмы № 2 *Ф. Котов*

ГАСО. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 1. Л. 41-42. Подлинник. Рукопись. Черные чернила.

№ 17

Предписание прокурора Екатеринбургского окружного суда В.Ф. Иорданского судебному следователю Екатеринбургского

¹ На документе имеются штамп «Административный отдел. 14 апреля 1919 г. Вход. № 4315» и рукописная резолюция «Прокурору Окружного суда. Прошу лично доложить дело Цинговатова. Ген[ерал]-м[айор] *Домонтович* 05.05.[19]19».

**окружного суда по важнейшим делам А.Д. Намёткину № 3630
от 29.04.1919 произвести следствие по делу И.А. Цинговатова**

На основании 288 ст[атьи] У[става] У[головного] С[удопроизводства] предлагаю Вам по содержанию прилагаемого при сем дознания о члене бывшего Учредительного Собрания Иосифе Алексеевиче Цинговатове *произвести*¹ следствие по признакам преступления, предусмотренного 102 ст[атьей]² Угол[овного] Улож[ения]³.

Прокурор *В. Иорданский*

Секретарь [*неразборчивая подпись*]

ГАСО. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 1. Л. 36. Подлинник. Машинопись.

№ 18

**Постановление судебного следователя Екатеринбургского
окружного суда по важнейшим делам А.Д. Намёткина от 04.05.1919
о начале предварительного следствия по делу И.А. Цинговатова**

4 мая 1919 года. Судебный следователь Екатеринбургского Окружного суда по важнейшим делам, рассмотрев дознание о члене бывшего Учредительного Собрания Иосифе Алексеевиче Цинговатове, обвин[яемого] по 102 ст[атье] Угол[овного] Улож[ения], присланное при предложении прокурора суда от 29 апреля с. г. за № 3 630, и находя, что в обстоятельствах, изложенных в нем, заключаются признаки преступления, предусмотренного 102 ст[атьей] Угол[овного] Улож[ения] и подсудного Общ[ему] Суд[ебному] Установл[ению], руководствуясь 249, 286, 289 и 297 ст[атьями] Уст[ава] Уг[оловного] Суд[а], постановил⁴: приступить к производству предварительного следствия.

И. д. судебного следователя

Намёткин

ГАСО. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 1. Л. 37. Подлинник. Рукопись. Черные чернила.

№19

**Сношение Управления уполномоченного командующего
Сибирской армией по охране государственного порядка и
общественного спокойствия в Пермском, Екатеринбургском,
Кунгурском, Красноуфимском, Шадринском, Камышловском,
Ирбитском и Верхотурском уездах прокурору Екатеринбургского
окружного суда В.Ф. Иорданскому № 4510 от 06.05.1919**

При сем препровождаю заявление содержащегося под стражей в тюрьме № 2 члена Всероссийского Учр[едительного] Собрания И.А. ЦИНГОВАТОВА с резолюцией Уполномоченного Ком[андующего] Сиб[ирской] Армией: «Прокурору

¹ Слово произвести вписано от руки над строкой.

² 102 статья предусматривала уголовную ответственность за участие в тайных сообществах, ставивших целью насильственное изменение в России образа правления или отторжения от России какой-либо ее части.

³ На документе имеется делопроизводственная помета «Вх[одящий] № 82. 4 мая 1919 г.».

⁴ Подчеркнуто от руки следователем А.Д. Намёткиным.

Окружного Суда. Прошу лично доложить дело Цинговатова. Ген[ерал]-м[айор] Домонтович»¹.

ПРИЛОЖЕНИЕ: заявление².

Начальник Общего отдела,
Поручик

[неразборчивая подпись]

Делопроизводитель

[неразборчивая подпись]

[на обороте документа]

Г[осподину] Судебному Следователю по важнейшим делам Намёткину³

Мая 9 дня 1919 г. № 4158

Прокурор Екатеринбургского
Окружного Суда

В. Иорданский

Секретарь

[неразборчивая подпись]

ГАСО. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 1. Л. 40. Подлинник. Машинопись.

№ 20

Постановление судебного следователя Екатеринбургского окружного суда по важнейшим делам А.Д. Намёткина от 15.05.1919 об освобождении из-под стражи И.А. Цинговатова и Н.Х. Капштама

15 мая 1919 года. Судебный следователь Екатеринбургского Окружного суда по важнейшим делам, рассмотрев дознание о члене бывшего Учредительного Собрания И.А. Цинговатове и состоявшем в агитационном отделе комитета членов Учредительного Собрания Н.Х. Капштаме и находя, что к обвинению их в каком-либо преступлении достаточных оснований не имеется, постановил: Иосифа Алексеевича Цинговатова и Николая Христофоровича Капштама – первого из-под стражи при 2-й Екатеринбургской тюрьме, а второго из Омской областной тюрьмы освободить.

И. д. судебного следователя

Намёткин

ГАСО. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 1. Л. 43. Подлинник. Рукопись. Черные чернила.

¹ На документе имеются: 1) делопроизводственный штамп «Получено 08.05.1919. Вход[ящий] № 3038. Дело №_»; 2) делопроизводственная помета «Справка. После переговоров по телефону с Уполномоч[енным] ген[ералом] Домонтовичем выяснилось, что Цинговатов будет перечислен им за судеб[ным] след[ователем] по важнейшим делам. 09.05.[1919]»; 3) резолюция прокурора Екатеринбургского окружного суда В.Ф. Иорданского «Судеб[ному] Следов[ателю] по важнейш[им] делам А.Д. Намёткину. 09.05.[1919]».

² См. док. № 16.

³ На документе имеется делопроизводственная помета «Вх[одящий] № 97. 14 мая 1919 г.»

№ 21

**Донесение начальника Екатеринбургской тюрьмы № 2 Ф. Котова
судебному следователю Екатеринбургского окружного суда
по важнейшим делам А.Д. Намёткину № 1291 от 03.06.1919
об освобождении И.А. Цинговатова**

Настоящим имею честь сообщить Вам, что содержащийся при вверенной мне тюрьме Иосиф Алексеевич Цинговатов 31 мая с. г. из-под стражи освобожден согласно распоряжения уполномоченного командующего войсками Сибирской армии от 31 мая с. г. за № 5549¹.

И. д. Начальника тюрьмы № 2 Ф. Котов

ГАСО. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 1. Л. 44. Подлинник. Рукопись. Черные чернила.

№ 22

Протокол допроса И.А. Цинговатова от 07.06.1919

1919 года *июня* 7 дня судебный следователь Екатеринбургского Окружного суда по важнейшим делам в *гор. Екатеринбурге* допрашивал нижепоименованного в качестве *свидетеля* с соблюдением 443, 722 ст[атей] Уст[ава] Уг[оловного] Суд[а], и он показал:

Имя, отчество и фамилия *Иосиф Алексеевич Цинговатов*

Звание *гражданин гор. Саранска Пензенской губ[ернии]*

Лет 33

Религия *православный*

Отношения к участвующим в деле лицам *посторонний*

Судимость в 1908 году Саратовской Судебной Палатой был осужден на поселение, как обвиненный по 102 ст[атье] Угол[овного] Улож[ения], в ссылке находился в Енисейской губ[ернии] и уезде, но оттуда бежал и после революции вернулся в Россию уже из заграницы.

Место жительства – *Спасская улица, дом № 31*

Я член Учредительного Собрания от Пензенской губ[ернии], куда прошел от партии социалистов-революционеров и совета крестьянских депутатов. На государственном совещании в Уфе, имевшем место в сентябре месяце, на котором были представлены все партии, группы, национальности и отдельные воинские части, боровшиеся с большевиками, было достигнуто соглашение, как по вопросу о временном органе исполнительной власти, так и об органе власти законодательно-учредительной. В качестве первого органа была избрана директория из 5-ти лиц, а в качестве второго должно было быть Учредительное

¹ На документе имеются делопроизводственные пометы «вх[одящий] № 122» и «5 июня 1919 г.».

Собрание, избранное в ноябре 1917 года, за исключением партий, признавших советскую власть, причем кворум был определен в 250 членов для открытия 1 января 1919 года и в 170 членов для открытия 1 февраля. В качестве органа подготовительного по созыву Учредительного Собрания на Уфимском совещании было решено избрать съезд находящихся на территории Урала и Сибири членов Всероссийского Учредительного Собрания. Во исполнение постановления Уфимского совещания о том, что все члены Учредительного Собрания должны явиться к 1 января на территорию Урала и Сибири, я 5 октября отправился из Пензы и прибыл в Уфу 28 октября, переправившись через фронт. В это время съезд членов Учредительного Собрания находился в Екатеринбурге, и я приблизительно через неделю по прибытию в Уфу поехал в Екатеринбург для выполнения своих гражданских обязанностей и вступил в число членов съезда. Благодаря отсутствию помещения, которое только что отстраивалось для съезда, работа его не отличалась интенсивностью и при моем участии до Омского переворота было два или три собрания, главным образом, посвященных вопросам организационного характера. На другой день после Омского переворота состоялось экстренное заседание съезда, в котором участвовал и я, на этом заседании была принята резолюция, смысл которой сводится к следующему: принимая во внимание то, что на Уфимском государственном совещании было достигнуто соглашение между всеми партиями, национальностями и организациями, борющимися с большевиками, что только при условии такого соглашения возможен успех в борьбе против большевиков, что все действия, направленные к разрушению этого соглашения могут вредно и даже катастрофически отразиться на фронте, съезд членов Учредительного Собрания осуждает Омский переворот, как с точки зрения принципиальной (нарушение соглашения и слова, данного на Уфимском государственном совещании), так и с точки зрения практической борьбы против большевиков, считает необходимым восстановление законной власти директории и избирает для проведения этого решения в жизнь особую комиссию из семи лиц, которые свою деятельность должны строго согласовать с деятельностью чехословаков и представителей других союзных иностранных держав¹. Насколько мне известно, никакой деятельности комитет проявить не смог в виду того, что вечером того же дня, когда он был избран, все члены этого комитета или вернее комиссии были арестованы в гостинице «Пале Рояль» и на другой день вместе с другими членами съезда, по приказу генерала Гайды, выехали из Екатеринбурга². Прочитано.

Иосиф Алексеевич Цинговатов

И. д. суд[ебного] след[ователя] *Намёткин*

ГАСО. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 1. Л. 45. Подлинник. Машинопись.

¹ Подчеркнуто простым карандашом.

² Предложение выделено на полях документа вертикальной чертой простым карандашом.

МУНИЦИПАЛИЗАЦИЯ ЖИЛЬЯ КАК ЗАБЫТАЯ ПРИЧИНА ИЖЕВСКО–ВОТКИНСКОГО ВОССТАНИЯ

Аннотация. Ижевско–Воткинское антибольшевистское восстание было самым мощным выступлением против большевиков в 1918 г. В данной статье приводятся доказательства, что одним из его причин стала политика муниципализации жилья. Доступные документы подтверждают это.

Ключевые слова: Ижевско–Воткинское рабочее восстание; историография; жилье; муниципализация.

THE MUNICIPALIZATION OF HABITATION AND IZHEVSK-VOTKINSK ANTI-BOLSHEVICKS REVOLT

Abstracts. The article is devoted to the Izhevsk-Votkinsk workers' revolt, which was the most powerful unrest against the Bolsheviks in the Russian Citizen war. The author argues that Bolsheviks politics for municipalization of habitation was one of unknown causes of that event. The available documents confirm that.

Key words. Izhevsk–Votkinsk workers' revolt; municipalization; habitation; historiography.

Е. Г. Ренёв (Ижевск)

*Люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны, из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или золота. Ну, легкомысленны... ну, что ж... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...
(Михаил Булгаков, «Мастер и Маргарита»)*

В предшествующем выпуске данного альманаха мы разбирали одну из забытых причин восстания в Ижевско-Воткинском районе, а именно декрет СНК «О демобилизации военной промышленности» от 9(22) декабря 1917 г., принятый по личной инициативе В.И. Ленина¹. Другим до сих пор слабо отрефлексированным (а точнее сказать – никогда особо не рассматривавшимся) представляется вопрос о процессе муниципализации жилья в районе восстания.

Чуть более чем через месяц после Октябрьского переворота (14 декабря 1917 г.) Совет народных комиссаров (СНК) РСФСР принял декрет «О запрещении сделок с недвижимостью» с далеко идущими, особенно для рабочих Ижевска и Воткинска, последствиями. Согласно ему: «С 18 декабря 1917 года, ввиду предстоящего обобществления городской земли, приостанавливаются какие бы то ни было сделки по продаже, покупке, залогу и т.п. всех недвижимостей и земель в городах». Предусматривались и меры за его неисполнение: «Лица, продолжающие продажу и покупку и т. д. недвижимых имуществ и земли и не подчиняющиеся настоящему Постановлению, по решению местных судов, подлежат денежным взысканиям вплоть до конфискации имущества». Постановление было «принято коллегией», подписал его «Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)», оно вводилось «в действие по телеграфу»², т.е. немедленно.

¹ Ренёв Е.Г. Крестьянство и Ижевско-Воткинское антибольшевистское восстание // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. трудов. Саратов, 2018. Вып. 12-13. С. 263–278.

² Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг.

Почти за три недели до того как этот декрет увидел свет, в центральных газетах был опубликован его проект, принятый СНК, который так и назывался – «Проект декрета об отмене права частной собственности на городские недвижимости»¹, который был существенно радикальней. Так согласно его статье 1: «Отменяется право частной собственности на все без исключения земельные участки как застроенные, так и не застроенные, находящиеся в пределах городских поселений».

По статье 2: «Отменяется право частной собственности как на те расположенные в пределах городских поселений строения, которые вместе с находящейся под ними землей имеют стоимость свыше предела, установленного органами местной власти, так и на те из них, которые, хотя и не имеют указанной стоимости, но служат предметом постоянной сдачи в наем»².

Статья 1 «Исполнительной части проекта» предписывала: «Съемщикам земли и помещений всякого рода в пределах городских поселений с 28 ноября сего года воспрещается вносить наемную плату бывшим владельцам сих земель и помещений, а последним принимать таковую условленную с прежним владельцем наемную плату съемщики обязаны вносить в обычный срок на текущий счет Советов рабочих и солдатских депутатов, а где такового нет – на текущий счет городской думы <...>»³.

Помимо того по статье 5 предполагалось, что: «Виновные в уплате наемной платы прежним владельцам недвижимостей или в неверном указании суммы наемной платы и срока ее взноса подвергаются: а) тюремному заключению от 7 до 30 дней; б) лишению права занимать снятое ими помещение и выселению в трехдневный срок; в) денежному штрафу в двойной сумме невнесенной наемной платы».

А статья 6 предлагала, что «Виновные в получении наемной платы и в нарушении других постановлений настоящего декрета, кроме выселения из занимаемых ими квартир, подвергаются тюремному заключению сроком до 1 года и конфискации всего прочего их имущества»⁴.

Еще более радикальными были тезисы закона о конфискации домов, написанные В.И. Лениным к этому проекту. По ним, в частности предлагалось, что: «2) Дома, систематически сдава[емые] <в ар[ен]ду,> в наем, <отчужда[ются]> конфискуются в соб[ственно]сть народа <...>».

7) Взим[ание] платы входит в жизнь немедленно»⁵.

Почти за два месяца до Октябрьского переворота В.И. Ленин написал работу «Удержат ли большевики государственную власть?»⁶, в которой предложил конкретный механизм изъятия «лишней» жилплощади у её владельцев:

«Пролетарскому государству надо принудительно вселить крайне нуждающуюся семью в квартиру богатого человека. Наш отряд рабочей милиции состоит, допустим, из 15 человек: два матроса, два солдата, два сознательных рабочих (из которых пусть только один является членом нашей партии или сочувствующим ей), затем 1 интеллигент и 8 человек из трудящейся бедноты, непременно не менее 5 женщин, прислуги, чернорабочих и т. п. Отряд является в

Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 152.

¹ Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. 25 ноября; Известия. 1917. 27 ноября; Правда (вечерний выпуск). 1917. 30 ноября.

² Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 134

³ Там же. С. 135 (в «Правде» эта часть проекта не публиковалась).

⁴ Там же. С. 136.

⁵ Там же. С. 133.

⁶ Ленин В.И. ПСС, изд. 5. Т. 34. С. 289–339.

квартиру богатого, осматривает ее, находит 5 комнат на двоих мужчин и двух женщин. — «Вы потеснитесь, граждане, в двух комнатах на эту зиму, а две комнаты приготовьте для поселения в них двух семей из подвала. На время, пока мы при помощи инженеров (вы, кажется, инженер?) не построим хороших квартир для всех, вам обязательно потесниться»¹.

Работа была опубликована в октябре 1917 г. в журнале «Просвещение» № 1–2², переиздана в виде брошюры в ноябре того же года, затем – в начале 1918 г., после чего не раз переиздавалась.

Исследователями даже совершенно противоположных направлений признано, что почти все (или почти все) коренные ижевские и воткинские рабочие (не менее 80% от общего количества заводских работников) накануне Первой мировой войны владели собственными домами, земельными наделами и покосами³. Еще советскими историками утверждалось, что средняя площадь дома ижевского и воткинского рабочего составляла 35,2 м². Так же ими подсчитано, что квалифицированные рабочие (не менее 1/3 трудового коллектива Ижевских заводов, «но 2/3 состава пролетариев, занятых в головных цехах»⁴), владели большими одно-двухэтажными домами, с фундаментами из камня или кирпича, верандами, садами и т. п. У остальной части коренных рабочих Ижевска и Воткинска дома были поменьше «с одним-двумя окнами»⁵. Для сравнения «всего по Уралу в собственных домах жили 60,4% металлистов, 58,9% фабрично-заводских рабочих, 44,8% горнорабочих, но не многим более 10% куренных рабочих»⁶.

Этими имуществом владели они поколениями, значительная часть семей – с самого основания заводов. Более того – «Положение о перечислении в гражданское ведомство людей, приписанных к Ижевскому оружейному заводу» от 22 ноября 1866 г., которым «оружейники и мастеровые Ижевского казенного завода, состоящие как при самом заводе, так и в командировках, а также неперемные работники, приписанные к сему заводу, увольняются навсегда от обязательных работ и перечисляются из военного ведомства в сельские обыватели», получили все недвижимое имущество, так или иначе оформленное на них, в частную собственность. Так глава третья этого закона своим 18 параграфом гласила: «Принадлежащие оружейникам, мастеровым и неперемным работникам дворы с хозяйственными заведениями, а также, усадебные земли с огородами, садами и правом общего пользования водопоем и выгоном оставляются настоящим владельцам их в собственность. На таковые усадьбы выдаются хозяевам их от заводского ведомства данные беспошлинно». Более того, следующий параграф шел еще дальше: «Оружейникам и мастеровым, не имеющим домов, а также тем, у которых дома обветшали и требуют перестройки или исправления, может быть по усмотрению Военного министерства разрешен отпуск строевого леса и выдано безвозвратно на обстройку домов в

¹ Там же. С. 314.

² Там же. С. 289.

³ *Дмитриев П.Н.* Динамика численности рабочих Ижевского и Воткинского заводов // Проблемы истории СССР. Вып. 7. М., 1978. С. 238, 240; Рабочий класс Удмуртии, 1861–1986 гг. Ижевск, 1986. С. 19–20.

⁴ *Фельдман М.А.* К вопросу о материальном положении рабочих Урала к 1914 г. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. Вып. 2. С. 157–175. С. 166.

⁵ *Дмитриев П.Н.* Указ. соч. С. 19–20.

⁶ *Гаврилов Д.В.* О жилищных условиях уральских рабочих в конце XIX – начале XX вв. // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма. 1861–1917 гг. Свердловск, 1990. С. 53; *Фельдман М.А.* Указ. соч. С. 167.

Ижевске денежное вспоможение из заводского конно-ремонтного капитала». Помимо того параграф 21 постановлял: «Непременным работникам предоставляются в постоянное пользование все пахотные и сенокосные земли и другие угодья, коими они доселе пользовались»¹. То же самое произошло и в Воткинском заводе.

Казенного, т.е. заводского жилья ни в Ижевске, ни в Воткинске не было. Потому вся востребованная войной дополнительная рабочая сила должна была снимать квадратные метры у местных домовладельцев, что было для них существенной прибавкой в доходах. Так в сравнении с 1901 г. на 1915 г. число жителей только в Ижевском заводе увеличилось с 37170 жителей до 74482 чел., при этом число дворов выросло только с 5932 до 5980 домовладений². Потому всякое покушение на то, что было заработано трудом поколений, никак не могло приветствоваться местными рабочими.

Губернская власть не сразу отреагировала на эти решения и проекты СНК. Только 8 (21) февраля Совет Вятской губернии опубликовал постановление, которое в основном повторила положения проекта:

«ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Впредь до полной национализации частных домов Вятский Губернский Совет Народных Комиссаров, имея в виду громадную сложность и трудность окончательного проведения в жизнь вопроса об уничтожении частной собственности на недвижимое имущество и в то же время задаваясь целью постоянного притока денежных знаков в казначейства, находит необходимым провести в этом отношении экстренные мероприятия, на основании вышеизложенного ПОСТАНОВИЛ:

1) Все квартирнаниматели ежемесячную плату за квартиру и за различные снимаемые помещения с 1 /14/ февраля сего 1918 года обязуются вносить не домовладельцам, а непосредственно в особые кассы, имеющие быть открытыми при местных казначействах и Банках под квитанции в особый «Жилищный фонд»...

5) Впредь до образования особых квартирных комитетов возлагается на обязанность участковых комиссаров по доходному налогу строго следить и контролировать по домовым книгам за точным и беспрекословным исполнением настоящего обязательного постановления.

6) Домовладельцы и все хозяева домов обязываются строго следить за чистотой дворов и помещений. Очистку снегов от нечистот и на наем дворников производить домовладельцам в счет пользования квартирой или снимаемым им помещением.

7) Лиц, уклоняющихся от исполнения сего обязательного постановления, привлекать к строгой ответственности по законам революционного времени и подвергать штрафу до 10.000 рублей.

Настоящее обязательное постановление вступает в законную силу со дня его опубликования <...>³.

Через некоторое время подобные документы принял уездный Совет в Сарапуле. Сначала 6 марта (21 февраля) 1918 г. в главной уездной газете было

¹ Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗ) : Собрание второе: [С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года]: [В 55-ти т. с указ.]. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1885. Т. 41. Отделение 2. Ст. 43881. С. 270–274. С. 273.

² Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1902 г. Вятка, 1901. С. 86; Памятная книжка и адрес-календарь на 1916 г. Вятка, 1916. С. 27, 30.

³ Известия Вятского Губернского Исполнительного Комитета. 1918. 21 (8) февраля; Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 4. 1–Р. Д. 3. Л. 5.

опубликовано постановление губернского СНК¹. В этом же номере был помещен фельетон «Отмена крепостного права домовладельцев», в котором, в частности, утверждалось: «Давно пора, ибо в последнее время угнетение квартирантов достигло крайних пределов. Цены на квартиры взвинчены до невероятности: каждый наниматель приносит на благо своего «хозяина» одну треть или даже половину своего заработка, а это значит: два дня работай на себя, а третий хозяину твоему <...>»².

Ижевск дожидаться подобных решений губернии и уезда не стал и произвел национализацию производств, а так же движимого и недвижимого имущества известных местных частных оружейных фабрикантов еще в конце января 1918 г. Тогда Постановлением исполкома Ижевского совета РС и КД «О конфискации частных фабрик» от 31 января 1918 г., «заслушав постановление общезаводского комитета<...> постановили: санкционировать постановление общезаводского комитета о конфискации фабрик, имущества и капиталов И.Ф. Петрова, В.И. Петрова, Н.И. Березина и А.Н. Евдокимова<...>»³. При этом все упомянутые лица долгое время до обеих революций помогали местным (и не только) революционерам (в том числе и социал-демократам) оружием и деньгами, за что не раз подвергались разного рода преследованиям властей.

Вот как через много лет вспоминал это событие внук И.Ф. Петрова Николай Петров: «Помню,<...> уже, наверное, после октября, в нижней столовой дед сидел в кресле перед открытой крышкой подполья, в которое спустился один красноармеец, а другой стоял напротив деда, штыком уперся ему в живот и кричал: “Сейчас проткну тебя, паршивый буржуй!”, а дед плакал. Дальше не помню, но думаю, что это был обыск, что искали, конечно, не знаю <...>»⁴.

Однако обстановка, внутренняя и внешняя, по-видимому, помешала немедленному претворению этих решений в жизнь. Так, начав с муниципализации домовладений части местной буржуазии, и Сарапульский, и Ижевский советы скоро пошли на попятную. К примеру, после того, как было объявлено о том, что «11 мая дома Марии Ивановны и Николая Ивановича Дедюхиным, по Вятской ул. – муниципализированы. Квартиранты указанных домов должны вносить плату в жилищную комиссию при Совете Народного Хозяйства»⁵.

На следующий день Сарапульский уездный совет решительно подтвердил эту свою политику, заявив, однако, что это «Областной Комиссариат, указывая на то, что государство переживает момент безденежья, считает, что каждый день промедления в деле муниципализации домов наносит громадные убытки государству, предлагает принять решительный образ действий в этом направлении и, если на местах будут отсутствовать доходы по этой статье, вину за это Комиссариат возлагает на местные Совдепы»⁶.

Первым дал обратную Ижевск, с одной стороны продолживший национализацию домовладений и имущества зажиточных граждан, с другой – не расширявший ее до поры до времени за разумные пределы: «Муниципализация домов. Согласно постановления Исп.[олнительного] Ком.[омитета] С.[овета] Р.[абочих] и К.[рестьянских] Д.[епутатов], муниципализация домов городским отделом при Совете проводится неуклонно. Взятые на учет и народное состояние дома крупных собственников Евдокимова, Петрова, Шардакова, Тихонова,

¹ Труженик. 1918. 6 марта (21 февраля). С. 1

² Там же. С. 4.

³ Известия Ижевского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 9 марта 1918 г. С. 1.

⁴ *Петров Н.И.* Маршруты моей жизни: воспоминания. СПб, 2003. С. 9.

⁵ Труженик. 1918. 14 (1) мая. С. 5.

⁶ Труженик. 1918. 15 (2) мая. С. 5.

Березина и др. В этих домах помещаются в настоящее время ряд общественных, демократических и партийных учреждений.

Общая национализация домов, как выяснилось в Исполкоме, по местным условиям невозможна. Городскому отделу поручено производить конфискацию домов частично, по мере надобности.

При городском отделе для этой цели организована квартирная комиссия»¹.

При этом стоит отметить, что Шардаков был известным в городе торговцем, а вот Тихоновы были династией ижевских врачей. Сарапул же ограничил стоимость изымаемых домовладений:

«Национализация домов.

Разъяснено, что национализации подлежат в городах дома оцененные по налоговой оценке 1916 года в 20 тыс. руб. Оцениваемые на меньшую сумму национализации не подлежат»².

Однако рабочие (и не только они) прекрасно поняли текущие тенденции и цели жилищной политики новой власти. Тем более, что в самом будущем районе восстания обстановка осложнилась настолько, что Ижевск 8 (21) мая был вынужден объявить о запрете для въезда иногородним:

«Воспрещение въезда иногородним.

Согласно постановления Исполнительного Комитета Совета Р., С. и К. Деп., Ижевский отдел городского хозяйства объявил во всеобщее сведение граждан Российской республики, что в виду недостатка в г. Ижевске продовольствия, чрезвычайной остроты квартирного вопроса и опасности для спокойствия населения, въезд иногородних граждан в г. Ижевск на жительство безусловно воспрещен»³.

Сразу после подавления восстания большевики довели задуманное до конца – все частное жилье в Ижевске (и не только) было ими муниципализировано. Сначала было объявлено о создании коммуны, которая заняла два дома:

«Организация коммуны в Ижевске.

Всколыхнулись ижевские коммунисты после белогвардейского восстания. Поняли они, что по-старому жить совершенно невозможно, что нужно быстро и энергично строить новую жизнь. Поняв это, решили строить и свою жизнь на коммунальных началах. Желających устроиться в коммуне нашлось так много, что сразу пришлось занять под коммуну 2 дома, но все-таки всех удовлетворить возможности не оказалось. Приходится подыскивать еще помещение, а за ним, вероятно, потребуется еще и еще <...>»⁴.

Вскоре последовало решение о преобразовании в коммуну всего Ижевска:

«Слушали: 1. О переименовании г. Ижевска.

Постановили: г. Ижевск объявляется Ижевской трудовой коммуной. Все советские учреждения впредь должны именоваться отделами Ижевской коммуны. Все граждане коммуны подлежат трудовой повинности<...>»⁵.

После чего было объявлено и о муниципализации всего жилья в нем:

«Все дома г. Ижевска считаются с 20 декабря 1918 г. муниципализированы и переходят в ведение совета народного хозяйства Ижевской коммуны (жилищную

¹ Труженик. 1918. 25 (12) мая. С. 6.

² Труженик. 1918. 5 июня (23 мая). С. 5.

³ Труженик. 1918. 21 (8 мая). С. 6.

⁴ Борьба. 1918. 2 декабря. С. 4.

⁵ Из протокола заседания Ревграждансовета г. Ижевска об объявлении города Ижевской трудовой коммуной, переименовании улиц и площадей от 13 декабря 1918 г. ЦГА УР. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 42, Л. 25–25 об.; Удмуртия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Сборник документов. Ч. I (июнь 1918 г. – начало марта 1919 г.). Ижевск, 1960. С. 221–222.

комиссию). С 16 ноября 1918 г. нового стиля все частные лица, советские и частные учреждения должны платить за занимаемые помещения согласно прилагаемой таксе в Народный банк на текущий счет Революционного гражданского совета <...>¹.

За пару дней до этого один из главных пропагандистов ижевских большевиков Римма Шапошников опубликовал идеологическое обоснование этой муниципализации:

«На пути к уничтожению частной собственности мы встречаемся с вопросом о муниципализации домов. Здесь приходится выдерживать сильную борьбу с мелко буржуазным элементом населения. Дома крупной буржуазии, бежавшей с белыми, уже взяты со всем имуществом пролетариатом Ижевска. О благоустройстве этих домов заботится жилищная комиссия и можно сказать, что для нуждающихся в квартире всегда найдется удобное помещение в одном из домов коммуны. Но у нас вопрос стоит шире. Все дома должны быть отобраны от частных владельцев и находятся в руках трудового населения.

Известно, однако, что большинство домов в Ижевске принадлежит местным рабочим – хозяйчикам, рабочим – собственникам.

Нужно убить в рабочих этот дух мелкобуржуазности. Переходные меры к муниципализации домов уже сделаны: все, занимающие то или другое помещение, обязаны платить за него коммуне.

Мелкий буржуй конечно подымет гвалт «как за собственный дом, да платить. Грабеж!». Ну, а мы говорим, что грабеж-то, грабеж, да только организованный, пролетарский. В трудовой коммуне не может быть собственников. И пикнуть не имеет права сказать «этот дом мой». Скоро в Ижевске будет так, что все дома будут не Иванова или Петрова, а общие, коммунальные <...>².

Так что какие-либо сомнения в том, что ждать от Советской власти по отношению к их собственному жилью у рабочих Ижевско-Воткинского района вряд ли остались. Тем более что о том, как развивался этот процесс в других регионах Советской России им не могло не быть известно. Так в соседней Перми, где располагался родственной Ижевскому оружейному заводу пушечный завод, буржуазия, не сумевшая содержать жилье по новым законам, стала переезжать «на окраину города с апреля 1918 г.»³. Потому что «одни бывшие владельцы жилья не могли вносить квартплату за него, другие не видели смысла нести ответственность (в том числе материальную) за управление собственностью, им уже не принадлежавшей, третьи предпочитали не привлекать к себе внимания, не давать лишнего повода для зависти»⁴.

В гораздо больших масштабах муниципализация жилья шла в Москве, где «только за ноябрь-декабрь 1917 г. было реквизировано 216 домовладений и переселено в них 20 тыс. рабочих и членов их семей. А за 1918 г. – уже 4 тыс. домовладений и переселено более 40 тыс. рабочих»⁵. И где «для контроля над распределением и уплотнением помещений, а также для организации выселения «паразитических» элементов в июне 1918 г. были созданы специальные жилищные комиссии. В состав комиссии входили: один представитель от жилищно-земельного отдела, один представитель от совета профсоюзов рабочих

¹ Ижевская правда. 1918. 21 декабря. С. 3.

² Ижевская правда. 1918. 19 декабря. С. 3.

³ Трапезников В.Н. Летопись города Перми. Пермь, 1998. С. 117.

⁴ Волкова Т.С. Муниципализация и демунципализация жилья в 20-х годах XX века (на примере Прикамья) // Вестник Пермского университета. 2008. История. Выпуск 7 (23). С. 82–89.

⁵ Ильяхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны (1917–1921 гг.). М., 2007. С. 150.

и один представитель от Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией»¹.

Результатом того, к примеру, в Пензенской губернии по отчетам местного губисполкома за 1918 г. отмечалось: «Квартиры, в которых раньше проживала одна семья, становились коммунальными и уплотнялись настолько, что жильцы в буквальном смысле ходят и спят, соприкасаясь плечом к плечу»².

При этом мало кто знал, что намерения Ленина в отношении частной собственности в то время были еще более радикальными. Так недавно была обнародована переписка В.И. Ленина и наркома юстиции Д.И. Курского по вопросу о тайном уничтожении документов на частную собственность:

26 октября 1918 г.

В.И. Ленин: «Не пора ли поставить на очередь вопрос об уничтожении документов частной собс[твеннос]ти <...>. Подготовить тайно, без огласки. Захватить сначала... бумаги, по-моему, надо бы в бумажную массу превратить (технически это изучить заранее)».

Д.И. Курский: «Мера нелишняя и может быть проведена быстро, так как нотар[иальные] архивы в наших руках».

В.И. Ленин: «Итак, Вы за это возьметесь без особого постановления С[овета] Н[ародных] К[омиссаров]? (и привлечете к совещанию об этом К[омиссариат] внут[ренних] дел и др.). Но тайно»³.

¹ *Строкин С.И.* Жилищная политика Советской власти в годы Гражданской войны (по материалам Пензенской губернии)// *Международный научно-исследовательский журнал.* 2016. Екатеринбург. Исторические науки. Выпуск 8 (50). Часть 1. С.161–163. С. 161; *Меерович М.Г.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М., 2008. С. 18.

² Цит. по: *Строкин С.И.* Указ. соч. С. 162.

³ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7310. Л. 1–2.

УСИЛЕНИЕ ВООРУЖЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В ТУРКЕСТАНСКОЙ АССР В 1920 – 1924 ГОДАХ

Аннотация. В статье рассматривается один из этапов активной вооруженной борьбы в русском Туркестане после прихода к власти большевиков. Он охватывает период 1920 – 1924 гг. В статье анализируется ход вооруженной борьбы, приводятся имена и характеристики руководителей повстанцев, делается вывод и причине неудачи вооруженной борьбы повстанцев.

Ключевые слова. Гражданская война, Туркестан, повстанчество, борьба за независимость, террор

STRENGTHENING OF THE ARMED CONFRONTATION IN THE TURKESTAN ASSR IN 1920-1924

Abstract: The article considers one of the stages of active armed struggle in Russian Turkestan after the Bolsheviks came to power. It covers the period 1920-1924. The article analyzes the course of the armed struggle, gives the names and characteristics of the leaders of the rebels, and concludes the reason for the failure of the armed struggle of the rebels.

Key words: Civil war, Turkestan, insurgency, struggle for independence, terror

К. К. Раджабов (Ташкент, Республика Узбекистан)

Исторически противоречивым этапом вошел в многовековую летопись узбекского народа период 1920–1924 г.¹ Он характеризовался сложным переплетением позитивных восстановительных процессов и углублением политического противоборства различных общественных движений и социальных сил, первой попыткой коммунистического руководства реформировать генетически порочную стратегию «социалистического строительства» и закреплением имперских отношений между Туркестанской, Бухарской, Хорезмской республиками и Россией.

Центральным являлся вопрос о власти. Через него проходила основная линия политической жизни общества, здесь сталкивались ключевые общественные интересы. Причем, для национальных оппозиционных движений вопрос о власти фокусировался, прежде всего, в возможности обретения народом права на самоопределение. Катастрофическое падение промышленного и сельскохозяйственного производства, голод, масштабная практика революционного насилия, повсеместное игнорирование национальных интересов коренного населения вызвали острое неприятие советской власти в разных слоях туркестанского общества. Оценивая политические настроения народных масс края того времени, в том числе среди социально ориентированных на коммунистический режим общественных групп, известный государственный деятель Туркестанской АССР и России Г. Бройдо в своем письме к Ленину в январе 1921 г. вынужден был признать, что отношение к советской власти характеризуется «острой, хотя и скрытой, ненавистью к ней среди трудящихся», народ Туркестана «подготовлен к принятию и поддержке любых» сил, «идущих под лозунгами борьбы с советской властью»².

¹Об этом см.: Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости / Науч. редактор Р.Я. Раджапова. Ташкент: Шарк, 2000. С. 362–379.

²Центральный Государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. 17. Оп. 3. Д. 7-с. Л. 22–23.

Оппозиционные коммунистическому режиму политические силы продолжали отстаивать свое понимание концепции исторического развития Туркестана. На обширной части среднеазиатского региона все больше усиливалось вооруженное противостояние.

Особую опасность для большевистского режима по-прежнему представляло повстанческое движение в Ферганской долине. Начало 1921 г. ознаменовалось для него осложнением обстановки. Переброской военных сил с других фронтов советскому командованию удалось влить свежие силы в Ферганскую группу войск и развернуть с января 1921 г. широкомасштабное наступление на основные центры повстанческих сил. Почти одновременно были нанесены удары против отрядов курбаши¹ Парпи в Андижанском уезде², отрядов курбаши Шермухаммадбека, Алиёра, Мама Рузи в районах Шахимардана, Коровул и Кизилкия³. Не выдержав напора хорошо экипированных вооруженных сил, повстанцы вынуждены были отступить. В этих боях Парпи получил тяжелое ранение. 9 апреля он скончался. Шермухаммадбек также был ранен. Отступив со своими отрядами вначале в Учкурган, а затем в Алайскую долину, он вскоре через Асака и Шахрихан вернулся в Фергану и обосновался в своей резиденции в Гарбуа⁴. В начале марта ожесточенные бои развернулись в окрестностях Соха против курбаши Исроила и в Гарбуа против Шермухаммадбека.

В четырехмесячных боях (декабрь 1920 г. – март 1921 г.) повстанцы потеряли 1921 человек убитыми и пленными⁵. В ряду причин зимнего поражения повстанцев определенную роль сыграли плохая обеспеченность боеприпасами и обмундированием: зима с 1920 на 1921 год выдалась особенно холодной. Немаловажное значение имел и такой фактор, как объявление «общей амнистии басмачей и курбаши, добровольно сдавшихся» (21 февраля 1921 г.)⁶. Начавшиеся переговоры советского командования с курбаши крупных повстанческих отрядов привели к выжидательной позиции в рядах всего движения. В результате переговоров киргизский курбаши Жонибек Кози⁷ со своим отрядом в 450 человек в апреле 1921 г. перешел на сторону советов⁸. Затем начались переговоры с Алиёром – одним из наиболее авторитетных курбаши Шермухаммадбека. Но выдвинутые Алиёром требования: соблюдение шариата, избрание независимых казиев, отмена продовольственной разверстки⁹ – советское командование отвергло, раскрыв тем самым истинную сущность амнистии.

Весной 1921 г. в долине с новой силой разгорелась вооруженная борьба за независимость, во главе которой стоял Шермухаммадбек. По «совершенно секретным» сведениям штаба Ферганской группы советских войск, в июне – сентябре 1921 г. в Ферганской долине действовало более 200 отрядов курбаши¹⁰.

¹ Курбаши – полевой командир достаточно крупного отряда повстанцев, способного действовать автономно (– *примеч. ред.*).

² Государственный архив Ферганской области (ГАФО). Ф. 435. Оп. 1. Д. 61. Л. 25–25об.

³ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 278. Оп. 4. Д. 331. Л. 27.

⁴ ГАФО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 61. Л. 25.

⁵ Архив аппарата Президента Республики Узбекистан (ААП РУз). Ф. 60. Оп. 1. Д. 1168. Л. 17.

⁶ РГВА. Ф. 278. Оп. 5. Д. 84. Л. 60.

⁷ ГАФО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 61. Л. 23–25.

⁸ Жонибек Кози в сентябре 1921 г. со своими 400 бойцами, а также с большим количеством боеприпасов вернулся в ряды повстанцев. См.: ААП РУз. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1048. Л. 57а; Д. 1322. Л. 92.

⁹ ЦГА РУз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 716. Л. 142.

¹⁰ РГВА. Ф. 278. Оп. 4. Д. 493. Л. 6–15.

В 1922 г. Туркестанское автономное правительство под руководством Шермухаммадбека установило постоянные контакты с организацией «Туркистон миллий бирлиги» (Туркестанское национальное единство), возглавляемой Заки Валиди. Шермухаммадбек принял участие в работе Второго конгресса туркестанских мусульман, проходившего 15 – 20 апреля 1922 г. в Самарканде. На конгрессе присутствовали также ведущие курбаши из Ферганы и Самарканда, представители Хорезмской и Бухарской республик, Закаспийской и Акмолинской областей¹. Шермухаммадбек выступил на нем с большой речью. Курултай завершил работу принятием документа, который был призван стать конституцией нового государства после ликвидации советской власти в крае². Она провозглашала вхождение в состав «Туркестана – Тюркской Независимой Исламской Республики» Сырдарьинской, Ферганской, Самаркандской, Семиреченской, Закаспийской областей Туркестанского края и Амударьинского отдела. Правительство «Туркестана – Тюркской Независимой Исламской Республики» избиралось на съезде в составе 15 членов. Из них избирались президент страны, вице-президент и генеральный секретарь, составляющие исполнительный комитет, постоянным местом пребывания которого была определена столица. Пять членов правительства назначались военными руководителями пяти районов Ферганской области – Намангана, Андижана, Маргилана, Коканда, Оша. Остальные 7 членов назначались министрами: военных, иностранных, внутренних дел, почты и телеграфа, религиозных дел, финансов, юстиции, транспорта.

До свершения этого исторического события курултай утвердил в качестве организационного центра Туркестанское автономное правительство, созданное под руководством Шермухаммадбека в мае 1920 г. Его резиденцией был определен Самарканд. Однако члены правительства оставались здесь не больше месяца. Из-за осложнения обстановки и под напором советских вооруженных сил правительство перенесло свою резиденцию в Наманган – центр повстанческого движения Ферганской долины. Но и позже оно было вынуждено часто менять свою резиденцию (Ош, Гоибота близ Маргилана, Норин).

Автономному правительству только 12 мая удалось вручить советским представителям в Ташкенте решение курултая для отправки в Москву. В сопроводительном письме содержалось требование о выводе советских войск из Туркестана в двухмесячный срок. Невыполнение этого условия, отмечалось в письме, приведет к продолжению войны до окончательного завоевания независимости Туркестана. Вся ответственность за новое кровопролитие возлагалась на большевистское руководство страны. Направленная в Ташкент делегация из 5 человек во главе с Хамидходжой из Касансая для вручения этих документов Рудзутаку не вернулась назад³.

После Самаркандского форума 22 апреля 1922 г. в кишлаке Корабува Кокандского уезда Шермухаммадбек собрал курултай ферганских курбаши. На нем присутствовали наиболее влиятельные курбаши долины: Нурмухаммадбек, Тошмухаммадбек, Рузимухаммадбек (братья Шермухаммадбека), Ислам Пахлавон, Ахмад Палван, Корабай, Мама Рузи и др. Шермухаммадбек сообщил о работе форума в Самарканде. На курултае была достигнута договоренность о районах дислокации курбаши, военных операциях и действиях на 1922 год.

¹ *Hayit B. Turkestanim XX. Jahrhundert. Darmstadt, 1956. S. 203.*

² Текст этого закона впервые был опубликован в издававшемся в Турции эмигрантском журнале «Ёш Туркистон» (1932 г., № 4). Б. Хайит в своей книге «Туркестан в XX веке» полностью приводит текст закона из этого же источника, использованный и в данной работе.

³ *Hayit B. Turkestanim XX. Jahrhundert. S. 204–208, 209–210.*

Шермухаммадбек вновь был признан руководителем борцов за независимость Ферганской долины.

К этому времени повстанческое движение продолжало контролировать обширную территорию Ферганской долины. В Кокандском уезде под руководством Ислама Пахлавона и Эшмата Байваччи действовали отряды курбаши Норкузи, Машраба, Тургуна, Хасана, Мирзо Умара, Умаркула. В Наманганском уезде в кишлаке Ашаба, восточнее города Чуст, в Варзике и районе Чаткала находились отряды Орзумата, Баястана и Рахманкула (в подчинении у последнего имелось более десяти курбаши); на территории от реки Нарын до Чуста – отряды Омон Палвана и его помощников – курбаши Максуда (в Уйчи), Дадабая (в Туракургане)¹. В Ферганском уезде всеми курбаши руководил сам Шермухаммадбек. 23 апреля 1922 года вместе со своим отрядом в 1000 человек он занял кишлак Гарбуа². Здесь же размещались отряды Корабая, Нурмухаммадбека, Тошмухаммадбека, Рuzимухаммадбека, Юсуфжона Максуда, Парпи, Мадали, Ахмада Палвана, Умара Али, Мама Рузи, Хужабая, Тухтасин Махсума, Нурматамингбоши³. В Андижанском уезде действовал один из влиятельных курбаши – Исроил Гозий, заместитель Шермухаммадбека. В его подчинении находились курбаши Казакбай, Мулла Собир, Кулибай, Юнус Али, Исмоил Нугай, Туражон, Ботирбек и другие. Железнодорожную ветку Андижан – Султанабад контролировали курбаши Мулла Даврон, Мулла Хожи, Ахмад Али, Йулдош Палван, подчинявшиеся Мухиддинбеку. Ошский уезд находился под контролем отрядов Мухиддинбека. В Русском селе (Мингтепа) были расположены отряды Йулчи, Усмана Понсота; в Булакбаше – Янгибая, Ахмада Палвана; в Араване – Шермата Киргиза; в Узгене – Жонибека Кази⁴.

Весна и лето 1922 г. были отмечены особенно острым противостоянием. В письмах, адресованных советскому командованию, курбаши заявляли о своем непримиримом отношении к большевистскому режиму, установленному в Туркестане, не принесшему никаких благ для его населения (курбаши Рахманкул, 4 апреля 1922 года)⁵, растоптавшему мусульманские обычаи и законы (курбаши Султан, тогда же)⁶.

Большевистское руководство пыталось найти выход из создавшейся ситуации, беспрестанно меняя тактические приемы в борьбе с повстанцами. 13 сентября 1921 г. в Ферганской долине вновь было введено чрезвычайное положение⁷. В ноябре 1921 г. была установлена военная диктатура; член Реввоенсовета Туркфронта П.И. Баранов был назначен военным диктатором Ферганской области. Только в феврале 1922 г. была ликвидирована военная диктатура и создан Реввоенсовет Ферганского фронта. 15 февраля 1922 г. в Фергану прибыла Особая комиссия под руководством председателя СНК Туркестана К. Атабаева (члены комиссии: В. Врачев, И. Хидиралиев)⁸.

После знакомства с обстановкой в Ферганской области комиссия пришла к твердому убеждению: покончить с повстанческим движением лишь военными методами, без привлечения местного населения, не удастся. Претворение этого в жизнь отличалось особым коварством. Так, большевистское руководство не

¹ Краткий очерк возникновения и развития басмачества в Фергане по данным к 1-му марта 1922 г. М.: Разведуправления штаба РККА, 1922. С. 30–31.

² РГВА. Ф. 28113. Оп. 7. Д. 58. Л. 20.

³ Краткий очерк возникновения и развития басмачества в Фергане. С. 31–32.

⁴ РГВА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 59. Л. 18–19.

⁵ ГАФО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 145. Л. 65.

⁶ РГВА. Ф. 28113. Оп. 7. Д. 84. Л. 30.

⁷ РГВА. Ф. 278. Оп. 1. Д. 90. Л. 90.

⁸ ЦГА РУз. Ф.Р-17. Оп. 1. Д. 336. Л. 238.

погнушалось воспользоваться межродовыми противоречиями среди киргизов: на вождя горных киргизских повстанцев Мухиддинбека из рода «ичкилик» были натравлены старейшины из рода «отузоглы» Кодирбек Камчибеков и Жамшидбек Карабеков. Представители этих родов, снабженные советским командованием оружием, в окрестностях селения Гульча Ошского уезда выступили против борцов за независимость. Вскоре из них были созданы 4 отряда численностью в 1000 конных солдат. Для руководства этими отрядами был создан Киргизский штаб обороны.

Первоначально эти формирования были использованы при ликвидации более мелких отрядов курбаши, а затем вместе с действующими частями советских вооруженных сил брошены против отрядов Мухиддинбека. В ожесточенном сражении, длившемся целый месяц, Мухиддинбек потерпел поражение¹. 5 июля 1922 г. он и его соратники были захвачены в плен и 26 сентября по приговору Ревтрибунала расстреляны в городе Оше².

Председатель Особой комиссии К. Атабаев, докладывая на 5-м заседании IV пленума ТуркЦИК (18 июля 1922 г.) о результатах пятимесячной работы (март–июль 1922 г.) этой комиссии в Ферганской области, с удовлетворением отмечал: «1. Ликвидировано 38 крупных и средних курбаши с количеством джигитов в 1851 человек. Изъято 1256 винтовок; 2. весь Ошский уезд окончательно освобожден от басмачества. Андижанский уезд также очищен за исключением Кокан-кишлакского района. Наманганский уезд очищен в составе 23 волостей из 29. Коканд окончательно закреплен за нами, уезд очищен на 1/3. Маргиланский уезд наполовину. Общий итог сводится к тому, что басмачество в Фергане ликвидировано на 50%. Нет сомнения, что при дальнейшем положении начатой работы по вовлечению населения нам удастся ликвидировать полностью басмачество к концу текущего года»³.

Однако эта парадная реляция была далека от истины. Она не только не раскрывала действительного положения дел в Ферганской долине, но и представляла его в извращенном виде. Об этом свидетельствовали сами советские руководители. Повстанческое движение «с каждым годом наоборот всё усиливается, вместо ослабления»⁴, – отмечалось в приказе командующего Ферганской группой войск 5 июня 1922 г.

10 июня 1922 г. в Ферганскую область прибыл нарком по военным и морским делам Советской России Л.Д. Троцкий. Он лично руководил военными действиями против курбаши⁵. Как один из основателей «красного террора», Троцкий и здесь призвал к применению беспощадных репрессивных мер против повстанцев. Уже 13 июля 1922 г. Ферганский обком партии принял решение об увеличении и активизации «отрядов летучих истребителей». Их деятельность по сути свелась к борьбе с мирным населением – десятки тысяч членов семей борцов за независимость оказались за решетками тюрем, были взяты в заложники⁶. 23 июля 1922 г. Средазбюро ЦК РКП(б) приняло решение о создании специальных фронтовых комиссий для борьбы с повстанцами. Широкую карательную кампанию развернули специальные «политические тройки», которым были приданы широкие властные полномочия. С 25 июля советское командование приостановило ведение переговоров с курбаши: капитулировавшие курбаши и повстанцы не

¹ ЦГА РУз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 90. Л. 339.

² РГВА. Ф. 28113. Оп. 7. Д. 58. Л. 34–35, 54, 66; ЦГА РУз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 340в. Т. 4, Л. 572–574.

³ ЦГА РУз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 90. Л. 339; Оп. 3. Д. 36. Л. 43об.

⁴ РГВА. Ф. 28113. Оп. 7. Д. 58. Л. 32.

⁵ Об этом см.: ЦГА РУз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 336. Л. 342–344.

⁶ ААП РУз. Ф. 60. Оп. 1. Д. 2213. Л. 48.

подлежали амнистированию¹. Для борьбы с повстанцами Ферганы советское командование перебросило из центра новые боевые силы. Известно, что в конце лета 1922 г. конная бригада С.М. Буденного участвовала в боевых операциях в районе Коканда, Маргилана и Андижана. Ею был захвачен крупный укрепленный центр повстанцев – Грунч-мазар, находившийся между Андижаном и Узгеном².

В принятом по докладу председателя Средазбюро Я.Э. Рудзутака постановлении ЦК РКП(б) «О положении в Туркестане» (25 ноября 1922 г.), в частности, настоятельно подчеркивалась необходимость ужесточения репрессивных мер по отношению к курбаши.

В этих условиях Шермухаммадбек предпринимает меры по консолидации повстанческих сил и повышению их боеспособности. В его резиденции, расположенной в кишлаке Октепа в районе Баликчи (20 км севернее Шахрихана), повстанцев начали обучать военному делу³. Сам Шермухаммадбек вместе с курбаши Нурмухаммадбеком и Ёрматом Махсумом отправился в Восточную Бухару. Известно, что 1 октября 1922 г. он встречался с Фузайлом Махсумом – одним из руководителей вооруженного сопротивления в бекстве Каратегин Восточной Бухары⁴. После короткого пребывания в Восточной Бухаре и, возможно, в Афганистане в конце октября 1922 г. Шермухаммадбек вернулся в Ферганскую долину.

Не располагая более конкретными свидетельствами об этой поездке, можем судить о ее результатах лишь по «Обращению к населению Туркестанского края», выпущенному Шермухаммадбеком осенью 1922 года. В нем сообщалось, что консулы Афганистана, Турции, Китая настаивали на необходимости установления сотрудничества между Шермухаммадбеком и Салимом Пашой, ставшим после смерти Энвера Паши руководителем бухарского сопротивления, и обещали Шермухаммадбеку оказать помощь военной силой. Однако, как показали последующие события, это обещание не было выполнено. Одновременно с обращением Шермухаммадбек распространил среди курбаши письмо Салима Паши, адресованное ферганским борцам за независимость, в котором он, отмечая необходимость активизации в скором времени боевых действий против советской власти, призывал к укреплению боеспособности всех отрядов курбаши⁵.

Однако повстанческое движение к этому времени, несмотря на предпринятые Шермухаммадбеком меры, находилось в труднейшем положении. В результате широкомасштабных наступательных операций советских вооруженных сил, значительно превосходящих повстанцев по численности рядового состава и вооружению, руководимых опытными кадровыми военачальниками, повстанческое движение несло громадные людские и материальные потери. По сведениям штаба Ферганской группы войск за период с 1 июня по 1 декабря 1922 г. среди рядовых повстанцев 1862 человек было убито, 1376 – сдались, а среди курбаши 98 – убито, 148 – захвачено в плен. За это же время у них было изъято свыше 2 тысяч винтовок, 10 пулеметов и более 223 тысяч единиц боеприпасов⁶.

По этим же сведениям, в рядах сопротивления к 1 декабря 1922 г. оставалось еще около 3 тысяч человек. В неравных условиях, продолжая

¹ РГВА. Ф. 28113. Оп. 7. Д. 58. Л. 54.

² Воспоминания участников гражданской войны в Андижанской области. Вып.1. – Андижан, 1957. С. 87.

³ РГВА. Ф. 28113. Оп. 7. Д. 58. Л. 41.

⁴ Там же. Л. 97.

⁵ РГВА. Ф. 28113. Оп. 7. Д. 84. Л. 38–40.

⁶ Там же. Л. 16–17.

отчаянно бороться, повстанцы добивались еще отдельных успехов. 21 декабря 1922 г. Шермухаммадбеку с отрядом в 800 человек и с 3 пулеметами удалось разгромить советский гарнизон в Ходжабаде, занять кишлаки Турк, Янгичек. В это же время отряд курбаши Йулчи в 400 человек захватил населенный пункт Нижний Араван, а курбаши Ислам Палван и Ёрбек с 300 повстанцами – перевал Бужун (в 20 км юго-восточнее Исфары)¹.

И все же потери, которые несли повстанцы, были очень значительными. Только за декабрь 1922 г. было убито 1582 курбаши и рядовых повстанцев, изъято свыше 2600 винтовок, 11 пулеметов, 30 тысяч единиц боеприпасов, 10 тысяч голов домашнего скота и лошадей.

Учитывая положение, в котором оказалось повстанческое движение, потерявшее надежду на помощь извне и, принимая во внимание физическую и моральную усталость населения Ферганской долины, в течение 5 лет выносившего на своих плечах тяготы военного противоборства, Шермухаммадбек принимает мужественное решение: распускает Туркестанское автономное правительство, а сам в последние дни декабря 1922 г. вместе с братом Нурмухаммадбеком и курбаши Тухтасин Максудом в сопровождении отряда в 450 – 500 человек покидает Ферганскую долину. Вначале он направился в Бухарскую республику, а весной 1923 г. перешел в Афганистан².

Однако повстанческое движение в Ферганской долине не затухало. Советскому руководству, сосредоточившему в Фергане огромный военный и политический потенциал, не удавалось покончить с народным сопротивлением. Идеи независимости Родины, защиты ее национальных устоев продолжали оставаться вдохновляющими стимулами его жизнестойкости и негибкости. Место выбывших из строя занимали новые сотни и тысячи ополченцев, плечом к плечу с отважными, закаленными в многолетней войне курбаши и их соратниками продолжавших борьбу за право жить по своим законам и обычаям. Так, к началу 1923 г., по данным советских разведывательных органов, в Ферганской области вели борьбу свыше 200 отрядов курбаши общей численностью в 7 тысяч человек³.

После ухода Шермухаммадбека в первых числах января 1923 г. на курултае ферганских курбаши главнокомандующим повстанческими силами был избран Ислам Пахлавон (Исламкул), бывший ранее заместителем Шермухаммадбека и пользующийся большим авторитетом. Его сподвижниками были руководители отрядов курбаши Ахмад Палван и Юсуфжон Максум в Маргиланском уезде, Оман Палван и Баястан – в Наманганском уезде, Казакбай – в Андижанском и Нурмат Мингбаши, Ёрмат Максум, Усман Понсот, Ислам Лашкарбоши и Йулчи – в Ошском уезде; в Кокандском уезде отряды курбаши находились под непосредственным руководством самого Ислама Пахлавона. В их подчинении находились десятки отрядов, возглавляемых авторитетными, закаленными в боях курбаши⁴.

Создаваемые вновь отряды, в отличие от предыдущих, в большинстве случаев были малочисленны. Состоявшие, как правило, из 40 – 50, а иногда и из 10 – 15 человек, они были значительно маневреннее и умело использовали партизанские методы борьбы. Рядом успешных боевых операций, осуществленных в январе 1923 г.: штурм силами Ислама Пахлавона гарнизона в Яйпане в Кокандском уезде; отрядами Омана Палвана – гарнизонов в Чартаке и

¹ РГВА. Ф. 28113. Оп. 4. Д. 527. Л. 23.

² РГВА. Ф. 28113. Оп. 7. Д. 84. Л. 16.

³ ААП РУз. Ф. 60. Оп. 1. Д. 3030. Л. 85–86.

⁴ ГАФО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 115. Л. 320.

Джийдакапе в Наманганском уезде и другие¹ – повстанцы продемонстрировали, что, несмотря на потери, они намерены продолжать борьбу.

В ответ последовало еще большее ужесточение режима в Фергане. Конференция ферганских коммунистов в феврале 1923 г. потребовала покончить с повстанцами в кратчайшие сроки. Маховик террора набирал все большую скорость. С мая 1923 г. угроза разгрома сил сопротивления приобрела особо зримые черты. Отряды курбаши один за другим терпели поражение. Советское командование пустило в ход все испытанные методы, не гнушаясь подкупом и шантажом. В частности, ему удалось путем секретных переговоров подкупить курбаши Якуббека и натравить его на руководителя наманганских повстанцев – Омана Палвана. По разработанному чекистами плану Якуббек разоружил и взял под арест Омана Палвана. Возмущенные этим, многие курбаши решительно выступили против Якуббека и пытались освободить арестованного. Между ними развернулись ожесточенные бои, но спасти Омана Палвана не удалось. Якуббек, опираясь на подкрепление, оказанное советскими частями, вышел из этих столкновений победителем и сдал Омана Палвана большевикам².

31 мая 1923 г. Ферганский обком принял решение о проведении открытого судебного процесса над Оманом Палваном. Для участия в нем были насильно согнаны десятки тысяч людей из сотен кишлаков Наманганского уезда. Они стали очевидцами исполнения приговора, вынесенного видному руководителю борьбы за независимость. Оман Палван был повешен 13 июня на базарной площади города Наманган на глазах у населения³. В тот же день был приведен в исполнение и приговор над курбаши Сангином и Махкамом и еще шестью сподвижниками Омана Палвана⁴. Кстати, этой судьбы не избежал и Якуббек: после взятия в плен Омана Палвана советские воинские части разворачивают боевые действия против группировки Якуббека, своего вчерашнего «союзника», в ходе которых он и десять его бойцов попадают в плен. Позднее Якуббек был также расстрелян большевиками⁵.

Исполнение приговоров на глазах у больших скоплений местных жителей преследовало единственную цель: посеять в их сердцах страх перед силой господствующего режима. Эту цель нелицеприятно продемонстрировал во время своего двухмесячного пребывания (май – июнь 1923 г.) в Туркестане главнокомандующий вооруженными силами СССР С.С. Каменев. В разработанном им весьма обширном, состоящем из 123 пунктов, документе «Система борьбы с басмачеством (бандитизмом)» перед советскими войсками в качестве решающей была поставлена задача скорейшей ликвидации «басмаческого» (повстанческого. – *Ред.*) движения. Вбивая в сознание своих бойцов необходимость беспощадного истребления борцов за независимость, Каменев предлагал использовать для этого особо изощренные методы: оккупацию войсками важных пунктов; летучие отряды как основу активной борьбы с повстанцами; истребительные отряды; воздушные средства, «если приходится иметь дело с определенным гнездом басмачей, которое должно быть приведено в повиновение жестокими мерами, вплоть до его поголовного уничтожения, или если приходится до его поголовного уничтожения, или если приходится бороться с басмачами в таком районе, куда нельзя или затруднительно проникнуть полевыми частями – пески, горы, камыши и прочее»; прочесывание района как вспомогательная операция перед его занятием оккупационными частями;

¹ РГВА. Ф. 28113. Оп. 7. Д. 84. Л. 10; ГАФО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 207. Л. 17.

² ГАФО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 248. Л. 44об.–45об., 89; Д. 218. Л. 37–38.

³ ААП РУз. Ф. 60. Оп. 1. Д. 3026. Л. 95, 98.

⁴ РГВА. Ф. 278. Оп. 1. Д. 531. Л. 30.

⁵ ГАФО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 248. Л. 89об.

окружение района совместно с летучими отрядами для «окончательной ликвидации врага» и т.д.¹.

25 мая 1923 г. в реввоенсовете Туркфронта Каменев провел специальное совещание, посвященное вопросам борьбы против движения сопротивления. В его работе приняли участие: руководство Средазбюро ЦК РКП (б), командующий Туркфронтом, председатель ЦИК Туркестана Хидиралиев, председатель Совнаркома Туркестана Т. Рыскулов, начальник Особотдела Дадабаев. На совещании было особо подчеркнуто: в борьбе против повстанцев «необходимо немедленно усилить военное давление, дополнить военные части испытанными бойцами, в частности конниками, расширить использование воздушных сил, шире привлекать милицейские части»². После совещания в Ферганской области был создан реввоенсовет, сюда было направлено более 200 «опытных партийных и советских работников», мобилизованных на борьбу с бойцами сопротивления³.

9 июня 1923 г. ЦИК Туркестана издал декрет «О немедленной ликвидации в Андижанском уезде басмачества». Этим декретом было введено военное положение в Андижане⁴, а в волостях Олтинкуль, Хакент и Ёрбоши Андижанского уезда – объявлено чрезвычайное положение⁵. В Андижане был создан реввоенсовет под руководством командующего Ферганской группой войск. Руководство Туркфронта неспроста начало военные действия с Андижана, с 1918 г. одного из основных центров движения сопротивления.

Так началось практическое осуществление намеченных С.С. Каменевым мероприятий. Массированное наступление советских войск в Андижанском уезде нанесло серьезный урон силам повстанцев. Как отмечалось в рапорте командующего Ферганской группой войск, только с 11 июня по 9 июля по области и главным образом по Андижанскому уезду было «выведено из строя: курбаши 33 (убито 12, сдалось 17, захвачено 4); джигитов 391 (убито 98, сдалось 202, захвачено 91); пособников арестовано около 200; винтовок взято 189, револьверов – 109, берданок – 39»⁶. После тяжелых боев руководители повстанческого движения Андижанского уезда Ахмад Палван и Казакбай вынуждены были покинуть уезд и примкнуть: первый – к курбаши Ёрмату Махсуму, действовавшему в горах в окрестностях Оша, а второй – к кокандским повстанцам. Как отмечалось в советских сводках, «действия против Казакбая и Ахмада Палвана не прекращались ни одной минуты»⁷. Преследуя их, советские воинские части перенесли свои боевые действия в направлении Фергана – Ош, где столкнулись с яростным сопротивлением отрядов Ёрмата Махсума и его соратников. Первоначально успех был на стороне курбаши Ёрмата Махсума: его бойцы не только отразили наступление советских вооруженных сил, но и нанесли им поражение⁸.

17 июля 1923 г. в кишлаке Шунк-Мазар близ Олтиарика был проведен курултай ферганских курбаши. На нем приняли участие Ахмад Палван, Карабай, Умар Али, Мама Рузи, Мамадали, Хажу Пансат (брат Ёрмата Махсума) и другие влиятельные курбаши. Учитывая сложившуюся ситуацию, а также положение, в котором оказался Ислам Пахлавон, курултай избрал нового главнокомандующего

¹ Сборник указаний по борьбе с басмачеством. Ташкент: Издание РВС Туркфронта, 1924. С.6–26.

² ЦГА РУз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 336. Л. 276–277.

³ ГАФО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 245. Л. 10.

⁴ ЦГА РУз. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 1139. Л. 32.

⁵ ГАФО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 205. Л. 28об.

⁶ ГАФО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 218. Л. 56.

⁷ Там же.

⁸ РГВА. Ф. 28113. Оп. 7. Д. 84. Л. 42–45.

ферганскими курбаши. Им стал Ёрмат Махсум, хотя он и не смог принять участие в курултае¹. Выходец из семьи духовенства, глубоко религиозный человек, Ёрмат Махсум своим шестилетним самоотверженным служением делу борьбы за независимость снискал себе уважение и авторитет среди курбаши Ферганы.

Ёрмат Махсум пришел к руководству повстанческим движением в тяжелейшее для него время. Советские воинские части продолжали преследование группировки Ислама Пахлавона. В предместье Коканда, куда отступили его отряды, были брошены значительные силы. В тяжелых боях конца июля – начала августа и особенно после поражения в Сохе 8 августа отряды Ислама Пахлавона понесли серьезный урон. Были взяты в плен 6 наиболее влиятельных его курбаши². С остатками своей группировки он ушел из Коканда в Маргиланский уезд.

Вторая половина 1923 г. оказалась наиболее трагической для всего повстанческого движения Ферганской долины. Под напором армады Туркфронта оно понесло значительные потери. О них победоносно сообщалось в военных сводках Ферганской группы войск. В ходе боев, проходивших с 11 июня по 10 сентября 1923 г., как отмечалось в одной из них, убиты 16 курбаши и 228 джигитов, захвачены 23 курбаши и 258 джигитов, сдались – 75 курбаши и 717 джигитов, арестованы как пособники – 282 человек. В сводке от 5 ноября 1923 г. сообщалось, что за период с 11 июня по 4 ноября было убито – 30, захвачено – 33, сдались 167 курбаши³. В плену оказались такие авторитетные курбаши, как Дадабай Лашкарбоши, Байтуман Хожи, Соли Хожи, Эшматбайбача, Казак, Джура Дардак, Баястан Амир Лашкарбоши и другие⁴; вынуждены были сдаться – Хамракул Мингбаши, Мулла Рузимат, Исраил, Кичик Казак, Ибрагим, Мама Юсуф, Бурибай, Нурмат Мингбаши, Туркбой, Юнус, Нурали, Мамадали Пансат и другие⁵. 3 октября 1923 г. сдался и руководитель кокандских повстанцев Ислам Пахлавон⁶, Пахлавон⁶, а 29 октября в Ассаке – Ахмад Палван⁷.

В ноябре 1923 г. специальная комиссия передала в военный трибунал дела 183 курбаши, арестованных по решению реввоенсовета Ферганской области. Если первоначально трибунал, оказав «милость», вынес приговор о расстреле только части курбаши⁸, то в 1924 г. и позднее все курбаши и их соратники были приговорены к расстрелу.

Примечательно, что такая же участь постигла и курбаши, добровольно сдавшихся в плен⁹. Передвижная сессия военного трибунала Туркфронта в Коканде рассмотрела дела Исламкула Султанкулова (Ислам Пахлавон), Юнус Али Мухаммада Мусаева, Баястана Шопулатова и Султана Шапулатова и приговорила их к расстрелу. И хотя на заседании ЦИК Туркестана, состоявшемся 2 декабря 1923 г. под председательством члена Реввоенсовета СССР И. Хидиралиева, было принято решение о приостановлении приведения в исполнение приговора¹⁰, однако уже на следующем заседании, 8 декабря, оно по требованию

¹ РГВА. Ф. 28113. Оп. 7. Д. 21. Л. 65; ГАФО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 218. Л. 69; Д. 248. Л. 166.

² РГВА. Ф. 28113. Оп. 7. Д. 21. Л. 65; ГАФО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 218. Л. 65; Д. 248. Л. 166.

³ ГАФО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 218. Л. 117–118.

⁴ ГАФО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 218. Л. 88–89; РГВА. Ф. 28113. Оп. 1. Д. 84. Л. 75.

⁵ ГАФО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 248. Л. 269–273.

⁶ Там же. Л. 269.

⁷ Там же. Л. 272.

⁸ История гражданской войны в Узбекистане. Т. II. Ташкент: Фан, 1970. С. 309.

⁹ ГАФО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 218. Л. 92.

¹⁰ ЦГА РУз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 323. Л. 330.

председателя Средазбюро Я. Рудзутака было признано необоснованным и отменено¹. Курбаши были казнены. Казни не избежали и рядовые участники сопротивления – как выпущенные из тюрем, так и находившиеся в заключении, а также представители мирного населения, подозревавшиеся в сочувствии и поддержке движения. Устрашение и террор населения стали испытанными методами в борьбе с повстанческим движением.

На основе сопоставления имеющихся данных можно предположить, что в 1923 г., из рядов сопротивления Ферганской области выбыло (убитыми и сложившими оружие) 348 курбаши и более 4 тысяч рядовых повстанцев.

Несмотря на такой урон, движение за независимость обладало еще достаточным потенциалом, способным до конца 1923 г. – середины 1924 г. противостоять напору советских воинских формирований в районах Маргилана, Коканда, а также в Андижанском уезде. Разделившись на мелкие группы, повстанцы перешли к методам партизанской войны: нападению на гарнизоны, расположенные в долине; неожиданным вылазкам в окрестностях Маргилана, Коканда, Андижана. В результате такой вылазки 22 ноября 1923 г. курбаши Турдибай со своими соратниками, а также с курбаши Нурмухаммадбеком² (младшим братом Шермухаммадбека) и другими разгромил советскую воинскую часть в кишлаке Мадичек и вступил в Коканд. Правда, после ожесточенного боя, состоявшимся в 4 верстах южнее от города, он был вынужден отступить³.

В начале 1924 г. в Ферганской долине существовало еще около 50 мелких отрядов курбаши, объединявших в своих рядах более тысячи человек. Среди курбаши, продолжавших борьбу в Ферганской долине и в 1924 г., были такие прославленные в битвах за независимость личности, как Ёрмат Махсум, Карабай Лашкарбоши, Умар Али Лашкарбоши, Турдибой, Юсуфжон Махсум, Мама Рузи, Мулла Собир, Тошмат Пансат, Тургунбай, Ашур Али Пансат, Мулла Бута юзбаши, Шамси Усман Пансат, Сотволди Пансат, Абдурахман и другие⁴. Общее командование силами повстанцев продолжал осуществлять Ёрмат Махсум.

В свою очередь Средазбюро ЦК РКП, стремясь закрепить успехи, на состоявшемся 6 января 1924 г. заседании признало необходимым усилить пропагандистскую и агитационную работу среди населения. Особое внимание было обращено на формирование в сознании народа антинародного, враждебного характера повстанческого движения, а образа их участников как «басмачей», «врагов народа»⁵.

Во всех своих указаниях Средазбюро ЦК РКП постоянно призывал не ослаблять борьбу против движения за независимость. На это были нацелены и разработанные руководством Туркфронта «Положения о совещаниях по борьбе с басмачеством». Эти совещания, создаваемые в областных центрах Туркестанской, Хорезмской, Бухарской республик, были подчинены «Фронтальному совещанию по борьбе с басмачеством». В состав последнего были введены председатель Средазбюро ЦК РКП (как председатель Совещания), председатель ТуркЦИК (зам. Председателя Совещания), председатель СНК Туркеспублики, командующий Туркфронта, члены РВС Туркфронта, ответственный секретарь ЦК КПТ, нарком внутренних дел Туркеспублики, уполномоченные Бухарского и

¹ ЦГА РУз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 323. Л. 332.

² Курбаши Нурмухаммадбек в начале 1924 г. в последний раз покинул Ферганскую долину и всю оставшуюся жизнь провел в эмиграции. Его старший брат Рузимухаммадбек осенью 1923 г., а второй брат – Тошмухаммадбек несколько позже были пленены и казнены.

³ ГАФО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 248. Л. 315.

⁴ Там же. Л. 350–357.

⁵ ЦГА РУз. Ф. Р-17. Оп. 3. Д. 98. Л. 3.

Хорезмского ЦИК и полпред ГПУ. Этот новый институт с широко раскинувшейся по всей Средней Азии сетью был призван сконцентрировать в единый кулак все силы гражданских и военных структур для борьбы с повстанческим движением.

С установлением жесточайшего режима, взявшего под свой контроль все сферы общественной жизни, оккупацией всех более или менее крупных центров области воинским контингентом Туркфронта, применением системы устрашения и террора мирных жителей большевикам удалось в конце 1924 г. сбить накал повстанческого движения. Не последнюю роль в этом сыграла моральная и физическая усталость населения и борцов сопротивления, вынесших на своих плечах семилетнюю кровопролитную борьбу с превосходящими боевыми силами большевистского режима, непосильное бремя экономических невзгод, голод и разруху. Учитывая это, многие курбаши со своими соратниками сознательно прекратили борьбу.

Однако повстанческое движение в Туркестанском регионе не затухло полностью. Оно продолжалось еще долгие десять лет. Под знамена борьбы за независимость и свободу Родины вставали сотни и тысячи новых патриотов.

ПРИМЕР ЛЕГАЛИЗАЦИИ СТЕПНЫХ ПАРТИЗАН И ДЕЗЕРТИРОВ В ЦАРИЦЫНСКО-АСТРАХАНСКОМ ЗАВОЛЖЬЕ В 1920 ГОДУ

Аннотация. В Государственном архиве Волгоградской области в фонде «Царицынский губернский революционный трибунал. г. Царицын» рассекречен ряд уголовных дел. Одно из них – Дело по обвинению Сабинина Н.Р., Сабинина П.К., Гребенникова И.В., Тихомирова, Прохорова, Адамова в дезертирстве и участии в банде Носаева в селах Житкур, Ленинске, Ново-Эльтонское¹. Уголовное дело раскрывает нюансы легализации степных партизан и дезертиров в Царицынско-Астраханском Заволжье в конце Гражданской войны. Эти детали могут представлять большой интерес для исследователей истории повстанчества 1920-х гг. В рассекреченном деле речь идет о членах диверсионно-повстанческого отряда степных партизан атамана Григория Леонтьевича Носаева и «злостных» дезертирах².

Ключевые слова. Повстанчество, дезертирство, Заволжье, Носаев, Сабинин, Житкур, Уральская отдельная армия, Гражданская война, коррупция.

EXAMPLE OF LEGALIZATION OF STEPPE PARTISANS AND DESERTERS IN THE TSARITSYN-ASTRAKHAN ZAVOLZHYE REGION IN 1920

Abstract. A number of criminal cases have been declassified in the State archive of the Volgograd region in the Tsaritsyn provincial revolutionary Tribunal Fund. One of them is a Case on charges of Sabinin N. R., Sabinin P. K., Grebennikov I. V., Tikhomirov, Prokhorov, Adamov in desertion and participation in Nosaev's gang in the villages of Zhitkur, Leninsk, Novo-Eltonskoye. The criminal case reveals the nuances of legalizing steppe partisans and deserters in the Tsaritsyn-Astrakhan Zavolzhye region at the end of the Civil war. These details may be of great interest to researchers of the history of the 1920s insurgency. In the declassified case, we are talking about members of the sabotage and insurgent group of steppe partisans of ataman Grigory Leontievich Nosaev and "malicious" deserters.

Key words. insurgency, desertion, Zavolzhye, Nosaev, Sabinin, Zhitkur, Ural Separate Army, Civil war, corruption

В. Г. Яценко (Волгоград)

14 июня 1920 г. между станциями Джаныбек и Сайхин (современное приграничье Волгоградской области и Казахстана) железнодорожное полотно пересекли трое степных партизан: Николай Романович Сабинин, Павел Кузьмич Сабинин и Егор Липчанский. Группа являла собой жалкие остатки диверсионного отряда есаула Носаева. В сентябре 1919 г. командующий Уральской отдельной армии Владимир Толстов вернул этот отряд в родное для его бойцов Приэльтонье. Задача, поставленная Толстовым перед носоевцами, заключалась в установлении и поддержании связи с войсками Деникина. За восемь месяцев отряд полностью разложился: бойцы массово дезертировали, заболели тифом, сдавались на милость карателям, погибали в многочисленных стычках с красноармейцами. В середине июня из 200 партизан Носаева под ружьем

¹ Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Царицынский губернский революционный трибунал. г. Царицын. Ф-Р-141с. Оп. 1с. Д. 458.

² Подробнее об отряде Носаева см.: Яценко В.Г. Хроника утаенного бунта: Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону (1918-1923) / Вступ. ст. А.В Посадского. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 39–42, 151–157.

остались семь командиров. Носаев с женой, переодетой в мужскую одежду, из хутора Петрунина ушли в направлении Ханской ставки¹. Еще трое носаевцев скрылись в своих хуторах. Липчанский же и Сабинины отправились на хутор Ивана Яковлевича Мололкина. Там они переночевали, а утром продолжили свой путь в сторону Тургунской части Киргизской степи². В 5-й волости они посетили хутора Румынца и Семена Яковлевича Мололкина. Николай Сабинин и Егор Липчанский заночевали в хуторе Булова. Павел же провел ночь в хуторе Алексенко. Там он встретился с родственником хозяина хутора степным партизаном Андреем Кольченко, который пообещал повстанцам добыть для них фиктивные документы. С этой просьбой Кольченко сразу обратился к заведующему финотделом 5-й волости девятнадцатилетнему Борису Тихомирову. Чиновник снимал квартиру в хуторе. Тихомиров в тот же вечер «на ихней лошади, запряженной в тележку, выехал в исполком». Поздоровавшись со сторожем и засидевшимся допоздна коллегой, Борис зашел в кабинет военкома и украл из его шкафа бланки личных учетных карточек («взял одну книгу в 100 экземпляров»). Используя печать военкома, Тихомиров подделал необходимые партизанам документы: вписал в них вымышленные имена, поставил за них и за военкома Утьебаева подписи и указал на бланках «летучие числа номеров». Теперь степные партизаны могли свободно проживать в 5-й волости Тургунской части. За свою работу коррупционер получил с партизана Кольченко 5 тысяч рублей царскими деньгами, 4 тысячи керенками и 1 тысячу советскими купюрами³, а от Сабининых и Липчанского восемь тысяч рублей⁴. 22 июня Тихомиров собирался сопроводить легализовавшегося партизана Липчанского в город Ленинск, как члена волисполкома товарища Алексенко, командированного за покупкой канцтоваров. Но приехал милиционер и выдал должностному лицу депешу с требованием явиться в Тургунский уездный исполком. Тихомиров распрощался с партизанами. Увидел он их позже – на очной ставке.

Утром того же дня Николай Сабинин и Егор Липчанский отправились на хутор Паничкина. Иван Павлович Паничкин также вручил партизанам подготовленные для них фиктивные документы: пропуска и удостоверения личности с печатями и штампами 7-й волости. Хуторянин «попросил как можно скорее заменить документы на правильные, предупредив, что на фальшивых документах не проживешь»⁵. В тот же день Николай и Егор встретились на хуторе Алексенко с Павлом. Тот отдал товарищам документы, подготовленные чиновником Тихомировым. У Алексенко тогда гостил Семен Яковлевич Мололкин, на хуторе которого «для временного проживания» Николай Сабинин остался в качестве работника. На хуторе Дроздова за 10 тысяч рублей Николай приобрел удостоверение «об отпуске на полевые работы». Впрочем, этот документ ему не пригодился, так как 23 июня он и его двоюродный брат были арестованы Ново-Эльтонским отрядом особого назначения. «Строгим арестом» повстанцев доставили в Эльтон. 24 июня в волостную тюрьму отправился и Борис Тихомиров. Егор же Липчанский сумел скрыться в неизвестном направлении, и о его судьбе ничего доселе неизвестно.

¹ ГАВО. Ф-Р-141с. Оп. 1с. Д. 458. Л. 34. Ханская ставка – административный центр Внутренней Киргизской орды (Букеевской губернии).

² Внутренняя Киргизская орда в составе Астраханской губернии (с 1.07.1917 – Букеевская губерния) административно делилась на пять частей (Калмыцкая, Камыш-Самарская, Парынская, Таловская, Тургунская) и 1-й и 2-й Приморские округа (-Ред.)

³ ГАВО. Ф-Р-141с. Оп. 1с. Д. 458. Л. 119 (об).

⁴ Там же. Л. 138 об.

⁵ ГАВО. Ф-Р-141с. Оп. 1с. Д. 458. Л. 119 об.

27 июня начались допросы арестованных. Допрашивал их волостной военком Шуваев в присутствии председателя местного военкомдесертир Паршева, члена местной комячейки Руденко и главы волисполкома Груздева. Выяснились любопытные детали из биографии арестованных.

Николай Романович Сабинин – уроженец села Житкур, холост, 26 лет. В годы Первой мировой войны служил в 413-м пехотном Порховском полку¹ в чине подпоручика (с 1916 г.). В 1918 г. он вернулся в родное село, где 1 мая был назначен помощником агронома Царевского уездного земотдела. Его непосредственным начальником (главным волостным агрономом) был старший брат Егор Романович, в будущем идеолог повстанческого движения в крае². В распоряжение Николая «вручили Житкурский район». В конце февраля 1919 года Николай отправился в Царев за гвоздями, необходимыми для строительства прокатного стана. Когда в начале марта он вернулся домой, на подъезде к Житкуру его остановили два степных партизана. Они сообщили, что село взято объединенной повстанческой группой и под дулами ружей препроводили помощника агронома к атаману Носаеву. «Каковой лично опросив, предложил вступить в отряд на должность начальника Житкурских отрядов, на что я изъявил согласие и принял отряд после ухода Носаева в степи»³, - признался на допросе Николай Сабинин. В Житкуре партизаны правили 10 дней и были выбиты артиллерией Астраханского карательного отряда. «Вследствие натиска пришлось отступить через Лиман в степь [соединились с армией Толстова], где (отряд) находился до января 1920 года. Примерно в конце января все оставшиеся степные партизаны в количестве 200 человек с обозом перешли линию железной дороги между Джаныбеком и Кайсацкой и ушли на Казанку. Я с отрядом в количестве 30 человек вернулся в Житкур для разведки. Получил сведения, что к партизанам принимаются решительные меры, а потому с четырьмя (партизанами) перешел железную дорогу между Сайхином и Эльтоном и ушел на Казанку. Там встретил свои отряды, и при разбивке меня назначили помощником ротного командира в чине подпоручика»⁴, - вспоминал на допросе Николай Сабинин. Он признался, что в 1919 г. в составе армии Толстова он не принимал участия в захвате Нового Узеня, Александров-Гая и Казачьей Толовки, так как «при пехоте находился в тылу»⁵. В захватах же указанных населенных пунктах в основном участвовала кавалерия, - пояснил арестованный. Во время отступления белых на Уральском фронте Сабинин принимал участие в арьергардных боях. В августе 1919 г. его подразделение находилось в районе поселка Каленого. Оттуда они поддерживали связь с командующим Толстовым, тот же, «по слухам держал связь с Колчаком»⁶. «В сентябре [1919 г.] нас обмундировали и по распоряжению главкома Уральской армии Толстова командировали в (Заволжскую) степь для связи с Деникиным, а потому мы направились через Казанку и Барханы в степь Астраханского края. Перейдя линию железной дороги между Джаныбеком и Кайсацкой около 200-х человек во главе с Носаевым остались в районе Булухты и

¹ 413-й Порховский полк сформирован в июне 1915 г. из 7-й, 9-й и 11-й Псковских пеших дружин Государственного ополчения 2-й ополченской бригады, входил в состав 104-й пехотной дивизии. Участвовал в двух Ковельских сражениях Брусиловского прорыва.

² Подробно о Е.Р. Сабинине см.: Яценко В.Г. Криминальный мир Царицынской-Сталинградской губернии 1920-х годов: Репортажи о громких уголовных делах эпохи НЭПа. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2020. С. 172–179.

³ ГАВО. Ф-Р-141с. Оп. 1с. Д. 458. Л. 119 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

ее окрестности, где были бои»¹, - сообщил под протокол Николай Сабинин. Далее отряд распадается на части и Николай описывает события, изложенные в начале статьи.

Павел Сабинин сообщил на допросе следующее. Ему 35 лет. Он уроженец села Житкур. В ноябре 1918 года был призван в красную 10-ю армию. Служил в отряде по заготовке сена. В феврале 1919 г. начальство командировало его в Житкур за покупкой двух лошадей. Купить удалось только одну, поэтому Павел отправился в степь за второй лошадью. В степи он встретил повстанческий отряд Солохина. По словам Павла, атаман велел ему дезертировать и спрятаться на своем хуторе. Но он якобы не внял требованию «бандита» и вернулся в Житкур. Долгое пребывание Павла в степи вызвало подозрения у начальника Ленинского умоботдела товарища Семёна Мисюрина², и он приказал милиционеру Легкодимову арестовать Павла Сабинина, заподозрив его в дезертирстве и связях со степными партизанами. В частности, Мисюрин посчитал, что Павел Сабинин предупредил атамана Солохина о прибытии в Житкур подкрепления из Царева и Капустина Яра в помощь красному гарнизону. 5 марта во время занятия Житкура повстанцами Носаева и Солохина Павел был освобожден из волостной тюрьмы. Он тут же вступил в ряды степных партизан и разделил с ними их печальную судьбу: служил в составе Уральской армии Толстова, скрывался с Носаевым в окрестностях озера Булухта³. 3 сентября Семён Мисюрин предоставил некоторые сведения об арестованных. Он сообщил, что Николай Сабинин во время казней житкурских коммунистов и совработников играл «роль второго палача, первым (палачом) был Сидор Солохин». Также Николай Сабинин, по мнению Мисюрина, «принадлежит к зажиточному слою крестьянства»⁴. 16 сентября в Житкуре прошло собрание ячейки РКП(б) под председательством Дуюнова. Местные коммунисты сообщили следственной группе о том, что Сабинины Павел и Николай принимали непосредственное участие в пытках и убийствах 59 коммунистов и семи совработников во время Житкурской резни. При этом Павел перед нападением повстанцев на Житкур передавал им сведения о состоянии дел в гарнизоне и получаемом им пополнении. Участники собрания сообщили также и о соучастниках их преступлений: о дважды бежавшем из под стражи партизане Николае Тильбухове, о братьях Егоре и Федоре Солохиных, о бежавшем 14 августа из под ареста Степане Васильевиче Васильченко и о партизане Василии Егоровиче Ковалеве. Все перечисленные граждане участвовали в расправах над житкурскими коммунарами и к тому времени находились на свободе, были активными членами степных повстанческих отрядов⁵.

Большой интерес вызывают также показания чиновника Бориса Тихомирова. Он оказался уроженцем села Мармыжи Нижегородской губернии⁶. Волею судеб его родители оказались в годы Гражданской войны в Астрахани. 24 декабря 1918 года Борис получил пропуск и выехал на станцию Джаныбек, «где ввиду скверных отношений с родителями остался на временном жительстве»⁷. Спустя полтора месяца его пригласили занять должность секретаря исполкома 3-й волости

¹ Там же.

² Член РКП(б) с 1 января 1918 года Семён Прохорович Мисюрин в марте 1919 г., в дни нападения повстанцев на Житкур, был членом и следователем волостного Ревкома. Чудом спасся от расправы. Подробнее о Мисюрине и о Житкурской резне см.: *Яценко В.Г. Хроника утаенного бунта... Указ. соч. С. 215–220.*

³ ГАВО. Ф-Р-141с. Оп. 1с. Д. 458. Л. 139.

⁴ Там же. Л. 28.

⁵ Там же. Л. 20.

⁶ Там же. Л. 137.

⁷ Там же. Л. 119.

Торгунской части. На этом посту он прослужил один месяц и заболел тифом. «По выздоровлении меня собрание 5-й волости Торгунской части поставило на должность товарища председателя исполкома. 22 декабря 1919 года ... отстранили и поставили заведующим финансовым отделом»¹, - давал показания арестованный чиновник. Далее он сообщил, что в ночь с 17 на 18 июня 1920 года к нему на квартиру в хуторе Алексенко заехал родственник хозяина хутора партизан Кольченко Андрей, который на второй день знакомства попросил чиновника справиться ему приписку к 5-й волости с выдачей документов. «На первое время я снабдил его документом на бланке с печатью, подписав его за председателя своею подписью, а секретаря (подписал) выдуманной фамилией Карасёв. Кольченко, получив документы, сказал, что к вечеру приедут два дезертира, его товарищи, и им также нужны документы, но я отказал, так как не было заготовленных документов»², - сообщил Тихомиров. Далее молодой коррупционер рассказал, что отправился в 5-ю волость и попытался получить у военкома 3-й, 5-й и 9-й волостей Утьебаева удостоверения личности на двух человек. «Но Утьебаев на это мне ничего не сказал, а потому я вернулся на хутор Алексенко»³, - поведал на допросе Тихомиров. Далее он рассказал о встрече с дезертирами-носаевцами и о том, как украл бланки в исполкоме и подделал нужные нелегалам документы. После того, как Борис расстался с партизанами, он на перекладных уехал в уездный Тургунский исполком, а когда вернулся на хутор, то «увидел, что все оставшиеся у меня [украденные у военкома] документы похищены... Не заявил [об этом], так как думал, что Липчанский и Павел Сабинин вернутся [и отдадут украденное]»⁴, - закончил свой рассказ арестованный чиновник.

В одной камере с Сабиниными и Тихомировым оказались местные «злостные» дезертиры – крестьянин Ново-Эльтонской волости, уроженец села Толовка Астраханской губернии Федор Васильевич Прохоров и уроженцы села Солодовка Иван Васильевич Гребенников и Иван Матвеевич Адамов. Гребенникову исполнилось 28 лет. Был он вдов и, возможно, бездетен. В сентябре 1918 г. его мобилизовали в Красную армию. В декабре Гребенников бежал из части на хутора Солодовских участков. В начале 1919 г. он добровольно вступил в повстанческий отряд Носаева. Занимал должность взводного командира. Воевал в составе армии Толстова. При распаде отряда Носаева в мае-июне 1920 г. Гребенников схоронился на хуторах Солодовского Займища (в Волго-Ахтубинской пойме). В хуторе Холодова спрятал свою винтовку, седло и шашку. Был арестован в степи Ново-Эльтонским отрядом. Вину свою полностью признал. На допросах подтвердил показания Сабининых: на Уральском фронте Николай действительно был «в форме офицера в чине подпоручика», Павел же служил рядовым⁵.

Иван Адамов, 22 лет от роду, был мобилизован в Красную армию в 1918 г. в 3-й инженерный батальон, расквартированный в г. Царицыне. При отступлении Красной армии из Царицына в июне 1919 г. Адамов отлучился из части и отправился домой. Три недели работал на пашне на хуторе Калиновый. Но вскоре белые мобилизовали его в охрану волости. В обязанности Адамова входили «выгон подвод и доставка сена кадетам». Вместе с белыми Иван отступал до Аксяя. Там он остался до прихода Красной армии. Затем он вернулся в

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 45, 138.

Солодовку, где и проживал без документов до самого своего ареста в июне 1920 г. Из материалов дела не видно, что этот человек служил у Носаева.

Двадцатилетний Федор Прохоров вступил в Красную армию добровольно. Служил в военно-конском запасе 11-й армии. В ноябре 1918 г. его отпустили в отпуск домой. Но, не доезжая Толовки, Федор был задержан разъездом белых и препровожден в село Соломихино на допрос. Три месяца он провел в застенках и в марте 1919 г. поступил на службу в Уральскую армию телеграфистом в военно-телеграфную роту. Спустя девять месяцев он бежал от белых в Киргизские степи, где и скрывался, пока военкомом Нового Эльтона не арестовал его за службу у белых и дезертирство из Красной армии. Суд приговорил его к 6 месяцам концлагеря. Но «по причине голода и тифа», царивших в те дни в концлагере, Прохоров бежал в Ханскую ставку. 25 июня 1920 г. на хуторе Житковой его схватила Ново-Эльтонская разведка. Вину свою дезертир признал полностью¹.

В таком составе Ново-Эльтонские узники отправились 22 июля «под усиленным конвоем» в Царицынскую губернскую тюрьму². Разместили их в одной камере. В новых застенках подследственные стали писать покаянные заявления: «Осознали вину, готовы сейчас же на фронт, на передовую линию, в бой... Готовы воевать не вместе, а в разных частях»³. Тихомиров 3 августа добавил к словам раскаяния также объяснения обстоятельств, толкнувших его на должностное преступление: «Польстясь на их обещанья дать мне одежду, деньги ... [признаю] в своем поступке следующее. Приехал в Киргизские степи, поступил секретарем волисполкома... В степи нет закона. Зарплату дали 750 рублей. Хватало на табак. Не было продовольствия от исполкома. Был голодный. Не делал бы этого [преступления, если бы был сыт]». Далее Тихомиров обещал следствию «разоблачить предателей и военных комиссаров», «творящих зло в Киргизской автономной республике». «Помогу изобличить вредные элементы из учреждений»⁴, - заявил коррумпированный чиновник. Суд назначили на 29 октября. Не ожидая мягкого приговора, узники решили бежать. Но их замыслы выдала начальнику тюрьмы Прохоров, Адамов и Гребенников. Они сообщили, что к Сабининым во время прогулки заходил Тихомиров и вел с ними «тайные переговоры». 26 октября заговорщики озвучили сокамерникам свои замыслы. Они предложили им бежать из тюрьмы. План был таков: «выбрать удобный момент во время прогулки, связать часового, взять винтовку, поставить к стенке, перелезть через крепость тюремной стены». «Говорили, так или иначе нам всем погибать, то давайте лучше бежим, и этим мы спасем свою жизнь», - сообщили доносители. Сокмерники отказались участвовать в побеге. На это заговорщики предупредили их, чтобы они «их не выдали». «Ввиду вышеуказанного, мы считаем своим долгом гражданской справедливости об этом донести Администрации тюрьмы, тем самым предупредить побег»⁵, - подытожили извечники.

29 октября состоялся суд. Для Сабининых и Гребенникова приговор оказался смертельным: «как неисправимым врагам трудящихся применить высшую меру наказания через расстрел». Донос на товарищей Гребенникова не спас от вышки. Вынося приговор Тихомирову, суд учел «молодой возраст, а также разлагающую атмосферу, среди которой он находился». Расстрел ему заменили на 20 лет лишения свободы. Прохорова же и Адамова суд от наказания избавил, направив их на фронт⁶. Узнав о решении суда в отношении Николая Сабинина, его сестра

¹ Там же. Л. 137–138.

² Там же. Л. 10.

³ Там же. Л. 15-16.

⁴ Там же. Л. 17-18.

⁵ Там же. Л. 150.

⁶ Там же. Л. 152.

Анна Степанова подала в суд заявление, в котором попросила о смягчении приговора. Женщина сообщила о работе брата помощником агронома, о том, что его заставили вступить в банду Носаева, «и не по своей воле ... а по сложившимся обстоятельствам [он] вынужден был выступить против Советской власти»¹. Суд не внял доводам сестры осужденного. Да и приговоренные к расстрелу не стали подавать кассационные прошения. В ночь с 31 октября на 1 ноября они были расстреляны. Тихомиров же отправился в Царицынский лагерь принудительных работ. И уже там осуществил свою мечту – бежал. В ноябре заведующий военнопленными, трудармейцами и заключенными товарищ Медведев проводил дознание по этому случаю. Караульный сторож казармы №4 Федор Плеханов рассказал ему, что 24 ноября в 18-00 он обнаружил в казарме отсутствие Бориса Тихомирова, который работал в рабочем отделе конторы завода ДЮМО. Плеханов не придавал этому значения, «думал, работает сверхурочно». Но ночная проверка и опрос других заключенных показал, что Тихомиров бежал. Беглеца поймали уже на следующий день и... на пятую годовщину октябрьской революции амнистировали: сократили срок на треть – до 13 лет лишения свободы².

Исследованные материалы содержат в себе ценную информацию о способах легализации повстанцев и дезертиров в годы окончания Гражданской войны. Архивные сведения указывают на широкое распространение коррупции в волостных учреждениях в Тургунской части Киргизской степи и о сочувственном отношении к повстанцам со стороны хуторского населения. Этим часто пользовались нелегалы. Рассекреченные документы проливают свет на судьбы известных в крае партизан и обыкновенных граждан, не желавших участвовать в Великой смуте. Архивный фонд губернского ревтрибунала содержит большое количество подобных документов, поэтому работа автора по этой теме далека от завершения.

¹ Там же. Л. 155.

² Там же. Л. 169, 171.

ПРОБЛЕМЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

УДК 94(47).084.8

ПОДГОТОВКА ВОЕННЫХ КАДРОВ В САРАТОВСКОМ ВОЕННОМ УЧИЛИЩЕ НКВД В 1943-1945 ГГ.

Аннотация. На примере Саратовского военного училища НКВД рассматривается подготовка военных кадров в ведомстве внутренних дел в 1943–1945 гг. Показана специфика подготовки командного состава НКВД на этапе после коренного перелома в Великой Отечественной войне. Делается вывод, что преподаватели училища уделяли большое внимание изучению и творческому внедрению в учебный процесс фронтового опыта и тактики боевых действий. Появились новые формы воспитательной работы. Всё это способствовало успешному решению учебно-воспитательных проблем, которые возникали в условиях военного времени.

Ключевые слова. Великая Отечественная война, Саратовское военное училище НКВД, военные кадры, специфика учебно-воспитательного процесса

MILITARY PERSONNEL TRAINING AT THE NKVD SARATOV MILITARY SCHOOL IN 1943-1945

Abstract: On the example of the Saratov Military School of the NKVD, the training of military personnel in the Department of Internal Affairs in 1943-1945 is considered. The specifics of the training of the NKVD command staff at the stage after the radical turning point in the Great Patriotic War are shown. It is concluded that the teachers of the school paid great attention to the study and creative introduction of front-line experience and tactics of combat operations into the educational process. New forms of educational work have appeared. All this contributed to the successful solution of educational problems that arose in wartime conditions.

Key words: The Great Patriotic War, the Saratov military School of the NKVD, military personnel, the specifics of the educational process

С. П. Сороков, Ю. А. Семёнова (Саратов)

Важнейшим показателем, определяющим успешность участия государства в военных конфликтах, всегда был уровень подготовки военных кадров, соответствие его качества требованиям ведения войны. Традиционно система подготовки военных кадров в России была обусловлена характером общественного и государственного строя, назначением вооружённых сил, спецификой их комплектования, национальными традициями. Всё это остаётся важным и для современных отечественных вооружённых сил и войск правопорядка. В этой связи, изучение исторического наследия действовавших в экстремальных условиях военного времени военно-учебных заведений помогает выявлению различных аспектов военного строительства. В частности, позволяет совершенствовать систему принятых сегодня в государстве официальных

взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации.

В 1930-е гг. советская военно-учебная система получила мощный созидательный импульс, обусловленный неизбежным скатыванием ведущих мировых держав к международной конфронтации и эскалации военной напряженности. Во враждебном окружении советский народ не только строил мирную жизнь, но и готовился к схваткам с вероятным противником. Тогда же войска НКВД стали складываться в самостоятельную структуру в Вооружённых Силах¹. Началась подготовка командных кадров непосредственно в системе ОГПУ–НКВД. До этого обучение проходило в военно-учебных заведениях РККА². К 1941 г. НКВД располагало необходимым количеством учреждений для подготовки профессиональных военных кадров по различным специальностям. Это – Высшая школа войск НКВД; десять военных училищ – Ново-Петергофское военно-политическое, Харьковское пехотно-артиллерийско-авиационное, Московское связи, Саратовское, Орджоникидзево-е и Ленинградское пехотные, Харьковское военно-фельдшерское, Себежское служебного собаководства, Московское военно-хозяйственное и Ленинградское военно-морское училище. К этому перечню добавлялся ряд постоянных и временных краткосрочных курсов переподготовки, усовершенствования, подготовки младших лейтенантов при управлениях округов и училищах. Набор курсантов в военные школы и училища производился, как правило, из числа красноармейцев и младших командиров срочной и сверхсрочной службы³.

С первых же недель Великой Отечественной войны военно-учебные заведения НКВД перешли на подготовку командного состава по сокращённым срокам обучения. Это повлекло за собой коренную перестройку системы обучения и воспитания курсантов. В Саратовском училище, например, уже на третий и шестой день войны состоялись выпуски 2-го и 1-го курсов. В войска убыло 801 молодых лейтенантов. Новый набор курсантов состоялся в июле с зачислением 1172 человек⁴. Им предстояло оканчивать уже ускоренный курс училища.

Работа по обучению и воспитанию личного состава училища строилась в соответствии с требованиями директив ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР от 29 июня

¹ Термин «войска НКВД» появился в 1934 г., когда был создан общесоюзный наркомат внутренних дел, объединивший войска бывшего ОГПУ, пограничную охрану и конвойные части. Войска НКВД стали состоять из соединений, частей и подразделений пограничной и внутренней охраны. В сентябре 1938 г. пограничная и внутренняя охрана стала называться пограничными и внутренними войсками. Войска НКВД являлись составной частью Вооружённых Сил (см. *Ковыршин Е.В.* Войска НКВД СССР: эволюция структуры и практики использования: дис... канд. ист. наук. Воронеж, 2011. С. 22, 26).

² *Михайлов В.А.* Подготовка военных кадров войск ОГПУ–НКВД в 1930-е гг. XX века и накануне Великой Отечественной войны // *Образование в современном мире.* Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2019. С. 40-46.

³ *Внутренние войска.* Исторический очерк. М. 2007. С. 132.

⁴ *Исторический формуляр Саратовского военного Краснознамённого института внутренних войск МВД России.* Т. 1. Л. 15.

1941 г. В НКО 19 июля 1941 г. была утверждена новая программа для пехотных училищ¹.

В военных училищах НКВД, как и во всех других военно-учебных заведениях, сроки обучения были сокращены для командиров пехоты и кавалерии до 6 месяцев, а специалистов связи и других технических специалистов – до 9 месяцев. Для слушателей и курсантов был введен двенадцатичасовой рабочий день – 8 часов занятий в классах и в поле под руководством преподавателей и 4 часа обязательной самоподготовки. Уменьшилось количество изучаемых дисциплин, учебные программы были переработаны применительно к подготовке специалистов узкого профиля. Выпускники пехотных отделений сдавали экзамены по тактике, тактико-специальной подготовке, огневой подготовке, техническим средствам обороны, физической подготовке, строевой подготовке, истории ВКП (б). Выпускники курсов младших политруков проверялись по истории ВКП (б), партийно-политической работе, тактике, топографии, огневой подготовке, строевой подготовке, физической подготовке, военно-инженерному делу. Отдельно учитывалась воинская дисциплина в повседневной жизни. В февралемарте 1942 г. выпускники сдавали всего по 4-5 выпускных экзаменов. Например, в Саратовском военном училище командиры пехоты сдавали политподготовку, тактику, топографию и огневую подготовку. Младшие политруки сдавали историю ВКП (б), партполитработу, тактику, топографию и огневую подготовку².

Направление на учебу осуществлялось из частей войск по жесткой разнарядке НКВД. В конце 1941 г. в Саратовском военном училище действовало уже несколько ускоренных курсов: младших лейтенантов пехоты; младших политруков; младших лейтенантов и младших специалистов (связисты, химики и саперы); военных фельдшеров. Способствовали такому многообразию воинских специальностей эвакуированные и расположенные на территории училища Ново-Петергофское Краснознамённое военно-политическое училище имени К.Е. Ворошилова и Харьковское военно-фельдшерское училище НКВД³. Всего до начала 1943 г. Саратовское училище произвело три ускоренных выпуска⁴.

С окончанием в феврале 1943 г. Сталинградской битвы стратегическая обстановка на советско-германском фронте изменилась в пользу Советского Союза. Успехи Красной армии позволили руководству СССР коренным образом перестроить работу с военными кадрами. В связи с тем, что в количественном отношении вопрос обеспечения командными кадрами войск НКВД был решен, с 27 февраля 1943 г. устанавливался двухгодичный срок обучения курсантов

¹ *Бондаренко И.А.* Формирование системы воспитания курсантов в военно-учебных заведениях в 1918-1991 годах: дис... канд. пед. наук. М., 2012. С. 113–114.

² *Гузеев А.Н.* Подготовка кадров среднего командного состава для войск ОГПУ – НКВД – СССР (1930–1945 гг.): исторический аспект: дис... канд. ист. наук. Саратов, 2001. С. 154; Исторический формуляр Саратовского военного Краснознамённого института внутренних войск МВД России. Т. 1. Л. 104–110.

³ *Гульбинский Ю.В.* Учебно-педагогическая, организационно-хозяйственная и служебно-боевая деятельность Четвёртой школы пограничной охраны и войск ОГПУ (Саратовского военного училища). 1932–1973 гг.: дис... канд. ист. наук. Саратов, 2008. С.

⁴ *Лубнин В.Н.* Саратовское высшее военное командное Краснознаменное училище имени Ф.Э. Дзержинского. Саратов, 1992. С. 53.

военных училищ войск НКВД. Ранее принятые курсанты подлежали выпуску через год после поступления¹.

В период с 15 по 26 марта 1943 г. в училище произошел очередной выпуск командиров. Было выпущено 981 человек. В училище был организован новый набор курсантов, на двухгодичный срок обучения. Всего было зачислено 1024 курсанта².

В связи с новыми условиями работы военно-учебных заведений НКВД изменилась и организация управления ими. В соответствии с постановлением СНК № 946 от 4 сентября 1943 г, и приказом НКВД СССР № 001631 от 12 октября 1943 г. в целях усиления подготовки кадров офицерского состава в военно-учебных заведениях войск НКВД Отдел было образовано Управление военно-учебных заведений войск НКВД³.

К моменту перехода на новые сроки обучения большинство курсантов обладало боевым и служебным опытом. Это положительно сказалось на уровне подготовки военных кадров. Однако практически до конца Великой Отечественной войны основная масса курсантов, переведенных на увеличенные сроки, и, соответственно, более подготовленных, еще оставалась в стенах военно-учебного заведения. Впрочем, во второй половине 1940-х годов эти офицерские кадры НКВД активно использовались в борьбе с националистическим повстанческим движением в западных районах СССР. В 1945 г. В Саратовском военном училище из общего числа курсантов около 80% были фронтовиками, 45% имели государственные награды, свыше 10% служили в гвардейских частях⁴.

В 1944 г. на основании приказа Управления военных учебных заведений НКВД от 16 сентября в училище были организованы четырехмесячные курсы по подготовке младших лейтенантов. На курсы было принято 336 человек⁵.

В том же году в училище открылась экстернатная подготовка офицеров. Эта проблема требовала неотложного решения, так как в годы войны на офицерские должности было выдвинуто большое количество солдат и сержантов. Для сдачи экзаменов стал прибывать рядовой и сержантский состав, имевший боевой опыт и военные отличия. Сдача экзаменов экстерном способствовала улучшению военной подготовки выдвиженцев⁶.

Качественно изменился и преподавательский состав. Почти половину педагогов составляли фронтовики. Всё это позволило пополнить традиционные формы обучения принципиально новыми подходами. Занятия наполнились «живым содержанием», конкретными эпизодами, примерами удачных действий или просчётов. Со временем это нашло своё отражение в учебных пособиях, методических разработках и других видах учебно-методической литературы. Обучение осуществлялось по учебным программам в соответствии с

¹ Гузеев А.Н. Указ. соч. С. 177–178.

² Талызин А.И. Саратовское военное училище НКВД в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Саратов, 1985. С. 17–18.

³ Гузеев А.Н. Указ. соч. С. 148.

⁴ Саратовский Краснознамённый военный институт внутренних войск МВД России. Командирская юность. М., 2012. С. 13.

⁵ Лубнин В.Н. Указ. соч. С. 65.

⁶ Гузеев А.Н. Указ. соч. С. 187.

требованиями уставов, наставлений РККА и войск НКВД. Кроме того, опыт действий войск в ходе войны обобщался по публикациям периодической печати, специальным бюллетеням, сборникам генштаба и другим источникам. Методические приёмы внедрения в учебно-воспитательный процесс опыта Великой Отечественной войны неоднократно обсуждались на методических заседаниях Совета училища¹.

Согласно организационно-методическим указаниям Управления военно-учебных заведений, курсантов обучили тому, что необходимо на войне в условиях достижения Красной армией стратегического превосходства. На занятиях по тактике и топографии курсанты учились готовить подразделение к боевым действиям с учетом особенностей конкретной боевой обстановки и с обязательным проведением разведки. Им преподавались основы тактических действий, требовавших активности, смелости и инициативности. Объяснялась необходимость организации непрерывного взаимодействия пехоты с подразделениями других родов войск. Первостепенное значение уделялось грамотному использованию стрелкового оружия и различных взрывных устройств. Излагалась организация тактики противника и методы борьбы с его бронетехникой².

Например, для практического закрепления знаний в июле 1943 г. в училище были организованы трехсуточные тактические учения, с отработкой вопросов: «Отделение в походном охранении», «Стрелковое отделение в разведке», «Встречный бой», «Отделение в обороне ночью», «Отделение в полевом карауле», «Отделение в ночном поиске». Практиковались военизированные игры с курсантами других военных училищ гарнизона. Для лучшего освоения курсантами учебного материала, преподаватели цикла военных дисциплин разрабатывали учебные пособия, в которых основной упор делался на усвоение сущности и форм наступательных боевых действий. Выпускник училища лейтенант Носок так характеризовал учебно-материальную базу учебного заведения: «В училище было все необходимое для овладения военными науками и повышения кругозора: хорошо оборудованные тактический, стрелковый, артиллерийский и другие классы с большим количеством наглядных пособий, библиотека, клуб...»³. В годы войны классы, где преподавались военные дисциплины, пополнялись новыми образцами техники РККА и трофейным оружием. Организовывалось изучение их тактико-технических характеристик⁴.

Произошло изменение в расчетах времени учебных занятий. Если в 1941–1942 гг. курсанты занимались по 12 часов в день, из них 8 часов классных и полевых занятий, и 4 часа обязательной самостоятельной подготовки, то теперь увеличилось количество часов на самостоятельную подготовку, а занятия под руководством преподавателя сократились до 7 часов⁵. Помимо углубленного изучения дисциплин военного цикла, большое количество времени уделялось

¹ Гульбинский Ю.В. Указ. соч. С. 84; Талызин А.И. Указ. соч. С. 3–4.

² Лубнин В.Н. Саратовское высшее военное командное Краснознаменное училище имени Ф.Э. Дзержинского. Саратов, 1992. С. 61.

³ Лубнин В.Н. Указ. соч. С. 61.

⁴ Там же.

⁵ Талызин А.И. Указ. соч. С. 4.

занятиям по строевой и физической подготовке. По строевой подготовке курсантов обучали строевой подтянутости, опрятности и образцовому внешнему виду, умелым действиям в подготовке к боевым действиям, броску в атаку, переползанию и скрытному передвижению на местности, управлению взводом, ротой в предбоевых и боевых порядках. На занятиях по физической подготовке курсанты учились преодолевать естественные и искусственные препятствия в сочетании с рукопашным боем, пешей и лыжной подготовке в условиях лесистой, пересеченной местности и бездорожья. Почти все выпускники имели спортивные разряды¹.

Таким образом, в 1943–1945 гг. в Саратовском военном училище НКВД обучение проходило по различным учебным программам (двухгодичный курс, четырехмесячное обучение, экстернат). Возросла численность курсантов и преподавателей, имевших боевой опыт. Постоянно происходило совершенствование учебно-материальной базы. Была выработана система подготовки специалистов военного дела и подлинных патриотов, надёжных защитников Родины. Было выпущено 3025 офицеров².

¹ Там же. С. 5.

² Подсчитано авторами.

**ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ
(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЛЁТЧИКА ДАЛЬНОЙ АВИАЦИИ ПОЛКОВНИКА
А.Я. ВАВИЛОВА)**

Аннотация. данная публикация – фрагмент из боевой биографии пилота дальнего бомбардировщика. В ходе Московской битвы его экипаж получил задание уничтожить цель в глубоком тылу противника в Варшаве.

Ключевые слова. Великая Отечественная война, Московская битва, дальняя бомбардировочная авиация, боевой вылет.

**SPECIAL ASSIGNMENT
(FROM THE MEMOIRS OF A LONG-RANGE AVIATION PILOT, COLONEL
A.YA. VAVILOV)**

Abstract. This publication is a fragment from the combat biography of a long-range bomber pilot. During the Battle of Moscow, his crew was assigned to destroy a target deep behind enemy lines in Warsaw.

Key words: The Great Patriotic War, the Battle of Moscow, long-range bomber aviation, combat sortie.

В. А. Шевела (Люберцы)

5 ноября 1941 г. в газете «Сталинский сокол» появился материал специального корреспондента С. Рубена под заголовком «Александр Вавилов и его люди». Статья начиналась строками: «Их называют вавиловцами по имени командира. Александр Вавилов – замечательный летчик и командир. В любых условиях, в дождь, туман, пробивая тяжелые гряды облаков, прорываясь сквозь огневые всплески зенитных снарядов и трассирующих пуль, отбиваясь от вражеских «Мессершмиттов», уверенно ведет он свою машину на врага. Командир Вавилов, штурман Антонов, стрелки Пикалев и Дубина, техник Башкарев, – все они работают, как один человек, как одно сердце»¹. Корреспондент писал об успешных действиях экипажа в ходе битвы за Москву, перечислял военные достижения отважных лётчиков. Впечатляла цифра боевых вылетов – 45. Тем более свой первый боевой вылет экипаж совершил лишь в августе 1941 г. с аэродрома Елец, куда в составе 22-го дальнего бомбардировочного авиационного полка (дбап) был переброшен с Дальнего Востока. Напомним, что в этот напряжённый период дальняя бомбардировочная авиация (ДБА) по ряду причин, в первую очередь, из-за вынужденных дневных полётов без сопровождения истребителей, несла ощутимые потери, как в личном составе, так и в технике.

¹ Рубен С. Александр Вавилов и его люди // Сталинский сокол. 1941. 5 ноября. URL. http://stsokol.ru/stsokol/11.1941/05.11.41/02_11/05.11.41_2-4.html (дата обращения: 25.09.2020).

Любопытно, что газетная статья вышла чуть ли не накануне события, речь о котором пойдёт в предлагаемой публикации. Это бомбардировка 13 – 14 ноября 1941 г. самолётами ДБА железнодорожного узла в Варшаве. О значении нанесения удара можно узнать из мемуаров Главного Маршала авиации А.Е. Голованова. На тот момент он был полковником и командовал 81-й дальней бомбардировочной авиационной дивизией (дбад). С его слов Ставка Верховного Главнокомандования узнала о прибытии поезда Гитлера в Варшаву и приказала нанести удар по возможному его местонахождению в польской столице. 81-я дбад предоставила 20 лучших своих экипажей, ещё 10 самолётов выделили другие соединения ДБА. Каждому экипажу предстояло выполнить задачу самостоятельно¹. Выпало лететь и экипажу А.Я. Вавилова, представлявшего 51-ю дбад. А.Е. Голованов утверждал, что все экипажи 81-й дбад, «в совершенстве владея средствами радионавигации, вернулись на свои аэродромы, а из десяти самолётов других частей ВВС ни один не попал к себе домой»². Но причины невозврата были самые разные. Сам Голованов привёл пример с экипажем старшего лейтенанта Ю.Н. Петелина³ из 98-го тбап 52-й тбад. Его самолёт получил пробоины бензобаков и совершил вынужденную посадку на территории противника недалеко от линии фронта⁴. Похожий случай произошёл и с экипажем Вавилова, но здесь подвела техника. Увлекательный рассказ об этом полёте из-под пера самого командира воздушного корабля и предлагается вниманию. Это фрагмент из воспоминаний о Великой Отечественной войне, написанных А.Я. Вавиловым в середине 1980-х гг. В полном виде мемуары не издавались. Отдельные же выдержки публиковались в ряде печатных изданий, в основном по месту проживания автора в Горьком (ныне Нижний Новгород).

Несколько слов об Александре Яковлевиче Вавилове. Родился он 4 июля 1912 г. в селе Тараново Гороховецкого уезда Владимирской губернии. Учился в Горьковском пищевом индустриальном техникуме, по окончании которого в 1935 г. был направлен по призыву Ленинского комсомола в Харьков в 9-ю военную школу лётчиков и лётчиков-наблюдателей. По окончании школы в 1937 г. получил распределение в 67-ю тяжёлобомбардировочную авиационную бригаду Отдельной Краснознамённой Дальневосточной армии. Накануне Великой Отечественной войны служил там же на Дальнем Востоке в 22-ом дбап 31-й смешанной авиационной дивизии Дальневосточного фронта. Участник Великой Отечественной войны в составе различных частей и соединений авиации дальнего действия. Прошел путь от командира авиационного звена до командира 18-го гвардейского бомбардировочного авиационного полка дальнего действия, сформированного в мае 1943 г. в составе 2-й гвардейской бомбардировочной авиационной дивизии дальнего действия. В 1945 г. полк получил почетное наименование – Севастопольско-Берлинский. Прославленная гвардейская воинская часть, первым командиром которой был А.Я. Вавилов, существует и

¹ Голованов А.Е. Дальняя бомбардировочная... М., 2004. С. 88, 136.

² Там же. С. 136.

³ Петелин Юрий Николаевич (1920–1998), Герой Советского Союза (20 июля 1942 г.), летал на боевые задания до лета 1944 г., выполнил 232 боевых вылета. Закончил войну подполковником.

⁴ Голованов А.Е. Указ. соч. С. 136–147.

поныне. В настоящее время – это 182-й гвардейский авиационный Севастопольско-Берлинский Краснознаменный тяжелый бомбардировочный полк. Место дислокации – аэродром Украинка Амурской области.

Советским правительством полковник А.Я. Вавилов награжден: двумя Орденами Ленина, Орденом Александра Невского, тремя Орденами Красного Знамени, Орденом Красной Звезды, Орденом Отечественной войны 1-й степени и медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Будапешта», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

После войны А.Я. Вавилов служил на должностях командира полка, командира дивизии, начальника отдела боевой подготовки авиационного корпуса Дальней авиации. Освоил самолеты бомбардировщики нового поколения Ту-4 и Ту-16.

Уволившись из рядов Вооруженных Сил, Александр Яковлевич жил и работал в городе Горький, был внештатным корреспондентом горьковских газет, проводил большую общественную работу, переписывался и встречался с боевыми товарищами.

Сын А.Я. Вавилова Александр пошел по стопам отца и тоже стал военным летчиком. Продолжил династию военных летчиков Вавиловых и его внук Александр. Другой внук, Владимир, служил авиационным инженером.

Вавилов А.Я. умер 22 июля 1987 г., похоронен в Нижнем Новгороде.

* * *

В разгар смертельной схватки с врагом, рвущимся к Москве, моему экипажу довелось произвести один необычный для того момента вылет, о котором хочется рассказать более подробно.

11 ноября 1941 г., после прилета с очередного задания, меня вызвал командир полка подполковник Крюков Михаил Дмитриевич¹.

– Товарищ Вавилов, вам предстоит серьезный полет и к нему надо очень хорошо подготовиться.

– Мы к любому полету всегда хорошо готовимся, товарищ командир.

– Нет, здесь требуется особая подготовка и прежде всего вашего самолета. Передай техникам, чтобы они сегодня до конца дня и завтра часов до двенадцати потрудились как следует над твоей машиной. Инженер полка мною предупрежден. Он в помощь вашему технику подбросит людей и лично проверит готовность самолета.

– В чем будет состоять особенность полёта? – спросил я командира.

– Что я могу сказать тебе, Вавилов? – подобная форма обращения командира полка ко мне установилась с октября, когда я был назначен его заместителем. А до этого меня нередко так называли друзья и некоторые штабные офицеры. – Мне известно, – продолжал Крюков, – полет будет дальний,

¹ Крюков Михаил Дмитриевич (1909–1942), командир 22-го дальнего бомбардировочного авиационного полка.

одиночный, на большой высоте, вот к такому полету и готовьте экипаж и самолет. Завтра к 15 часам надо быть на аэродроме Кратово¹.

О предстоящем задании я поставил в известность штурмана и остальных членов экипажа. До конца дня они вместе с техническим составом готовили самолет, только поздно вечером ушли на отдых.

И, как водится в таких случаях, кое в чем перестарались.

В середине следующего дня техник самолета Бешкарев доложил о полной готовности самолета. Все недостатки в работе материальной части, обнаруженные в последнем полете, а также выявленные при техническом осмотре, устранены. Далее Бешкарев подробно рассказал, что им лично осмотрено, какие неисправности обнаружены и что конкретно сделано.

Казалось, что инженерно-технический состав сделал все возможное, чтобы техника не подвела нас в полете. К тому же она и до этого была вполне исправна и главное – сердце самолета – его двигатели работали безупречно, поэтому пришлось даже предупредить Бешкарева, чтобы поменьше копались в моторах.

Однако во время перелета на Кратовский аэродром обнаружились некоторые ненормальности в работе «авиагоризонта», прибора, необходимого для пилотирования самолета в облаках и ночью. Поэтому поводу, конечно, неправильно было бы предъявлять какие-либо претензии к техническому составу, так как до этого «авиагоризонт» работал отлично, а в процессе предполетной подготовки самолета обнаружить дефект в работе прибора невозможно. Сейчас многие летчики уже не знают, что в то время «авиагоризонт» и некоторые другие пилотажные приборы работали от трубки «Винтури», а необходимый эффект от нее получался только при достижении самолетом определенной скорости.

На аэродроме Кратово нас встретил командир дивизии Логинов².

Я доложил ему о прибытии и готовности экипажа к полетам, упомянув при этом о неисправности «авиагоризонта». Присутствующий при этом старший инженер дивизии по приборам майор инженерно-технической службы Тышкевич заверил нас и полковника Логинова, что прибор к вылету будет исправен.

Вскоре получили задание лететь на Вильно (Вильнюс). Над городом разбросать листовки с докладом тов. Сталина «О 24-ой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции 6 ноября 1941 года» и «Речь на параде Красной Армии 7 ноября 1941 года на Красной площади в Москве».

До позднего вечера готовились к полету. Всюду, куда только можно, укладывали листовки.

К выполнению такого задания, но с вылетом на другие города привлекались еще пять экипажей. Одного командира экипажа я знал. Он старше меня по возрасту, воинскому званию и опыту работы, но он имел одну неприятную черту характера – уж очень ныл перед вылетом. Вот и сейчас в ночь перед полетом он не давал мне покоя, а мы, как нарочно, улеглись рядом.

- Это наш последний полет, - ныл он, – мы уже не вернемся.

¹ Аэродром в районе сегодняшних подмосковных городов Жуковский и Раменское.

² Логинов Евгений Фёдорович (1907–1970), советский военачальник, маршал авиации (1967), Заслуженный пилот СССР. В описываемый период – подполковник, командир 51-й дальней бомбардировочной авиационной дивизии.

Это безрассудство – посылать на такие цели. И многое все в том же роде. Тон нытья его действовал удручающе на всех, кто слушал его.

Непрерывного оханья и тяжелых вздыханий, я не выдержал и, выругавшись, перебрался на другую койку.

Утром следующего дня один за другим взлетели все шесть экипажей. После маневра для набора заданной высоты прохода линии фронта – 5500 метров каждый самостоятельно ляжет на курс следования к цели.

Через несколько минут полета по прямой замечаю крен «авиагоризонта», при продолжении полета крен заметно увеличивается.

Прибор неисправен, при полете в облаках пользоваться им нельзя. Хотя сейчас небо чистое, но что будет впереди?

О неисправности передаю экипажу, радист сообщил на землю. Нам приказывают возвратиться.

Развернулись на обратный курс. Прибор показывает правильно. Никакого крена нет.

– Что за чертовщина? - не могу уразуметь, в чем дело?

Вновь развернулся на цель. Летим три – четыре минуты планка авиагоризонта вновь заваливает. По мере продолжения полета она все более и более накрывается.

Прибор все же неисправен, в этом нет никакого сомнения.

– Радист, передай на землю – возвращаемся. Антонов¹, отметь точку разворота.

В начале полета на обратном курсе в первые минуты не было никаких отклонений в работе прибора, но сейчас обратным курсом мы летим больше времени, чем в первый раз, поэтому вновь обнаружилась та же неисправность.

После посадки долго выясняли причину «коварного» поведения прибора. По указанию инженера дивизии, произвели подтяжку шлангов отсоса воздуха и некоторые другие работы. При полете по кругу, который пришлось специально сделать для проверки работы авиагоризонта, никаких ненормальностей в его работе обнаружить не удалось.

Я был до крайности озадачен и обескуражен всем этим. Мне представлялось, что у некоторых товарищей возникли сомнения в моей искренности или даже честности. Только предыдущая безупречная боевая работа экипажа не давала оснований обвинить нас в трусости.

Проще всего было заменить прибор, но мой авиагоризонт имел какие-то другие фланцы крепления его к приборной доске, а таких на складах базы не оказалось, поэтому заменить было нечем.

Командир дивизии Логинов предложил:

– Летите на моем самолете, он легкий, хороший. На нем сам Коккинаки² летал.

¹ Антонов Александр Всильевич (1915–1943), авиационный штурман, майор, летал в составе экипажа А.Я. Вавилова. Погиб 8 августа 1943 г. в кабине самолёта во время боевого вылета.

² Коккинаки Владимир Константинович (1904–1985), Заслуженный лётчик-испытатель СССР, дважды Герой Советского Союза, генерал-майор авиации. В 1936–1941 гг. проводил испытание опытных образцов самолётов ДБ-3, ДБ-3Ф (Ил-4).

Мы сразу же, не теряя времени, всем экипажем перешли на самолет командира дивизии.

Это был какой-то единственный в своем роде экземпляр с деревянным фюзеляжем. Конструкция фонаря кабины летчика имела некоторые особенности, отсутствовала защитная бронеспинка за сиденьем летчика. В штурманской кабине незнакомой нам конструкции бомбоэлектросбрасыватель, размещение приборов в кабине летчика несколько иное, чем в нашем серийном самолете, не смонтирована кислородная точка для четвертого члена экипажа.

На вооружении имелись только ШКАСы¹. Похоже, что самолет не готовился для боевых полетов².

Для ознакомления с приборным хозяйством самолета требовалось время, а у нас его не было. Пришлось ограничиться самым беглым осмотром. Очень спешили: нужно было перегрузить листовки, а светового времени для полета оставалось в обрез.

У самолета появился Логинов. Докладываю ему о подготовке к полету.

– На сегодня вылет отставить, - неожиданно говорит он.

– Собыют еще, останусь без коня, а где я такого достану? – продолжает в шутку комдив.

- Готовьтесь на завтра, полетите на своем с бомбами. Тышкевич доложил, что прибор исправили. Горючего заливайте по пробки. Полностью задание получите утром, а сейчас давайте указания техникам отдыхать.

С аэродрома ушли с хорошим настроением: все-таки полетим на своем аэроплане, а не на чужом, а кроме, того, полетим с бомбами, а не с бумагой. К вечеру выясняется, что из шести экипажей, привлеченных к полету в глубокий тыл противника, нас на аэродроме всего два.

Где остальные, мы пока не знаем.

Утром узнали, что три экипажа по разным причинам задание полностью не выполнили, листовки сбросили не над заданными точками, но благополучно сели на других аэродромах своей территории.

Один экипаж передал о выполнении задания полностью, но домой не вернулся. Связь с ним оборвалась еще до перелета линии фронта.

Один самолет, вернувшийся на аэродром «Кратово», оказался поврежденным при перелете линии фронта на обратном маршруте он попал под сильный зенитный обстрел. Однако дотянул до своего аэродрома и сел благополучно.

Таким образом, готовым к выполнению нового задания, за получением которого мы направились, оказался только один мой экипаж.

В комнате получения задания присутствуют командир дивизии Логинов, штурман дивизии Читайшвилли¹ и незнакомый мне полковник, да мы с Антоновым и Пикалевым.

¹ ШКАС – 7,62-мм пулемет Шпитального-Комарицкого авиационный скорострельный.

² Имеется в виду отсутствие крупнокалиберного 12,7-мм пулемёта УБТ (универсальный Березина турельный). Обычно верхняя полусфера бомбардировщика защищалась УБТ, а впереди и сзади фюзеляжа устанавливалось по одному ШКАСу.

– Для вас получено новое задание, - говорит Логинов, - надо слетать на Варшаву.

– Куда-куда? - Неожиданно вырвалось у меня.

Логинов повторяет, - на Варшаву, бомбить железнодорожный вокзал.

– Хватит ли нашему коню корма, чтобы доставить нас туда и обратно? - с иронической усмешкой подал голос Антонов.

А ты вот и посчитай, - предлагает Читайшвилли.

Вместе с Антоновым и Читайшвилли произвели расчет потребности горючего, масла, кислорода – получается все на крайнем пределе и даже сверх него.

Расстояние от точки взлета до цели строго по прямой 1200 км.

В целях большей надежности перелета через линию фронта необходим маневр для набора высоты над своей территорией. Однако для этого у нас нет запаса горючего, поэтому после взлета придется лететь по прямой и линию фронта пересекать на высоте 2,5 – 3 тысячи метров.

По полученному прогнозу погоды ветер на заданной высоте полета 6 – 8 тысяч метров в полосе маршрута почти строго встречный, скоростью до 40 – 45 метров в секунду, то есть более ста сорока километров в час, а это, по нашему предварительному расчету, увеличивает продолжительность полета на 55 минут.

Суммарный подсчет показал: у нас нет никакого тактического запаса горючего.

Для стрелка не хватает кислорода. Придется лететь, только троим², стрелок должен остаться на земле.

Все расчеты докладываем командиру и старшему штурману дивизии.

Читайшвилли сравнивает их со своими и подтверждает их правильность.

Логинов порекомендовал обратный маршрут проложить в район Курска, Щигры. Этот путь короче на 100 – 150 километров и безопаснее. В наших условиях путь в 100 км не малое расстояние.

Нас снабжают добротным бортпайком. Берем с собой шесть гранат «лимонок», один автомат ППШ с двумя дисками и по две дополнительных обоймы патронов к пистолетам ТТ.

14 ноября в строго назначенное время вырливаем на бетонированную взлетную дорожку, я прожигаю моторы, прошу стартера разрешить взлет.

Неожиданно в динамике слышен голос радиста:

– Товарищ командир, к нам мчится легковая машина, из нее кто-то подает нам сигнал.

Стартер держит красный флажок, запрещающий взлет.

На крыло самолета поднимается командир дивизии.

– Ни в коем случае не садиться в Курске. Соображайте сами, где сесть, расположение фронтовых аэродромов вы знаете.

¹ Читайшвилли Григорий Иосифович (1908 – после 1984), штурман 51-й дальней бомбардировочной авиационной дивизии. На момент описываемых событий имел воинское звание майор.

² Экипаж самолёта ДБ-3Ф (Ил-4) состоял из четырёх человек: командира, штурмана, радиста-стрелка, стрелка.

– Понятно, - отвечаю ему. Нет необходимости спрашивать, почему нельзя садиться в районе Курска.

– Ну, ни пуха ни пера, - улыбаясь, говорит Логинов, - обязательно возвращайтесь.

С этими последним напутствием комдива взлетаем.

Самолет бежит долго – долго. Слава богу, полоса здесь длинная. У нас подвешено полторы тонны бомб, горючее залито по пробки, да еще штурман с радистом ухитрились взять несколько больших пачек листовок, общим весом около стопятидесяти килограммов.

Задачей сбрасывать листовки в этом полете не предусматривалось, однако мы решили донести до наших людей, временно попавших в немецкую неволю самые важные новости со своей Родины. Листовки были сброшены нами над Смоленском и Минском.

Линию фронта проходим на высоте 2800 метров. Все спокойно, редкие выстрелы зениток не причиняют нам никакого беспокойства.

Медленно набираем заданную высоту полета. Держу наивыгоднейший режим полета при наборе высоты. Чаще чем обычно контролирую расход горючего.

Прогноз погоды пока оправдывается полностью, а лучше бы он не оправдался. На пройденном отрезке маршрута не встретилось ни одного облачка. Видимость беспредельная, только где-то далеко на юге заметно потемнение горизонта. Там погода хуже, чем здесь, однако на войне нередко бывает, когда худшее становится лучшим.

Строго под нами аэродром, на летном поле стоит много самолетов – вражеских самолетов – не радуют они нас.

– Саша, сосчитай, сколько машин на аэродроме, - прошу штурмана.

Антонов считает и через минуту-две говорит:

– Всего 67 самолетов, из них – 42 двухмоторных. На взлете стоят пять одномоторных.

Не исключено, что фашисты попытаются нагнать нас, но мы летим на хорошей высоте и им нагнать нас не очень просто.

Район аэродрома прошли благополучно, встречи с истребителями не было.

Вскоре впереди показался еще аэродром, на нем видны только двухмоторные самолеты – эти нам не страшны, они атаковать нас не будут.

Антонов доложил:

– Насчитал 38 двухмоторных, по-моему, все «юнкерсы-88».

Кроме них два трехмоторных – транспортных Ю-52.

В районе Минска – опять аэродром. Он немного в стороне от нас, на нем большое количество разных самолетов. Антонов пытается сосчитать их и занести в свой бортжурнал.

Благополучно миновали и этот район. Пока идет все хорошо.

Наш полет больше похож на тренировочный в тылу, над своей землей, а не над территорией сильного и злобного врага.

Ровно гудят моторы, наблюдаем за воздухом, изредка переговариваемся между собой. Еще раз уточняем свои действия при подходе к району цели и над целью. Нам сейчас ничто не грозит, в воздухе очень спокойно, даже самим не верится: протопали почти тысячу километров над вражеской территорией и не

видели ни одного выстрела, ни одной атаки фашистских истребителей. Но и тишина, и спокойствие в любую минуту могут быть нарушены. Это мы хорошо, пожалуй, очень хорошо усвоили. Антонов и Пикалев дали по паре коротких очередей из своих пулеметов: мы опасаемся, как бы не застыла смазка в нашем бортовом оружии. Уточняем свои действия в случае вынужденного покидания самолета на парашютах над территорией Польши. У нас на этот счет уже имеется договоренность, но в спокойный час полета не мешает немного поговорить об этом.

Наружная температура на высоте 8 тысяч метров ниже 40° мороза. У нас в кабинах она не намного выше. Ильюшин¹ не предусмотрел никакого обогрева экипажа в полете.

Внимательно слежу за приборами, контролирующими температуру масла. Меня очень беспокоит ее повышение на правом моторе. Вспомнился случай, бывший в нашей эскадрильи еще до войны: во время тренировочных полетов молодой летчик, лейтенант Авдеев, выполняя полет по маршруту на большой высоте, разморозил маслорадиаторы, «сжег» двигатели и потерпел серьезную аварию.

Когда Авдеев заметил увеличение температуры масла вместо того, чтобы прикрыть жалюзи маслорадиаторов и этим «отогреть моторы», он открыл их еще больше, от этого температура масла вновь очень быстро подскочила вверх, летчик еще больше открыл жалюзи.

Вскоре из-под капотов двигателей по плоскости поползли густые полосы масла, а через несколько минут винты остановились.

Прикрываю жалюзи маслорадиаторов.

Но что это?

У правого мотора штурвальчик управления жалюзи не идет на закрытие. На открытие идет до отказа, когда же начинаем крутить его в сторону закрытия, доходит до первоначального положения и дальше ни с места. Очевидно, что-то случилось с системой управления жалюзи маслорадиатора правого мотора.

– Саша, уточни расстояние и время полета до цели, – прошу Антонова.

– Расстояние 230 километров, время полета 47 минут, – быстро ответил он.

По всем канонам авиационной жизни, мы немедленно обязаны возвратиться, сбросив бомбы на любую запасную цель, встретившуюся на маршруте.

Однако хорошо сказать «возвратиться», не выполнив такое задание. Нет, не можем мы принять решения на возвращение, не отбомбившись по заданной цели. Во что бы то ни стало до цели надо дойти, на нас надеются, нам доверили выполнить этот полет, и мы доведем его до конца чего бы это нам ни стоило.

Уж очень обидно. Так хорошо, безнаказанно проскочить всю территорию, занятую противником, быть у самой цели и вернуться, отступить? Нет, так не пойдет. До цели мы дойдем, она приближается с каждой минутой. Впереди виднеется узкая темная полоска реки. Это Висла, а за ней – Варшава – район нашей цели.

При подлете к большому промышленному городу при ясной погоде вначале видна густая дымная шапка, а самого города еще не видно и только подлетев

¹ Речь о главном конструкторе самолёта ДБ-3Ф (Ил-4) С.В. Ильюшине.

ближе, сквозь дымку проглядывается город с его улицами, заводами, парками, вокзалами и другими большими и малыми объектами, составляющими этот город.

Точно такая же картина открылась нам при подходе к столице Польши Варшаве, захваченной фашистскими громилами.

На правом берегу Вислы – предместье столицы Прага, в центре ее большой пожар. Что горит? С нашей высоты определить трудно.

Впереди виден вокзал. Он расположен рядом с рекой. Все пути, прилегающие к вокзалу, забиты железнодорожными составами.

Сейчас требуется обо всем забыть, надо хорошо прицелиться и не промазать.

Очень обидно, когда затратив массу душевной и физической энергии, когда наперекор всему пробьешься к цели, сброшенные тобою бомбы, упали мимо и не причинили врагу никакого вреда.

Вот после такого полета и жизнь не в радость.

А ведь чего греха таить, бывало такое и у нас, и у других экипажей.

Были и такие экипажи, когда после каждого их полета «все горит, все взрывается», однако если экипаж постоянно расписывает свои успехи, командиру и штурману указывали на это, после чего их успехи становились скромнее. Мне вспоминается и такое донесение одного экипажа после выполнения удара по кораблям, расположенным в морском порту. Этот экипаж летал на самолетах, полученных от США по Ленд-Лизу А-20Ж. Бомб он не брал. На его вооружении имелись 4 пушки, неподвижно установленные в носовой части самолета, ими управлял сам командир экипажа.

Вопрос (из формы донесения) – Наблюдение за попаданием?

Ответ – Попаданий в цель не наблюдал.

Вопрос – Результаты ваших действий?

Ответ – В результате обстрела потонула одна баржа.

Вот так:

– В цель стрелял?

– Стрелял.

– Попал?

– Нет, не попал.

– Результат?

– Потонула одна баржа.

Командир экипажа, конечно, знал, что баржи от страха не тонут, но здесь все-таки она потонула.

Мы на боевом курсе, немного правее встречным курсом летит Ил-4¹.

– Вот, молодец, дошел... Счастливого возвращения! – громко кричу ему. Я хорошо знаю, что он меня не слышит, но это от радости.

Кто этот экипаж? С какого аэродрома он взлетал?

С «Кратовского» больше никто на Варшаву в этот день не летал.

Антонов ничего не видит. У него одна задача, ради которой мы летим: точно навести на цель и хорошо поразить ее.

¹ Здесь и в дальнейшем бомбардировщик ДБ-3Ф автор именует Ил-4, хотя таковым тот стал называться только летом 1942 г.

В наушниках слышны его команды, и я всецело подчиняюсь им:

– Идем хорошо.., хорошо.., держи так.., вправо один градус.., хорошо.., хорошо.., отлично!

В нос ударяет знакомый запах взрывчатки – это сработали пиропатроны, значит, бомбы сброшены.

– Сбросил! - говорит Антонов, не отрываясь от наблюдения за падением бомб.

– Бомбы упали все, - докладывает Пикалев.

– Эх, мать честная! Как хорошо угодили, почти в самый центр составов.

Берем обратный курс. Главное, за чем летели, сделали.

После разворота, радист, которому хорошо видна цель, докладывает:

– На вокзале возник пожар, горят вагоны.

– Доложи на землю о выполнении задания

– Докладываю.

Пикалев ключём отстукивает условный короткий сигнал о выполнении задания и тут же переходит на прослушивание, вскоре получает квитанцию и вновь замолкает.

Цель оказалась не прикрытой никакими средствами воздушной защиты. По нашему самолету не сделано ни одного выстрела зенитной артиллерии, мы не видели ни одного истребителя противника.

Полная неожиданность! При получении задания, мы предупреждались командованием дивизии о наличии сильной противовоздушной обороны польской столицы, вследствие чего и высота бомбардирования дана максимальная. И забегая далеко вперед, необходимо сказать, что все, кто через год бомбил военные объекты гитлеровцев в Варшаве осенью 1942 года (в их числе были и мы), встречали внушительное сопротивление.

А сейчас все тихо. Очевидно, здесь не ожидали появления наших самолетов, да к тому же в дневное время.

Курс к дому. Теперь все внимание на работу двигателей.

Из-под капота правого мотора бьет масло, оно гармошкой расплзается по плоскости. Это неминуемо и весьма скоро приведет к выходу мотора из строя.

Еще и еще раз замеряю наличие горючего, определяю его расход за каждые 15–20 минут полета, 6 часов мы затратили на полет от взлета до цели. Встречный ветер значительно увеличил пребывание самолета в воздухе. Путевая скорость на высоте 6 – 8 тысяч метров не превышала двухсот километров в час.

Расчетное время полета от момента выхода на обратный курс до своей территории около 3 часов. По нашим предположениям получается: наше приземление произойдет в районе линии фронта.

Весь вопрос сможем ли мы его перетянуть? Или произойдет самое неприятное для нас, и мы вынуждены будем приземлиться где-то на линии фронта?

К такой ситуации экипаж был готов еще перед вылетом, но мы не теряем надежды, что, если полет будет проходить в благоприятной обстановке и нас не подведет работа материальной части, мы дойдем до одного из прифронтовых аэродромов или хотя бы перетянем линию фронта.

Однако из-за выхода из строя двигателя наше положение существенно ухудшилось. Расход горючего на единицу пути при полете на одном моторе увеличился, поэтому и шансов на пролет линии фронта становилось меньше.

Управлять самолетом очень тяжело. Из-за продолжительного пребывания на большой высоте при температуре воздуха -40° – -45° смазка в узлах управления застыла, а ее при подготовке самолета к полету постарались положить значительно больше, чем требовалось. К тому же пилотирование Ил-4 на одном работающем моторе тоже не легкое дело.

Мы продолжали медленно снижаться, скорость заметно меньше, чем при полете на обоих моторах.

Время идет к вечеру. Высота 3 тысячи метров, до сего времени извне нам ничто не угрожало.

Но вот радист заметил в воздухе небольшую точку, быстро приближающуюся к нам и увеличивающуюся в размерах.

– Нас догоняет истребитель, - неожиданно докладывает Пикалев.

Слышится неистовая дробь пулемета Пикалева, сейчас пригодилась бы и работа второго пулемета, но с нами нет четвертого члена экипажа, стрелка мы не взяли и не могли взять, вследствие чего оборона экипажа резко ослаблена.

После двух атак истребитель потерялся: то ли сумерки помешали ему вновь атаковать нас, то ли по другим причинам.

Замечаю пробоины. Их несколько в обшивке правого крыла и возле левого, пока еще работающего, двигателя.

– Левый мотор сильно дымит, - докладывает Пикалев.

– Ну вот, еще этого не хватало, - ворчит Антонов.

В работе двигателя прослушиваются перебои, пока они незначительны, но у меня особого оптимизма на этот счет нет. Хорошо знаю, к чему приводят такие перебои. Предупреждаю экипаж.

– Быть готовым к покиданию самолета. Без команды не прыгать.

Радист непрерывно докладывает, что видит за крылом.

Тянется длинная струя дыма, она становится все плотнее и плотнее, моментами видны языки пламени.

Далеко не отрадная картина.

По всей вероятности, придется или прыгать, или садиться.

Обменялись мнением со штурманом и радистом. Решаем не прыгать, а садиться. Конечно, это опаснее для жизни экипажа, но при прыжке мы неминуемо потеряем друг друга, а нам очень надо быть всем вместе.

Высота 600 метров. Впереди просматривается площадка, немного левее что-то похожее на молодой лес или кустарник. Решили садиться на этой площадке, дальше тянуть невозможно, да и темно становится. А садиться в поле в полной темноте все равно, что, не умея плавать, лезть в омут, не зная его глубины.

И летчики знают, к чему приводят такие посадки.

У меня в памяти хорошо сохранился случай благополучной посадки экипажа лейтенанта Коротуна в темную ночь вне аэродрома.

Сильно побитый самолет без горючего Коротун посадил в поле на шасси в момент, когда остановились винты обоих моторов. Своевременно он не подал команду экипажу покинуть самолет на парашютах, а затем было уже поздно. Все

обошлось хорошо. Коротуна хвалили и, в общем-то, было за что. Он сохранил самолет и жизнь экипажа. Поступок его отличался большим мужеством, хотя многие в полку считали его безрассудным.

На мой взгляд, здесь экипажу крепко повезло, только благодаря слепой случайности, обошлось без тяжелого летного происшествия.

К великому сожалению, этот смелый экипаж вскоре вновь оказался в тяжелых условиях полета. И на этот раз Коротун пытался посадить сильно поврежденный самолет ночью вне аэродрома. Посадка закончилась трагично: экипаж погиб, а самолет сгорел.

В густых сумерках, на случайной площадке при сильнейшей поземке произвели посадку на фюзеляж. Быстро выскочили из самолета, в его левой плоскости что-то горит. Немного отошли от машины: она, беспомощная, распласталась на снегу. Жалко самолет. Мы хорошо знаем, каким трудом достаются нам такие машины и как они нужны для удара по врагу.

В моей кабине остался мягкий меховой шлем (я его ношу вместо шапки, он сохранился у меня еще от полетов на ДБ-3).

Решил достать его и только сделал 2–3 шага – в левой плоскости произошел взрыв. Нас обдало огненными брызгами. На Антонове загорелся комбинезон, снегом потушили его. Самолет, охваченный пламенем, мы потушить не пытались, да и не смогли бы.

Отходим от самолета. Трудно шагать в зимнем летном обмундировании. В лицо пуржит снег, дует поземка. Очень быстро заметаются наши следы.

Отойдя от пылающего самолета метров на 300 – 400, сели на снег немного отдохнуть. Антонов вскоре растянулся на нем. Я чувствую сильную усталость. Видимо сказалось физическое и нервное перенапряжение.

Неожиданно около самолета появился автофургон, из него вышли десять человек.

Кто они? Наши или немцы? Ветер встречный, их голоса доносятся слабо, разобрать слова невозможно.

- Это немцы, - заявляет Антонов, - не наша речь, гоготанья много.

Я также замечаю, что в отрывках фраз, достигающих нас, слышится что-то жесткое, чужое.

Разглядеть появившихся людей мы не можем, полностью стемнело, да и поземка очень мешает.

Лежим в бурьяне, с воздуха в сумерках мы приняли его за кустарник. Оружие готово к бою, каждый из нас знает, что если доведется его применить, дешево жизнь не отдадим.

Мне неоднократно приходилось наблюдать, как горят самолеты. Зрелище это тяжелое,

Наш самолет горит не сильно. Но вот что-то вспыхнуло: то ли остатки кислорода, способствовали вспышке, то ли ракеты в штурманской кабине воспламенились. Этой яркой вспышки оказалось достаточно, чтобы разглядеть в какой форме люди у нашего самолета.

У самолета немцы. Что они будут делать? Искать нас?.. Это сейчас не просто. Ночью от пламени далеко в темноте не увидишь. Следы наши замела поземка.

– Товарищ командир, давайте подползем ближе к самолету, обстреляем фрицев, - предлагает Пикалев.

Наш радист смелый товарищ, он не раз указывал свою храбрость в воздушных боях. На его счету не случайно числится 2 сбитых истребителя, а для бомбардировщиков это не так мало. Но здесь Пикалев явно неправильно оценил обстановку.

– Не то говоришь, - резко обрывает Пикалева Антонов, - ничего мы этим не добьемся, а сами будем уничтожены. Нам еще повоювать надо, Миша!

В наших условиях принять бой – одно, а самим навязывать его – это, безусловно, авантюра.

Немцы не пытаются нас разыскивать, возможно, они считают нас погибшими или сгоревшими в самолете, возможно, думают, что мы покинули самолет на парашютах и успели уйти далеко от места приземления.

Неожиданно нам довелось стать очевидцами совершенно непонятных действий фрицев.

Ни с того, ни с сего, они начали палить из своего оружия. Автоматные очереди застрочили с такой силой, словно перед ними обнаружилась неприятельская цепь. Стреляли, кто куда вздумает, много очередей пущено и в нашем направлении.

– Что они, сбесились что ли? - спрашивает Пикалев.

– Черт их знает, для чего они такую пальбу учинили. Наверное, для острастки или для собственного успокоения, - рассуждает Антонов.

Бестолковая пальба фашистов немного приподняла наше настроение. Уж очень энергично они провели эту операцию.

Вместе с автоматными очередями немцы выпустили в воздух не один десяток осветительных ракет. Причем ракетная пальба, по нашему мнению, не имела какой-то цели. Они не искали экипаж с горящего самолета.

Постреляв так несколько минут, потешив себя, они убрались восвояси.

Мы пошли на восток.

Нам необходимо было точно определить, где мы сейчас находимся. Антонов показывает на карте место приземления, но карта у нас мелкого масштаба и по ней точное место установить невозможно. Одно ясно: мы приземлились южнее нашего маршрута.

До этого полета мы много раз летали в тыл противника, и не было случая, чтобы мы не заметили линию фронта, конечно, если полет производится не в облаках. Даже при полете в малоактивном районе действий наземных войск, она хорошо видна, а вот сейчас не заметили, да и есть ли сейчас здесь, четко обозначенная линия фронта?

Шагать очень тяжело. Мы в тяжелых меховых комбинезонах, унтах – сделаем несколько сот шагов – становимся мокрыми, сядем на снег – быстро замерзаем. И откуда в этих местах так рано появился снег, метель, пурга?

Пока мы шли открытым полем, разыгравшаяся метель очень мешала движению. При входе в лес сразу сделалось лучше, стих ветер, улеглась поземка.

Вначале шли напрямик – лишь бы подальше на восток. Вышли на какую-то дорогу – в полном смысле дорогой ее назвать нельзя, однако через снежный покров четко обозначена летняя колея.

Я иду свободным от груза. Ящик с бортпайком несет Пикалев. У Антонова на плече висит автомат, в карманах гранаты.

Часто останавливаемся: кто привалится к стволу дерева, а кто сразу же садится или ложится на снег. Поднимаемся с трудом и опять идем в том же направлении. Лес сменяется мелким кустарником. Брезжит рассвет. Мы всю ночь в движении, а ночь в ноябре длинная.

Кажется, нет больше сил, переставлять ноги. Сам полет вымотал нас до предела, а тут еще эта вынужденная «прогулка».

Однако надо шагать и шагать.

В течение всего времени нашего движения то и дело слышатся строчки пулеметной стрельбы. Изредка прогрехочет несколько орудийных выстрелов, в воздухе часто видны вспышки ракет: красных, зеленых, белых, а то и сразу пучок разноцветных. Можно предположить, что мы находимся в центре некоего «котла», по периферии которого идут не очень активные действия.

Лес кончился. Недалеко от его опушки открылось небольшое и еще не полностью замерзшее озерцо, по берегу его раскинулась деревня, невзрачные домики запорошены снегом.

Решили войти в какую-нибудь избу.

Ближайшим огородом, заросшим садовым кустарником идем к небольшому домику. Прямо перед собой видим колодец. Справа густые заросли терна или вишни. Мы присели поближе к ним.

Обсуждаем, как лучше подойти к избе.

Кто-то из нас предложил обождать здесь немного, наверняка кто-нибудь подойдет к колодцу, ведь любой хозяйке утром нужна вода.

Расчет оказался правильным. Ждать пришлось не долго. Из избы вышла женщина с ведрами и бойко направилась к колодцу.

Не дойдя до него несколько шагов, неожиданно увидела нас и тут же, как вкопанная, остановилась.

Жестами и негромким словом просим ее подойти поближе к нам.

Но где уж тут «подойти к нам»? Она с грохотом бросила ведра и бегом побежала в избу.

Что нам оставалось делать? Бежать за ней? Но мы не знаем обстановки в деревне и, тем более нам неизвестно, кто у нее в хате?

Решаем перейти на окраину деревни, последние домики, которой вплотную примыкают к опушке леса.

Пересекаем несколько огородов. На самом краю деревни притулился маленький домишко, в его боковом окне видны отблески огня, из занесенной снегом трубы струится дымок. По всему видно: топится русская печь.

Входим в домик. Антонов с автоматом наготове открывает дверь. В избе полно птичьего пуха: молодая женщина щиплет кур.

– Мать честная! Вероятно фрицы здесь. Они до курятины очень горазды.

В чулане около печи возится старушка, в руках у нее ухваты, увидев нас, она остановилась. Больше в избе никого не видно.

Женщины перепуганы, они, хоть и слышат русскую речь, но по всему видно, нам не доверяют.

– Кто в деревне? - спрашиваем мы.

– Не знаем.

– Ну как не знаете? Русские в деревне или немцы? Как вы этого не знаете?

– Мы никуда не выходим и ничего не знаем, - отвечает молодая.

Черт возьми, вот и попробуй, узнай, что здесь делается!

Кто занимает деревню – наши или фашисты, или здесь вообще никого, кроме местных жителей нет?

Пытаемся что-нибудь выяснить, не может быть, чтобы они ничего не знали.

– Колхоз ваш работает?

– Какой уж там колхоз? И кто работать будет?

– В школе ребята учатся?

– Да никаких ребят, поди, и нет в деревне, ушли все, - отвечает опять молодая.

– Колхозный скот где?

– Угнали.

– Кто угнал наши или немцы?

– Наши угнали, когда уходили.

– Кто же в деревне, Ведь нам об этом очень нужно знать и как можно скорее.

Ответ тот же – не знаем.

– Вот дедушка Митяй знает, я схожу за ним, он все вам расскажет, - говорит молодая.

Мы не уверены, какого Митяя она приведет... «Митяи» тоже бывают разные.

– Где живет ваш дед Митяй?

– Рядом, в соседях.

Я спрашиваю: «Как вас звать?».

– Меня Аннушка, а маму Прасковья.

– За дедом пойдет бабушка Прасковья. Идите, бабушка, только знайте, если вы приведете не Митяя, а полицая или немцев, вашей дочке не поздоровится раньше нашего. Вот так, а сейчас идите.

Вряд ли бы у нас поднялась рука на женщину, даже и в том случае, если бы ее мать совершила предательство, однако этой угрозой мы хотели предупредить мать о неизбежности сурового возмездия.

Соседняя хата в двух десятков шагов от нашей. Антонов наблюдает, куда пошла старушка.

Она не обманула. Через несколько минут бабушка Прасковья вышла, а следом за ней в воротах показался худой высокий старик. Они вместе идут к нам, за ними никого не видно.

Беседуем с Митяем. Он более разговорчив, чем его недоверчивые соседки. От него узнаем – немцев в деревне нет.

По мере продолжения разговора с Митяем, наши хозяйки убеждаются, что мы не немцы, а настоящие русские и не кто-нибудь, а именно летчики.

Нас угощают тыквенными семечками. Бабушка Прасковья откуда-то достала старый пузатый медный самовар. Она быстро тряпкой смахнула с него пыль, ополоснула внутри, поставила на табуретку, налила воды и положила; горячих углей. Самовар скоро зашумел и мы с великим наслаждением заправились горячим чаем. Именно чаем – у хозяек в глубоком тайнике нашлась щепотка настоящего душистого черного байхового чая.

Два передних окна в хате закрыты деревянными ставнями.

В доме сумрачно, но на улице уже день. Неожиданно доносится, шум от работы автомобильного двигателя. Спрашиваю, что за машина, откуда она?

Митяй говорит, - Машина советская, она наемдни с красноармейцами приехала.

– Где они остановились?

– Они стоят у Аграфены Быриной, через четыре огорода от нас.

Вот это здорово! Совсем хорошо.

Вместе с Пикалевым выходим на улицу. В деревне тихо, не заметно никакого движения. Немного наискосок от нас на противоположном порядке деревни стоит крытый фургон. Мы подходим к нему.

В кабине машины никого нет, от двигателя идет тепло, видно, его только что прогревали. Открываю кабину, вверху подоткнуты бумаги. Убеждаюсь: все документы на русском.

Сейчас сомнений нет: машина наша, а ее владельцы – советские солдаты.

Входим в избу. За столом четверо военных, один из них офицер с двумя кубиками в петлицах. Хватаются за оружие, мы успокаиваем их, говорим, кто мы и как сюда попали.

Из беседы узнаем, что это остатки саперного подразделения.

В деревне их всего 17 человек. В их районе наши войска отошли на восток на новые позиции. Они тоже через два часа снимаются и едут к железнодорожной станции. Мы договариваемся с ними вместе ехать. На всякий случай я спросил лейтенанта, не они ли были вчера у горящего самолета километров 25 – 30 западнее деревни?

- Что вы! Вторые сутки там никого наших быть не может, и, вообще, думаю, что мы ближе всего к немцам.

Возвращаемся в нашу хату. Антонов продолжает чаевничать. На столе лежат консервы и несколько плиток шоколада. Этими явствами он угощает бабушку Прасковью и Аннушку, они отказываются от угощения, но все же пробуют придвинутые к ним кусочки шоколада.

– Выясняется, что наши хозяйки превосходно знали обстановку в деревне и даже в своей печке пекли хлеб для красноармейцев, ночевавшего здесь подразделения.

– Что же вы сразу нам не сказали, что немцев в деревне нет?

Мы думали сами вы немцы.

– Ну как же: говорим мы по-русски и ведем себя никак фашисты.

– Это и нас в сумление ввело, только сейчас всякая тварь старается обернуться в наших.

Ровно через два часа мы распрощались с хозяйками маленького домика, расположенного на окраине деревни и более разговорчивым дядей Митяем – Дмитрием Федоровичем.

На улице к нам подошла и та женщина, которая убежала от нас при встрече у колодца. Оказывается, когда мы огородами пошли к окраине деревни, она все это время зорко следила за нами и хорошо знала, где мы остановились.

– Что же вы так поспешно убежали от нас? - спросил Антонов.

– Ой, милые... Испужалась, ой, как испужалась. Думала, жива не буду.

Мы пришли к выводу, что наше приземление имело место на территориях только что оставленной Советскими войсками и, вероятно, еще по-настоящему не занятой немцами, то есть на ничейной земле.

В этом районе не было сплошной линии фронта, благодаря чему нам удалось за ночь без помех выйти к своим.

На опустевшем полустанке мы сели на одинокий паровоз, уходивший отсюда, доехали до Мичуринска, оттуда санитарным поездом до Рязани, а там – рукой подать до Сасова, где располагался штаб дивизии, ну а до Алешина – места дислокации полка, на одной ноге можно доскакать.

Полет закончился не так, как нам хотелось, в нем возникло много технических неполадок. Вскоре после взлета полностью вышел из строя «авиагоризонт», хорошо, что погода на всем маршруте безоблачная – пользоваться прибором не было необходимости. Дефект в управлении жалюзи маслорадиатора правого мотора привел к выходу его из строя. Полет к цели проходил при сильном почти строго встречном ветре, достигавшем до 140 километров в час. Пребывание в воздухе оказалось больше расчетного. Мы сели с пустыми баками почти в полной темноте, да еще и при сильной поземке. Нам посчастливилось, сели удачно. Очевидно, мы родились под счастливой звездой. Как говорится, повезло.

Здесь, пожалуй, есть необходимость сделать одно замечание об одном психологическом моменте в поведении летчика. Случаи благополучной посадки Плиса и Коротуна стали предметом неоднократного обсуждения летчиками. Я разделял мнение многих товарищей, осуждавших решения идти на посадку в пургу и ночью вне аэродрома. Однако, оказавшись в аналогичных условиях, не дал команду экипажу покинуть самолет, а решил посадить его. Почему? Ведь я противник подобного риска и я не сделал из этого секрета. Что вынуждало меня идти против своего убеждения? Стремление быть вместе всему экипажу на территории, занятой противником, конечно, имело значение. Но главное не в этом. Самое существенное для летчика в таких случаях имеет состояние самолета. Самолет летит, и он способен лететь и дальше – летчику очень трудно покинуть его, так как он управляемый, подчиняется его воле. Опыт показывает, что в подобных обстоятельствах большинству летчиков очень тяжело расстаться с самолетом, хотя обстановка прямо-таки диктует покинуть его. Случаев, подтверждающих такое мнение, очень много имело в период Великой Отечественной войны. Посадка с зависшей бомбой Абросокина, посадка на лес Грудакова, ночная посадка в поле Шашлова, да всех и не перечислять. Со многими товарищами мне довелось часто беседовать на подобные темы, и все они говорят примерно одно и то же: «Ну как же решиться бросить самолет, если он летит, слушается рулей, подчиняется движению моих рук? Нет, такой самолет бросить не могу». Но эти же летчики, попадая в условия, полностью исключающие продолжение полета, не задумываясь, покидали самолет.

Аннотация. В статье анализируется роль организации «басидж» в послереволюционный период Ирана. Автор рассматривает условия, вызвавшие необходимость создания данной организации, а также раскрывает суть задач, возложенных на членов «басидж» Исламским правительством.

Ключевые слова. Ключевые слова: Иран, басидж, экспорт исламской революции.

BASIJ IN THE MILITARY AND POLITICAL SYSTEM OF THE MODERN IRAN

Abstract. The article analyzes the role of the Basij organization in the post-revolutionary period of Iran. The author examines the conditions that necessitated the creation of this organization, and also reveals the essence of the tasks assigned to the members of the «Basij» by the Islamic government.

Key words. Key words: Iran, Basij, export of the Islamic revolution.

А. А. Щербин (Саратов)

Исламская революция 1978 – 1979 гг. в Иране стала одним из важных событий в истории XX века, она обозначила начало новой эпохи в политико-идеологическом развитии мусульманского мира. Именно в Иране религиозный аспект наиболее ярко показал себя в социально-политическом развитии государства, пробудив феномен исламского революционного движения, смысл которого в ликвидации монархии и установлении теократического строя. Это движение, руководимое выдающимся шиитским клириком аятоллой Сейедом Рухоллой Мусави Хомейни, сумело ликвидировать сильный прозападный шахский режим и выдвинуть идеологию, на основе которой были реализованы коренные преобразования во всех сферах жизни иранского социума¹.

Чтобы осуществить эти преобразования, исламское правительство должно было опираться на институт способный консолидировать общество и мобилизовать его на борьбу с контрреволюцией. Эта задача была возложена на вновь созданную организацию «Саземан-е басидж-е мостазефин-е мардом-е Иран», что дословно с персидского обозначает «Организация мобилизации обездоленных иранского народа», или кратко «басидж» (мобилизация)². Идеология новой структуры основывалась на шиитской религиозной традиции и отвечала менталитету широких слоев иранского народа. В итоге «басидж» сыграл огромную роль в становлении Исламской Республики Иран, участвуя во всех крупных военно-политических проектах государства. К сожалению, в современной иранистике силы сопротивления «басидж» не получили должного освещения, что не способствует лучшему пониманию начального периода становления Исламской республики Иран и вообще феномена этого государства

Толчком для появления «басидж» стали ноябрьские события 1979 г., получившие со слов Хомейни название «второй революции». Студенческие демонстрации, проходившие вначале под социальными лозунгами, в результате агитационных призывов религиозных лидеров приобрели ярко выраженную антиамериканскую направленность. Имам Хомейни, умело манипулирующий народным гневом, направлял выступления социального протеста в сторону

¹ Жуков Д. Небо над Ираном ясное. М., 1999. С. 95.

² Сажин В.И. Силы сопротивления «Басидж» // Зарубежное военное обозрение. 1998 № 3. С. 21.

радикализации всей общественной, политической и семейной жизни граждан. Посредством призывов борьбы с «безбожниками» и «идолопоклонниками», движение народных масс усиливалось и все больше перерастало из народной революции в «исламскую».

4 ноября 1979 г. Организация мусульманских студентов – последователей курса Хомейни, захватила американское посольство. Студенты, взявшие в заложники дипломатический и другой персонал посольства, потребовали от правительства США выдать беглого шаха Мохаммеда Резу, пребывавшего на тот момент в Нью-Йорке¹.

Ещё больше накалило отношения двух стран событие, произошедшее 20 ноября 1979 г. в Саудовской Аравии в Мекке. В этот день – первый день XV-го столетия по мусульманскому календарю – несколько сотен боевиков во главе с Джухайманом аль-Утайби, бывшим военнослужащим национальной гвардии Саудовской Аравии, захватили контроль над главной святыней ислама – «Аль-Масджид аль-Харам», т.е. «Заповедной мечетью»². На следующий день американские газетчики необоснованно предположили, что захват совершён иранскими боевиками. Ложные обвинения Соединённых Штатов с призывами разрушать «гнездо терроризма» подтолкнули имама Хомейни учредить организацию, способную противостоять возможной агрессии со стороны Запада.

26 ноября 1979 г. выступая в городе Кум иранский лидер сообщил в послании к народу об агрессивной риторике западных и восточных антиисламских сил по отношению к Ирану и выдвинул лозунг о сплачивании народа в борьбе против угнетателей. Он сказал: «Страна с 20 миллионами молодых людей должна иметь 20 миллионов солдат; такая страна никогда не будет разрушена. Мы мобилизовались во имя Аллаха. Мы пошли по пути Аллаха. И Бог с нами»³. Тем самым получила развитие концепция об «Исламской армии 20-ти миллионов». Реализация этого замысла началось уже в декабре 1979 г., когда Корпус Стражей Исламской революции приступил к формированию народного ополчения. Предстояло обуздать неконтролируемые народные массы, и из большого числа автономных группировок, таких как «Партия Аллаха», «Студенты-мусульмане – последователи курса имама» и других менее известных, создать единую подконтрольную исламскому правительству военизированную организацию.

Составной частью этой работы стало появление «басидж». Доступ туда был открыт лицам обоих полов в возрасте от 18 до 45 лет. Помимо функций обороны, «басидж» получил назначение стать разветвленной сетью внутренней разведки. Однако в условиях начавшейся Ирано-иракской войны круг людей, пожелавших вступить в ополчение, значительно расширился. Там можно было найти 11-летних детей и 80-летних стариков. Немало оказалось женщин. Не избежал этого и «басидж»⁴.

Ополченцы «басидж» хорошо проявили себя на войне, поспособствовав остановке стремительному наступлению противника и развитию контрнаступления иранских войск посредством применения тактики «живых волн». Но исламское правительство Ирана видела в «басидже» и решение других своих проблем. В феврале 1981 г. имам Хомейни в противовес росту политического влияния

¹ Сажин В.И. Военная мощь Ирана в контексте региональной и глобальной политики. М., 1999. С. 37.

² Васильев А.М. Персидский залив в эпицентре бури. М., 1983. С. 33.

³ *Imam Khomeini. Literacy mobilization.* Tehran, 1980. P. 50.

⁴ Сажин В.И. Корпус стражей исламской революции Ирана – государство в государстве // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 3. С. 89.

Абольхасана Банисадра¹ добился передачи управления «басидж» Корпусу Стражей Исламской революции, а затем наделил правом вербовать в эту организацию, военных призывников. В результате Корпус Стражей Исламской революции, получил вдобавок к своей 200-тысячной армии мощный резерв в 1 миллион бойцов «басидж». Это многочисленное войско было рассредоточено по всему фронту и, по сути, контролировало регулярные вооружённые силы, путём «растворения» последних в ополченской массе. Как точно выразилась французская газета «Монд», для того чтобы каждая победа принадлежала «народу», а каждое поражение регулярным войскам.

Помимо борьбы с внешним и внутренним врагом, организации «басидж» вверялась, также, более глобальная функция – экспорт исламской революции. Сразу же после свершения революции имам Хомейни призвал не останавливаться на достигнутом, поскольку сверхдержавы не успокоятся, пока не разрушат исламский режим, раскрывающий глаза всем угнетенным в мире. Он заявил: «Мы, кто начал движение, сделали это ради ислама. Наша республика – это Исламская Республика. Движение во имя ислама, не может быть ограничено одной страной. Оно не может быть ограничено исламскими странами»².

Однако, как вскоре выяснилось, экспорт «исламской революции» встретил мощное сопротивление на Ближнем Востоке капиталистических сверхдержав, опиравшихся на Израиль и нефтяные монархии Персидского залива. Преодолеть это препятствие и должны были бойцы «басидж». Планировалось сформировать «Великую исламскую армию», включив в неё кроме басиджистов отряды Организации освобождения Палестины и афганских моджахедов³. По этот план провалился из-за позиции палестинского лидера Ясира Арафата, отвергнувшего идею исламизации палестинского движения, что, естественно, вызвало недовольство Тегерана, ориентирующегося на поддержку, прежде всего, исламских движений «угнетённых» и «обездоленных».

Эту затею не поддержал и видный деятель афганского движения сопротивления Гульбедин Хекматияр, хотя и являлся приверженцем активной исламизации Афганистана. Он даже несколько раз публично объявлял о желании переместить свою штаб-квартиру в Иран, но так и не смог преодолеть финансовую зависимость от Запада, который в свою очередь диктовал ему свою позицию⁴.

Но окончательно разрушили иранские планы исламизации на региональном и глобальном уровне наступившие вскоре провалы в войне с Ираком. Доблестные бойцы «басидж» и Вооружённые силы Ирана хотя и смогли остановить наступление Ирака, но не сумели разгромить противника война затянулась. В итоге иранские идеологи-богословы были вынуждены отказаться от силового экспорта исламской революции и перейти к экспорту исламской культурной революции который, впрочем, также возлагался на организацию «басидж»⁵.

¹ Банисадр Абольхасана – 1-й президент Исламской Республики Иран. Снят с поста президента аятоллой Хомейни в июне 1981 г. Сумел избежать ареста и тайно эмигрировать во Францию.

² Доктрина Исламской Революции. Избранные мысли и взгляды Имама Хомейни. М., 2009. С. 84.

³ Юртаев В.И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. М., 2018. С. 52.

⁴ Тегин Ю.Л. Политика экспорта исламской революции как специфическая форма военно-политической деятельности (ИРИ – 80-е годы) // Ближний Восток и современность. Вып. 7. М., 1999. С. 305–306.

⁵ Ткачев В.В. Теория и практика экспорта исламской революции на примере Ирано-Иракской войны // История и историческая память. Сб. науч. трудов. Вып. 15. Саратов: Изд-во Саратовского университета 2017. С.89.

В послевоенный период организация превратилась в своеобразную «полицию нравов». Реорганизовав свою структуру, она стала орудием в руках клерикальной верхушки в насаждение радикального ислама в Иране. Здесь два основных способа: через религиозное воспитание своего собственного личного состава, на основе строжайшего соблюдения шариата и положений Корана, а также силового подавления любой оппозиции. По мнению сегодняшнего руководства, такой путь должен взрастить в своей среде «сильных и целеустремленных личностей», которые станут преподавателями-праведниками, распространяющими исламскую культуру¹.

Таким образом, полувоенная организация «басидж» является неотъемлемой частью военно-политической системы Исламской Республики Иран. Это «народное ополчение», имея сильную теоретическую основу и приличный военный потенциал, заставляет считаться с собой все антииранские силы.

¹Сажин В.И. Корпус стражей исламской революции Ирана – государство в государстве. С. 34.

ПАМЯТЬ И РЕКОНСТРУКЦИЯ

УДК 93/94.908

75-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ВЫСТАВКАХ, ЭКСПОЗИЦИЯХ И ИСТОРИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЯХ МУЗЕЕВ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЙНЫХ САЙТОВ)

Аннотация. Музеи призваны не только сохранять вещественные памятники прошлого, но и историческую память людей. Одним из важнейших событий в истории нашей страны стала Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В данной статье предпринята попытка рассмотреть деятельность муниципальных музеев по сохранению исторической памяти об этом трагическом событии, одной из областей, являвшейся в военные годы прифронтовым районом. На основе проведённого анализа музейных выставок, экспозиций, исторических реконструкций, размещённых на сайтах музеев, можно констатировать, что они выполняют важный социальный заказ по формированию у россиян, особенно подрастающего поколения, чёткой гражданской позиции, чувства патриотизма, любви к своей родине и уважения к её истории.

Ключевые слова: война, документы, музей, память, патриотизм, экспозиция.

THE 75-TH ANNIVERSARY OF THE VICTORY OF THE SOVIET PEOPLE IN THE GREAT PATRIOTIC WAR IN EXHIBITIONS, EXPOSITIONS AND HISTORICAL RECONSTRUCTIONS OF MUSEUMS IN THE SARATOV OBLAST' (REGION) (BASED ON MATERIALS FROM MUSEUM SITES)

Abstract. Museums are called upon not only to preserve material monuments of the past, but also the historical memory of people. One of the most important events in the history of our country was the Great Patriotic War of 1941–1945. This paper attempts to consider the activities of municipal museums in preserving the historical memory of this tragic event, one of the areas that were frontline ones during the war years. Based on the conducted analysis of museum exhibitions, expositions, historical reconstructions posted on the websites of museums, it can be stated that they fulfill an important social order for the formation of a clear civic position among Russians, especially the younger generation, a sense of patriotism, and love for their homeland and respect for its history.

Keywords: war, documents, museum, memory, patriotism, exposition.

С. В. Лёвин (Москва)

Появление музеев вызвано потребностью общества в институтах исторической памяти, которые способствовали бы формированию мировоззрения, ценностных ориентаций человека и гражданина. В последнее время социально-общественная и культурно-образовательная роль музеев в нашем обществе заметно возросла. Они призваны содействовать «активизации интереса к изучению истории России и формированию чувства уважения к прошлому нашей страны, её героическим страницам, в том числе сохранению памяти о подвигах защитников Отечества», – говорится в Постановлении Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493 «О государственной программе

“Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы”»¹.

Музейная сеть в стране представлена широким спектром этих учреждений различных уровней территориального нахождения и административного подчинения. Среди них скромное, по наличию экспонентов, занимаемой площади, статуса, численности кадрового состава, но исключительно важное, по культурно-просветительному и воспитательно-образовательному воздействию место занимают музеи муниципалитетов области. Можно с уверенностью утверждать, что каждый такой музей имеет экспозицию, отдельные экспонаты, документы, связанные с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг. Готовясь к 75-летию юбилею этого исторического события, музеи Саратовской области проделали колоссальную работу. Наряду с традиционными тематическими экспозициями работники музеев, успешно использовали в своей работе и новые технологии: реконструкции исторического события, виртуальные выставки, видео-выпуски, онлайн конкурсы и викторины, оцифровку видео и аудио записей воспоминаний ветеранов войны и т. д. Так, сотрудники Балашовского краеведческого музея поставили около здания музея макет блиндажа и проводили тематическую экскурсию, рассказывая, как мог проходить один день 296-го дивизиона, охранявшего местный железнодорожный узел. Краеведческий музей г. Аркадака на протяжении последних лет успешно экспонируют реконструкции сурового и аскетичного домашнего быта военной поры местных жителей². Эти реконструкции несут в себе мощный познавательный-воспитательный потенциал, поскольку посетители воочию видят, в каких тяжёлых условиях жили и трудились в годы войны их земляки, возможно, родные и близкие. Важно и то, что реконструкция, в большинстве случаев, экспонирует оригинальные предметы той поры, создавая, тем самым, атмосферу «вхождения» посетителей в неё. Видя светомаскировку на окне состоящую из наклеенных на стёклах крест-накрест полосок бумаги, керосиновую лампу или масляную коптилку, печку-буржуйку (если она есть в музее), минимум постельного белья на кровати или диване, одежду, состоявшую в холодную погоду, из ватной фуфайки, шапки-ушанки и кирзовых сапог, мы представляем как из морально-психологических аспектов, восприятия сурового законодательства и контроля военного времени, информационно-идеологических моментов мотивации трудовой деятельности, влияния на неё слухов, писем с фронта, образа И.В. Сталина, советских полководцев и ряда других факторов складывалась повседневная жизнь населения прифронтовых областей в годы войны. Кроме того, в воссозданной обстановке военного времени можно осуществлять театрализованные постановки, что успешно и осуществили учащиеся муниципального бюджетного образовательного учреждения средней общеобразовательной школы села Стригай. В музее истории и краеведения Базарно-Карабулакского района они поставили спектакль «Военная пасха», посвящённый Великой Отечественной войне³.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493 «О государственной программе “Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы”». [Электронный ресурс] // URL: <https://drive.google.com/file/d/0B98yO6yD5CeFUU5YeXA5YnFIRGM/view> (дата обращения 14.07.2020 г.).

² Аркадакский музей краеведения. [Электронный ресурс] // URL: <https://ok.ru/profile/580229903805> (29.06.2020 г.).

³ Официальный сайт администрации Базарно-Карабулакского муниципального района. Новости культуры. [Электронный ресурс] // URL: http://bkarabulak.sarm.ru/?Itemid=271&id=260&option=com_content&vie (дата обращения 06.09.2020 г.).

Ртищевский краеведческий музей подготовил тематическую выставку о подвиге местных железнодорожников в годы войны. И здесь следует отметить экспозицию-реконструкцию семейного быта железнодорожника. Она показывает, насколько неприхотливым он был, насколько мелкими, на фоне общей трагедии, выглядели житейские проблемы, которые в мирное время казались очень существенными. На виртуальной выставке «Слушать небо», посвящённой средствам ПВО, защищавшим ртищевское небо от вражеских самолётов, представлена реконструкция наблюдательного поста в натуральную величину, макет «ложной станции», отвлекавшей вражескую авиацию от настоящей цели, благодаря чему удалось сохранить железнодорожный узел от разрушения. В одном из музейных видео-выпусков акции «Стальной узел» повествуется о работе железнодорожной станции Ртищево, через которую на фронт бесперебойно шли эшелоны с воинскими грузами. Виртуальные выставки позволяют существенно расширить охват аудитории. На них нередко экспонируются документы, которые, далеко не всегда, музеи выставляют в своих залах. К примеру на виртуальной выставке «О вас, о тружениках тыла, кто час Победы приближал», подготовленной коллективом Петровского краеведческого музея, демонстрируются квитанции о передаче личных сбережений на нужды фронта жителей города, а также окрестных сёл и деревень, правительственные поощрительные телеграммы, фотографии и наградные документы тружеников тыла и целых трудовых коллективов г. Петровска и района¹. Ряд документов представлен широкой публике впервые.

Безусловно, интересным и перспективным направлением в музейной выставочной деятельности является выставка произведений искусства, посвящённых военной тематике. Балашовский и Хвалынский музеи организовали выставки картин местных художников по военной теме, а Вольский – выставки-конкурсы детского и юношеского рисунков, посвящённых победе советского народа в Великой Отечественной войне. Сотрудники Вольского и Петровского музеев подготовили выставку картин из своих собраний «Война глазами художника», на которой представлены произведения живописи, фронтовые зарисовки и рисунки художников-земляков, участвовавших в войне². Кроме того, Хвалынский краеведческий музей совместно с районным методическим объединением учителей истории, школьными музеями, волонтерами осуществил поисково-краеведческий проект «Память жива», который состоит в проведении конкурса работ, направленного «на сбор материалов о земляках – ветеранах войны, тружениках тыла, детях военных лет, узниках концлагерей, всех тех, чьи судьбы неразрывно связаны с историей противостояния фашистской агрессии...»³. В данном случае мы видим позитивный результат от объединения усилий работников музея и учителей истории.

Думается, не будет значительным преувеличением заявить, что особое место в экспозициях занимают письма с фронта, так называемые, «солдатские

¹ Виртуальная выставка «О вас, о тружениках. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.culture.ru/events/647769/virtualnaya-vystavka-o-vas-o-truzhenikakh-tyla-kto-chas-pobedy-priblizhal> (дата обращения 26.07.2020 г.).

² Вольский краеведческий музей. [Электронный ресурс] // URL: <http://vkmvolsk.ru/index.php/ekspozicii-i-vystavki/arxiv/> (дата обращения 29.05.2020 г.); Виртуальная выставка «Сражающееся искусство». [Электронный ресурс] // URL: <https://www.culture.ru/events/603066/virtualnaya-vystavka-srazhayushee-iskusstvo> (дата обращения 29.05.2020 г.).

³ Хвалынский краеведческий музей. Поисково-краеведческий проект «Память жива». [Электронный ресурс] // URL: <https://km-khvalynsk.srt.muzkult.ru/afisha/event/48508964> (дата обращения 26.07.2020 г.).

треугольники». Трогательную выставку солдатских писем организовали сотрудники краеведческих музеев Петровска, Пугачёва и Балаково. «О чем писали фронтовики, идущие по дороге войны в “обнимку” с болью и жестокостью, противостоящие коричневой чуме, сеющей повсюду ненависть и смерть? Конечно о любви и о жизни. Каждое слово в солдатском письме пронизано переживанием за своих жен, детей и родителей, оставшихся в тылу, которые со страхом смотрели на сумку почтальона, боясь, что тот вместо письма, сложенного треугольником, достанет казенный конверт с бедой внутри – с извещением о смерти любимого человека. Выставка даст возможность увидеть эти трогательные треугольники и прочесть строки солдатских писем, сопереживая чувствам и тревогам защитников Родины», – говорится в аннотации виртуальной выставки «Под пулями не лгут», устроенной сотрудниками Петровского музея¹. На сайте музея истории г. Балаково регулярно помещаются письма с фронта. Вот одно из таких писем от 24 ноября 1944 г. балаковца В.И. Воробчука своей жене и детям: «Ну что же попробуем в последний раз последнее наступление, кто будет жив тот будет Герой, ну а кто не будет значит просто не повезло. Скучаю о тебе больше чем когда-либо, очень часто вижу свою черноглазую Валю во сне. Разве можно описать в письме, мое стремление видеть тебя, ласкать мою умную черноглазую Валю, жить и работать только для своей Вали – мамы моих дочек. Я много фантазирую о жизни после войны. Я знаю только одно, что моей Вале после войны нужно много и много отдыхать, нужна спокойная и счастливая жизнь»². Нельзя без волнения читать это письмо.

Чтение фронтовых писем и стихотворений, посвящённых войне, организовал Краснокутский краеведческий музей имени Г.С. Титова, при активной информационной поддержке местной газеты «Краснокутские вести». Можно лишь поприветствовать такое содружество музея и средств массовой информации. Выставку фронтовых писем женщин, участвовавших в войне, экспонирует краеведческий музей с. Александров–Гай. Логично предположить, что это была инициатива одной из его создательниц, участницы войны Р.Г. Игнатъевой. Оригинальный, возможно и небесспорный, проект запустил Ровенский музей краеведения имени Н.М. Пяхина, совместно с районным домом культуры филиалом которого он и является. Наряду с детскими рисунками, аппликациями, открытками, плакатами и поделками, работники музея и дома культуры объявили конкурсы на «художественно-тематическое оформление стен домов, окон, гаражных и входных ворот, дворовых территорий...» и «праздничного стола в стиле военного времени»³. Будет ли производиться его дегустация – не указано.

Традиционными были и продолжают оставаться встречи с ветеранами Великой Отечественной войны. Среди музейных экспонатов, воссоздающих атмосферу военной поры, такие встречи выглядят особенно волнительно для всех, кто на них присутствует. Сотрудники ряда музеев, с разрешения участников мероприятия, вели его аудиозапись и видеосъёмку. Если ветеранам было очень трудно присутствовать на встрече в музее, его персонал посещал, как правило, с чиновниками местной администрации, их на дому. Именно так поступили работники Воскресенского краеведческого музея, снявшие на видеокамеру

¹ Выставка «Под пулями не лгут». [Электронный ресурс] // URL: <https://www.culture.ru/events/633016/vystavka-pod-pulyami-ne-lgut> (дата обращения 02.06.2020 г.).

² Музей истории г. Балаково. Солдатские мечты о мирной жизни. В.И. Воробчук. [Электронный ресурс] // URL: https://vk.com/@museum_balakovo-soldatskie-mechty-o-mirmoi-zhizni-viktor-ipatevich-vorobchuk (дата обращения 06.07.2020 г.).

³ Онлайн акция «Есть память!». [Электронный ресурс] // URL: <http://rdk-rovnoe.ru/custom/27> (дата обращения 12.08.2020 г.).

посещение сотрудниками районной администрации, проживающих в рабочем посёлке Воскресенское, ветеранов Великой Отечественной войны, и сделав их интервью¹. В этом видится большой плюс работе музея, поскольку сделанная аудио или видеозапись уже сама по себе, со временем, становится историческим документом, который успешно можно использовать при проведении в музее, доме культуры, школах, колледжей уроков мужества и памяти с учащимися. Именно по такому пути пошёл коллектив Ртищевского музея, на протяжении 17 лет собиравший видеоархив воспоминаний ветеранов войны². Теперь он сам стал историческим источником. К нему обращаются учителя ртищевских школ, лицеев и колледжей при подготовке уроков и внеклассных мероприятий, сами учащиеся.

Наряду с онлайн акциями «Бессмертный полк» и «Военный фотоальбом», интересную и малоизученную тему предложили в краеведческом музее г. Маркса – немцы Поволжья в годы войны³. Поскольку город был основан немцами-колонистами (г. Екатериненштадт – С. Л.), выбор такого сюжета местной истории представляется оправданным. Акция «Бессмертный полк» в муниципальных музеях приобрела несколько задач и предназначений. Она стала не только символом исторической памяти, но и поисково-исследовательской деятельности. При этом многие музеи не ограничиваются просто сбором данных о ветеранах, а переводят их в видео-формат и размещают на своих сайтах. Например, ртищевцы подготовили уже восемь видео-выпусков этой акции, из которых семь размещены на музейном сайте. «Бессмертный полк онлайн 2020» значится на сайте Красноармейского краеведческого музея имени В. К. Егорова. Более того, там же размещена и викторина «Фронтной привал» для всех желающих⁴. Хочется надеяться, что это начинание будет продолжено и поддержано другими музеями области.

Востребованными остаются выставки, посвящённые какому-либо уроженцу района, земляку, совершившему подвиг, ставший широко известным. Аркадакский краеведческий музей постоянно демонстрирует своим посетителям экспонаты, связанные с уроженцем деревни Чапушка Аркадакского района И. М. Каплуновым, уничтожившим 9 танков противника во время Сталинградской битвы и награждённого посмертно звездой Героя Советского Союза.

Оригинальную задумку воплотили в жизнь сотрудники Пугачёвского краеведческого музея имени К.И. Журавлёва. Они подготовили и выложили на свой сайт несколько, красиво оформленных, информационных буклетов, каждый из которых посвящён земляку – герою Великой Отечественной войны, с его фотографией, биографической справкой, описанием боевого пути и совершённого подвига⁵. При этом сотрудники музея планируют на достигнутом не останавливаться. На площадке видео-хостинга YouTube ими создан канал «Памяти героев», на котором будут размещены краткие видеоролики о пугачёвцах – участниках войны. Также музеем подготовлена тематическая выставка

¹ Воскресенский краеведческий музей. [Электронный ресурс] // URL: <https://vk.com/vskmz> (дата обращения 28.05.2020 г.).

² Ртищевский краеведческий музей. [Электронный ресурс] // URL: https://vk.com/museum_rt (дата обращения 30.05.2020 г.).

³ Марксовский краеведческий музей. [Электронный ресурс] // URL: https://vk.com/museum_marks (дата обращения 10.09.2020 г.).

⁴ Красноармейский краеведческий музей им. В.К. Егорова. Викторина «Фронт. Привал». [Электронный ресурс] // URL: <http://muzei.krasnoarmeiki.ru/bez-rubriki/viktorina-frontovoj-prival> (дата обращения 30.08.2020 г.).

⁵ МУК «Пугачёвский краеведческий музей им. К.И. Журавлёва. Информационные буклеты. [Электронный ресурс] // URL: <http://muzey-pugachjov.ru/информационные-буклеты.html> (дата обращения 14.09.2020 г.).

документов о земляках участвовавших в Сталинградской битве. Среди них и деятель итальянского Сопротивления, награждённый Гарибальдийской звездой, Ф.Г. Беляев. Он попал в плен и бежав из него, воевал в итальянской третьей партизанской бригаде дивизии имени Джузеппе Гарибальди¹.

Итак, музеи Саратовской области, многие из которых являются филиалами Саратовского областного музея краеведения, активно участвовали и участвуют в торжественных мероприятиях, посвящённых победе советского народа в Великой Отечественной войне. Но, на наш взгляд, есть и некоторые упущения в их деятельности. Так, ни один из них не подготовил экспозиции «Дети войны». Открытый к 50-летию Великой Победы, 7 мая 1995 г., краеведческий музей посёлка городского типа Дергачи, содержит всего лишь одну экспозицию, посвящённую знаменательному событию. Балашовский краеведческий музей мог бы объединить свои усилия с музеем местного учебного авиационного центра подготовки лётного состава Краснодарского военного авиационного института (бывшее Балашовское высшее военное авиационное училище лётчиков – С. Л.) для создания экспозиции, а возможно, нескольких экспозиций о балашовцах-лётчиках, участвовавших в Великой Отечественной войне. В русле прежних постоянных экспозиций, фигурально выражаясь, «застыл» и Аткарский музей краеведения, хотя и хранит интересные экспонаты о 14 земляках, прошедших войну, и ставших героями Советского Союза, в том числе об одном из участников ликвидации гауляйтера Белоруссии Вильгельма фон Кубе Н. В. Похлебаеве, лётчике-истребителе А.С. Данилове, сбившем 22 июня 1941 года три вражеских самолёта. В музее также находятся и личные документы колхозника-пасечника Ф.П. Головатого, купившего на личные сбережения два самолёта для фронта. Конечно, серьёзной проблемой музея была и остаётся нехватка площадей для экспонирования документов и экспонатов. Но создать виртуальные выпуски экспозиция, посвящённые войне, землякам-героям, думается, музею, вполне, по силам. Фото-рубрикой «Лица войны – лица Победы», ограничился и Турковский краеведческий музей².

К сожалению, у муниципальных музеев нет средств и технических возможностей на создание более масштабных реконструкций, например, госпиталя, которых в Саратовской области, в силу её статуса прифронтового региона, находилось значительное количество, ещё более возросшее после начала Сталинградской битвы. В одном только Балашове их насчитывалось более двадцати. Думается, здесь существенную, прежде всего, материальную помощь могли бы оказать местные администрации и предприниматели.

Безусловно, музеям следует активизировать поисковую работу, плотнее сотрудничать с теми поисковыми отрядами и группами, которые действуют в городе. К примеру, в Балашове, при муниципальном бюджетном учреждении дополнительного образования «Центр дополнительного образования «Созвездие»» результативно работает поисково-краеведческий отряд «Рубеж», организованный историком-краеведом А.О. Булгаковым, который помог установить личности около 50 балашовцев, пропавших в годы войны³. Активно сотрудничает с поисковиками музей истории г. Балаково.

¹ Сулейманова Н. Роль жителей Пугачёва и Пугачёвского района в Сталинградской битве (по фондам краеведческого музея). [Электронный ресурс] // URL: <http://muzey-pugachjov.ru/роль-жителей-города-пугачева-и-пугаче.html> (дата обращения 16.08.2020 г.).

² Турковский краеведческий музей. [Электронный ресурс] // URL: <https://ok.ru/group/56921302368455> (дата обращения 16.09.2020 г.).

³ Поисковый отряд «Рубеж». [Электронный ресурс] // URL: https://vk.com/poiskoviki_balashov (дата обращения 24.05.2020 г.).

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что экспозиции, выставки документов, реконструкции, иные мероприятия, посвящённые Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., проводимые муниципальными музеями, подготавливаются тщательно, кропотливо, со всей ответственностью и пониманием их сотрудниками исторического значения этого события. В последнее время появились новые формы организации музейных экскурсий и тематических выставок. Перспективными представляются виртуальные, представленные в формате 3D экспозиции, документы, позволяющие лучше представить событие, образно говоря, «окунуться» в него. Популярными стали реконструкции военного быта мирного населения, затишья на фронте, сражения и т. д. Запечатлённые в статике, они позволяют проникнуться атмосферой военных лет.

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 94(519)

ИСТОРИОГРАФИЯ КОРЕЙСКОЙ ВОЙНЫ 1950-1953 ГГ.: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена изучению основных этапов и тенденций в историографии Корейской войны 1950-1953 гг. Автор уделяет внимание, как отечественным исследованиям по корейскому конфликту, так и зарубежным, обращая внимание на концептуальные и конъюнктурные особенности изучения данной проблемы.

Ключевые слова: Корейская война, Северная Корея, Южная Корея, корейский полуостров, историография, китайские народные добровольцы.

HISTORIOGRAPHY OF THE KOREAN WAR OF 1950-1953: THE MAIN STAGES AND PROBLEMS OF STUDY

Abstract. The Article is devoted to study the main stages and trends in the historiography of the Korean war 1950-1953 Author pays attention to how the domestic research on the Korean conflict and foreign, paying attention to conceptual and situational features of studying this problem.

Keyword: Korean war, North Korea, South Korea, Korean Peninsula, historiography, Chinese people's volunteers.

А. Н. Сулимин (Саратов)

В 2020 г. исполнилось 70 лет с начала одного из крупнейших военных конфликтов XX в. – Корейской войны 1950–1953 гг. Об этой войне написано немало литературы, но она продолжает оставаться одной из самых малоизвестных в ряду военно-политических противостояний XX столетия. Связано это с тем, что некоторые события войны долгое время держались под секретом, соответственно, научных работ написано значительно меньше, чем по другим событиям «холодной войны».

Изучение Корейской войны в отечественной историографии можно разделить на ряд этапов, которые имеют свои концептуальные и конъюнктурные особенности¹.

На первом этапе с июня 1950 г. по июль 1953 г. литература, выходящая в СССР служила инструментом советской пропаганды, цель которой –обличить капиталистические страны как виновников корейского конфликта, и показать жестокие методы ведения ими войны в отношении гражданского населения Северной Кореи.

¹ Здесь так же будет учитываться некоторая иностранная литература. Для сравнения с отечественной историографией она будет фиксироваться в хронологическом порядке.

Сразу после начала военных действий В.В. Ковыженко написал небольшую монографию «Корейская Народно-Демократическая Республика»¹, пытаясь показать, что развитие КНДР носило более прогрессивный характер, нежели буржуазно-феодалной Южной Кореи. В 1951 г. были опубликованы книги И. Кравцова «Агрессия американского империализма в Корее»² и труд советских журналистов «Корея в борьбе»³, красочно описывающие подвиг северокорейского народа, против южнокорейской армии и примкнувших к ним войск ООН. В 1952 г. вышла в свет похожая работа Е.А. Пигулевской «Корейский народ в борьбе за независимость и демократию»⁴.

Достаточно известна в отечественных научных кругах книга очерков очевидца корейских событий корреспондента А. Ткаченко⁵, которая писалась в 1950–1952 гг. Очерки не являются специальным научным исследованием, но по своей направленности и тщательности подбора материалов заслуживают того, чтобы упомянуть их как исторический источник⁶.

В эти годы стали появляться и иностранные труды о Корейской войне. В первую очередь это работа либерального американского журналиста Ирвина Стоуна «Закулисная история Корейской войны»⁷. Автор показывает безперспективность корейской авантюры для Вашингтона и раскрывает «позорную роль» ООН в эскалации войны. Отметим также книгу «Свидельство о Китае и Корее» члена Всемирного Совета мира француза Ива Фаржа, который находился в Корее летом 1952 г.⁸. Этот автор был значимым общественным деятелем и выступил с критикой действий авиации ООН, использовавшей против мирных граждан бактериологическое оружие в нарушении Женевской конвенции 1925 г.

В книге вернувшегося из Кореи британского солдата Джулиана Танстолла⁹ звучит протест против войны, развязанной, по его мнению, не без участия Вашингтона. В тоже время он противопоставляет отношение офицеров к простым солдатам в Королевской армии и в армии США, и делает вывод о большем демократизме последних.

В этот же период в СССР публиковалась переводная западная литература антивоенного содержания. Так, издательство «Правда» опубликовало очерки известного английского общественного деятеля и лейбориста Моники Фелтон. Она побывала в Корее в 1951 г. во время наступления американцев и войск ООН и подвергла их критике за действия, повлекших большие жертвы среди мирного гражданского населения. Очерки опубликованы не полностью, вполне возможно советская цензура изъяла фрагменты текста в которых также криковались действия китайско-северокорейских союзников¹⁰.

¹ Ковыженко В.В. Корейская Народно-Демократическая Республика. М., 1950.

² Кравцов И. Агрессия американского империализма в Корее. М., 1951.

³ Васильев А. Корея в борьбе: заметки журналистов. М., 1951.

⁴ Пигулевская Е.А. Корейский народ в борьбе за независимость и демократию. М., 1952.

⁵ Ткаченко А. Героическая Корея. М., 1953.

⁶ Борзенко С. Мужество Кореи. М., 1953.

⁷ Stone I.F. The Hidden history of the Korean War. New-York., 1952.

⁸ Farge Y. Témoignage sur la Chine et la Corée. Paris., 1952.

⁹ Tunstall J. I fought in Korea. London., 1953.

¹⁰ Фелтон М. Почему я поехала в Корею. М., 1953.

Литература военного периода писалась в основном очевидцами корейских событий и имеет, поэтому, хороший фактический материал. Текст изложения носит зачастую эмоциональный характер, что оправдывается пропагандистской целью показать агрессивность и милитаризм капиталистического общества. Научность здесь вторична. На первый план выходят эмоциональные приемы воздействия на читателя. Речь идёт в основном о жертвах среди корейского народа, жестокостях американских империалистов. При этом всячески замалчивалось участие Советского Союза в корейском конфликте.

Второй этап изучения Корейской войны длился с момента окончания Корейской войны вплоть до конца перестройки и распада СССР. В 1950–1960-х гг. в свет выходили обобщающие труды по корейской проблематике. Одним из таких трудов являлась работа корееведа-историка генерала С. Лотоцкого, предложивший свой вариант периодизации войны¹. Автор предлагает разделить военные действия по их характеру на маневренный и позиционный периоды. Кроме того он делит боевые действия на кампании и на операции, определяя конкретные их названия, например: летне-осенняя кампания 1950 г., осенняя кампания 1950 г. или «Сеульская операция», «Сувонская операция» и т.д.. Это отличает его от предыдущих авторов, дававшие этим операциям только порядковые номера.

Некоторые книги вышли и в США. Наиболее известные из них: книга К. Уитни «Макартур и его встречи с историей»² и К. Бергер «Корейский узел»³. В этих трудах авторы находятся на противоположных позициях с советской историографией.

В 1970-е гг. исследователи больше внимания уделяли проблемам, относящимся к военной истории, нежели политическим вопросам. Из подобных работ наиболее интересен труд генерала В.А. Мацуленко «Локальные войны империализма (1946–1966)»⁴. Большую часть книги занимает материал посвященный войне в Корее, в котором рассматриваются проблемы маневренного и позиционного периодов войны, вооруженной борьбы в тылу врага и, безусловно, итоги, и уроки войны. Значимое место в историографии занимает книга Г.И. Короткова «Американский милитаризм в войнах»⁵. Автор показал как фактор внезапности в Корейской войне сыграл важную роль.

Впервые материал о Корейской войне начал появляться и в учебной литературе⁶. Некоторый справочный материал о данной теме был помещен в «Советскую военную энциклопедию»⁷. Интересная статья посвященная торгово-экономическим и культурным отношениям между СССР и Северной Кореей была написана очевидцом корейских событий П.И. Сакуном⁸.

¹ Лотоцкий С. Война в Корее 1950-1953 годов // Военн. ист. журнал. 1959. №10.

² Whithney. C. MacArthur: His Rendevous with History. New York., 1956.

³ Berger C. Korean knot. Philadelphia., 1957.

⁴ Мацуленко В.А. Локальные войны империализма (1946–1966). М., 1970.

⁵ Коротков Г.И. Американский милитаризм в войнах. М., 1973.

⁶ Отечественная освободительная война корейского народа (1950–1953) // История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т.2. Глава 2. М., 1974.

⁷ Советская военная энциклопедия. Т.41. М., 1977.

⁸ Сакун П.И. Незабываемое // Проблемы Дальнего Востока. 1978. №3. С. 94-98.

В 1980-х гг. стало очевидным, что в обзорных материалах и им подобных публикациях показать что-то принципиально новое маловероятно, особенно в рамках единой структуры материала, при подавляющем однообразии в источниках и методике освещения событий. Только с привлечением некоторого иностранного материала Г.К. Плотникову удалось разбавить старые подходы в труде «Отечественная освободительная война корейского народа», так же посвященным военным действиям¹. Автор показал, что в тактике боя мелких подразделений китайских добровольцев большое значение имел опыт партизанской борьбы в годы японского колониального господства.

В перечисленных публикациях данного второго этапа был обобщен немалый фактический материал. Но только тот, который был доступен учёным в силу тогдашних условий. Как следствие, из-за ограниченности доступа к архивным документам, в работах подчас неоднократно упоминались одни и те же факты и делались ссылки на одни и те же документальные материалы.

Третий этап включает в себя 1990-е гг. XX века. Его можно охарактеризовать как время нового взгляда на проблемы истории. В значительной степени произошла переоценка прошлого. Это было связано с распадом СССР и рассекречиванием многих документов в советских архивах. Старая идеологическая система рухнула, нужно было найти новые тезисы для понимания Корейской войны.

Авторы первых публикаций этого периода, как правило, ставили в своих материалах два основных вопроса: кто Корейскую войну начал, и какова ее цена. На эти вопросы старались ответить, даже если не было документальных подтверждений своей точки зрения. Так автору было проще выразить свои симпатии той или иной враждующей стороне. К таким публикациям, претендующим на «сенсационность» можно отнести, например, небольшую статью С. Воловца в журнале «Родина»². Здесь впервые в отечественной историографии Северная Корея была названа интервентом, развязавшим Корейскую войну.

В статье С. Усова рассматриваются проблемы участия Китая в войне³. Автор на основе китайских материалов пытался показать, как трудно далось китайскому руководству решение о вступлении в войну. Впервые были опубликованы воспоминания Н.С. Хрущева⁴. Он рассказал о взаимоотношениях между Сталиным и Ким Ир Сен. Причем Ким Ир Сен в мемуарах Хрущева представлен более положительной личностью, чем вождь советского народа, который «оставил союзников погибать в одиночке». Также Хрущев описывает вступление китайцев в войну. Ключевым тезисом мемуаров Хрущева является его замечание, что война в Корее «не война одного народа против другого, а война классовая».

¹ Плотников Г.К. Отечественная освободительная война корейского народа // За мир на земле Кореи: Воспоминания и статьи. М., 1985.

² Воловец С. Запрещенная война // Родина. №5. 1990. С. 13–15.

³ Усов С.Н. Кто направил китайских добровольцев? // Проблемы Дальнего Востока. 1990. №6. С. 108–111.

⁴ Хрущев Н.С. Правда о корейской войне: Из воспоминаний // Проблемы Дальнего Востока. 1990. №6. С. 105–107.

В 1990 г. Борис Славинский в публикации в журнале «Новое время»¹ поставил следующие вопросы: «Кому была выгодна эта война – США или Советскому Союзу? Чьи политические ошибки были оплачены миллионами жизней?» На первый вопрос Славинский ответил частично. Он доказывает, что война в Корее не входила в планы внешней политики США, эта война была нужна Ли Сын Ману, а американцы его сдерживали. Более того он пишет, что американцы были не готовы развязать на Дальнем Востоке третью мировую в конфликте с СССР. «Главная опасность для США заключалась в возможности потерять Западную Европу, которая легко могла попасть в руки Советов». Также он выделяет две версии начала войны – советскую и американскую, но при этом не делает собственного вывода о главных зачинщиках войны. В качестве источников Славинский привлекает мемуары президента США Г. Трумэна и госсекретаря Д. Ачесона.

В постперестроечный период выдержки из рассекреченных архивных документов были опубликованы генералом Дмитрием Волкогоновым². Автор пытается доказать, то что Ким Ир Сен первым начал подготовку к войне, однако в качестве доказательств приводит только переписку Пхеньяна с Москвой, не подтверждая свод вывод другими источниками.

В условиях отсутствия цензуры многие очевидцы войны смогли рассказать о фактах, о которых раньше не принято было говорить. Сенсационной для того времени стала статья Г. Туманова, который работал в 1950–1953 гг. в аппарате министерства обороны СССР³. Как никто до него Туманов критикует действия социалистических союзников СССР и КНДР и особенно И.В. Сталина. Он пишет, что Сталин хотел специально подтолкнуть Китай и США к конфронтации, не желая американо-китайского сближения. Северокорейскую армию он называет бандой мародеров и обвиняет Сталина в трусости перед американским оружием.

В книге А.В. Торкунова и Е.П. Уфимцева «Корейская проблема: новый взгляд» авторы сумели на основе новых документов раскрыть проблемные аспекты начала войны. Здесь впервые публикуется секретная переписка Пхеньяна с Москвой за считанные дни до начала Корейской войны⁴. В статье Е.П. Мельникова, написанной на основе архивных материалов⁵, тоже порицаются действия северокорейского руководства и армии.

В своих воспоминаниях дипломат В. А. Тарасов, работавший в посольстве СССР в Пхеньяне, не ставил своей задачей найти виновных в развязывании конфликта, а просто пытался донести свои чувства и ощущения, которые он испытал в условиях военного времени⁶. Н. Бажанова располагая некоторыми

¹ Славинский Б. Корейская война, которая едва не привела мир к катастрофе // Новое время. 1990. №23. С. 36-39.

² Волкогонов Д.А. «Следует ли этого бояться?»: За кулисами корейской войны // Огонек. 1993. №25/26. С. 28–29.

³ Туманов Г. Штыковая атака Ким Ир Сена: Корейская война, которая окончилась 40 лет назад, глазами очевидца // Новое время. 1993. №26. С. 32-34.

⁴ Торкунов А.В., Уфимцев Е.П. Корейская проблема: новый взгляд. М., 1995.

⁵ Мельников Е.П. Корейская война 1950-1953 годов: Размышления о причинах конфликта и его действующих лицах // Международная жизнь. 1995. №8. С. 87-93.

⁶ Тарасов В.А. Страна утренней свежести в сумерках смерти: Заметки о гражданской войне на Корейском полуострове // Военн.-ист. журнал. 1996. №2. С. 66-74.

архивными документами, рассмотрела подоплеку начала войны и проблему вступления в войну китайских добровольцев. Автор обращает внимание на взгляды Сталина на корейский вопрос до и во время войны¹.

В 1996 г. в США появляется сборник российских документов из Архива Президента Российской Федерации, который включает в себя документы по советско-китайским, советско-корейским отношениям до войны и периода военных действий².

Директор китайского центра по изучению стран Востока Шэн Жихуа на основе двух противоречащих телеграмм Мао Цзэдуна Сталину, сумел сделать интересные выводы по проблеме вступления Китая в войну³.

Долгое время в советской историографии замалчивалось об участии советских ВВС в Корейской войне. В. Ильин своей статьей ликвидировал этот пробел в отечественной историографии, ярко изобразив борьбу в небе между СССР и США⁴.

Некоторое переосмысление Корейской войны было характерно и для американской историографии. Профессор Университета Флорида Кэтрин Уэзесби, на основе новых российских документов доказывает, что инициатором войны был не Сталин, а Ким Ир Сен⁵.

Таким образом, в 1990-х гг. в печати появляются архивные документы различного состава, где содержалась не только переписка между лидерами треугольника – СССР, КНДР, КНР, но и отчеты послов СССР в Пхеньяне⁶.

После смены внутривнутриполитической ситуации в РФ, с приходом к власти В.В.Путина начинается четвертый этап, который характеризуется попыткой отойти от прежних идеологических штампов, как советских, так и постперестроечных. Рост антиамериканских настроений в определенных кругах российской интеллектуальной элиты, поспособствовал тому, что корейский конфликт стали рассматриваться через призму советско-американского противостояния в Холодной войне.

В начале 2000-х годов российские исследователи попытались подвести итоги, обобщить и скомпоновать имеющийся материал по Корейской войне. Так 23 июля 2000 г. в Москве состоялась международная научно-теоретическая конференция «Война в Корее 1950–1953 гг.: взгляд через 50 лет», материалы которой были изданы в 2001 году⁷. Конференция не только значительно обобщили многие свидетельства о Корейской войне, но и привнесла

¹ Бажанова Н. Самая загадочная война XX столетия // Новое время. 1996. №6. С. 29-31.

² New Evidence on the Korean War // Cold War International History project Bulletin: The Cold War in Asia. Washington. Issues 6-7. (Winter 1995/1996).

³ Воронцов А.В., Жихуа Ш. Белые пятна в истории корейской войны // Азия и Африка сегодня. 1997. №12. С. 28-32.

⁴ Ильин В. «Аллея МиГов»: Ожесточенные бои в небе Кореи // Родина. 1998. №8. С. 39-42.

⁵ Уэзесби К. Ничто не потеряно, кроме людей // Родина. 1998. №8. С. 43–45.

⁶ Волохова А. Некоторые архивные материалы о корейской войне (1950–1953) // Проблемы Дальнего Востока. 1999. №4. С. 123-131.

⁷ Война в Корее 1950-1953 гг.: Взгляд через 50 лет. Материалы международной научно-теоретической конференции. М., 2001.

определенный научный вклад в изучение темы. На конференции выступали и корейские специалисты с новыми корейскими источниками.

В 2000-е гг. в США самой крупной монографией по Корейской войне стала работа У. Стьюка «Корейская война»¹. В своем исследовании автор попытался дать полную историю этого конфликта. Он представил не только полную картину боевых действий, но и подробно рассмотрел дипломатические шаги, предпринятые воюющими сторонами.

Упомянутая ранее К. Уззерсби продолжила свои исследования и в новой работе развила свой тезис об относительно мирной политике СССР в Корею до начала войны².

Одной из самых значительных работ в отечественной историографии XXI века можно назвать монографию под редакцией коллектива авторов И.М. Попова, С.Я. Лавренова, В.Н. Богданова «Корея в огне войны»³. Работа основана на редких документах из российских архивов, а также на западных источниках. Здесь рассматриваются такие проблемы Корейской войны, на которые ранее исследователи практически не обращали внимание, а именно: роль спецслужб, заговор против Ким Ир Сена, деятельность советских военных советников в Китае и Корею и т.д. Однако авторы недостаточно проанализировали внутрикорейскую ситуацию, так как в материале преобладает пересказ из других работ по данной тематике, также имеются ошибки в транскрипции корейских имен.

Несмотря на то что историческая наука на последнем этапе попыталась избавиться от мифологизированного подхода в освещении политических подоплек Корейской войны, тем не менее появилась работа А.В. Панцова, в которой Сталин опять был представлен как инициатор третьей мировой войны через столкновение двух Корей⁴. Автор использовал концептуальные установки наиболее одиозных представителей западной историографии, и очень субъективно оценил мотивы поведения Сталина. Каких-либо документов для доказательства своей аргументации он не привёл.

Работы посвященные Корейской войне в последние годы не изобилуют чем то новым, в основном идет пересказ ранее опубликованных исследований и источников⁵. В более выигрышном свете выглядит статья корейских авторов Сонг Сонг Джунсо и Ким Хе Чжина, в которой утверждается что Корейская война окончательно уничтожив пережитки феодальных классовых отношений и улучшив

¹ Стьюк У. Корейская война. М., 2002.

² Уззерсби К. Война в Корею 1950-1953 гг.: холодная война разгорается // Холодная война 1945-1963 гг.: Историческая ретроспектива. Сборник статей. М., 2003. С. 257–277.

³ Корея в огне войны: судьбы, события, документы, версии. Жуковский; М., 2005.

⁴ Панцов А.В. Большая игра кремлевского отца народов // Независимое военное обозрение. 2008. http://nvo.ng.ru/history/2008-07-18/10_stalin.html

⁵ Костров А.В. Официальная советская оценка причин и начала Корейской войны // Кризис цивилизации как следствие кризиса верховенства права. Международный правовой форум: материалы. 2014. С. 87-90; Перов А. А., Анисимова И. В. Позиции СССР и КНР в Корейской войне 1950–1953 гг. // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2016. № 13. С. 81-83.

положение женщин, значительно повлияла на модернизацию страны, сыграв положительную роль в ускоренной индустриализации 1960-х гг¹.

В целом Корейская война, несмотря на обилие источников и исследований, до сих пор имеет свои «белые пятна». В первую очередь мало изучена политическая составляющая конфликта в противовес военной. Задача исследователей XXI века – окончательно избавиться от стереотипов «холодной войны» и объективно взглянуть на суть конфликта.

¹ Сонг Д., Ким Х.Ч. Корейская война и изменения в южнокорейском обществе в 1950 гг. // Социологические исследования. 2015. 2(317). С. 63–71.

НОВОСТИ И РЕЦЕНЗИИ

СНОВА «НОВЫЙ ЧАСОВОЙ»

Аннотация. Предлагается рецензия на новый номер возобновленного после длительного перерыва военно-исторического издания. Это журнал «Новый часовой», выходящий в Санкт-Петербурге. Дается краткая история издания и характеристика свежего номера.

Ключевые слова. Военная история, журнал, рецензия, Санкт-Петербург.

AGAIN THE «NEW SENTRY»

Abstract. A review of the new issue of the military-historical magazine renewed after a long break is offered. This is the magazine «New sentry», published in St. Petersburg. A brief history of the publication and the characteristics of the latest issue are given.

Key words: military history, magazine, review, St. Petersburg.

А. В. Посадский (Саратов)

Возобновление периодического издания после длительного перерыва – случай нечастый. Как правило, жизнь специального журнала оказывается или сравнительно короткой, или же академически долгой, если изданию повезет вписаться в какую-либо официальную конструкцию, университетскую или иную.

В 1994 году в Санкт-Петербурге вышел первый номер журнала под названием «Новый часовой». Он заявил о себе как о новом военно-историческом издании и – главное – его название и направленность давали очевидную отсылку к легендарному изданию Русского Зарубежья: «Часовой» В.В. Орехова выходил с 1929 г. по 1988 г. Ответственным (с № 3), а затем главным (с № 4) редактором нового журнала выступил А.В. Терещук, заместителем главного редактора (с № 17/18) – К.М. Александров.

Журнал сразу занял видное место в военно-исторической научной (не очень богатой в середине 1990-х гг.) периодике. Издание обзавелось своей книжной серией – «библиотекой «Нового часового»». Несколько ранее, с 1991 г., в Петербурге стал выходить историко-документальный альманах «Русское прошлое», в котором публиковались материалы архивных собраний Русского Зарубежья. Таким образом возник очень перспективный научно-публикаторский центр. С №4 журнал обрел устойчивый внешний облик. Значительный объем и развитая рубрикация позволяли в каждом номере поднимать весьма разные хронологически и содержательно темы, отзываться на научные события, помещать рецензии, вести раздел документальных публикаций. Каждый номер становился заметным событием научной жизни. Однако отсутствие систематической финансовой поддержки заставило редакцию пойти по пути сдваивания номеров (уже с № 6/7) и отказа от регулярного графика выхода. № 17/18 вышел в 2006-м году, следующий – 19/20 – в 2010-м. За ним последовал небольшой выпуск-дайджест «Новый часовой. По страницам военно-исторического журнала» 2013-го года. Казалось, что история издания завершена,

о чем можно было только пожалеть. Содержательно место этого издания никто полностью занять не смог.

И вот 2020-й год принес известие сколь удивительное, столь и радостное: «Новый часовой» продолжает выходить. Новым главным редактором выступил В.В. Яковлев (заместитель – А.В. Терещук). Издание сохранило привычный дизайн и продолжило прежнюю нумерацию, - вышедший номер является 21-м. Теперь «Новый часовой» заявлен как периодическое издание, выходящее дважды в год. Издание может похвалиться прекрасным полиграфическим исполнением и, в частности, замечательными цветными иллюстрациями.

Свежий номер содержит рубрику, посвященную 75-летию победы в Великой отечественной войне и традиционные рубрики «исследования» и «воспоминания и документы». Журнал продолжает уделять внимание персоналиям, имеет отдел рецензий, обращается к армейскому быту, фольклору, жаргону – военной повседневности. Сохранена и традиция продолжающихся в ряде номеров публикаций, как научных, так и документальных. Традиционно не забыт военный Петербург. Содержание показывает, что редколлегия готова публиковать материалы не только по отечественной военной истории.

Новый выпуск давно известного издания производит самое воодушевляющее впечатление. Можно смело рассчитывать, что возобновление журнала с высокой научной репутацией позволит изданию быстро восстановить круг читателей и подписчиков

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ П.А. МИСТРЮГОВА «МЕСТНЫЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СТРУКТУРЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ»

Аннотация. В рецензии оценивается книга самарского историка М.А. Мистрюгова, посвящённая советским местным чрезвычайным органам власти, действовавшим в сложный период Гражданской войны. Рецензент отмечает высокий научный уровень монографии. Делается вывод, что, автору удалось на широком архивном материале (нормативно-правовые акты, делопроизводственные документы и др.), введенном в научный оборот впервые, качественно исследовать процесс становления и эволюции местных чрезвычайных структур, таких как: подразделения ВЧК, ревтрибуналы, комиссии по борьбе с дезертирством, ревкомы и другие «антикризисные» структуры советской власти и РКП(б). Вместе с тем полагается, что данная тема имеет отдельные научные пробелы, которые требуют дальнейших изысканий.

Ключевые слова. Гражданская война в России, местные чрезвычайные органы советской власти, нормативно-правовая документация.

REVIEW OF P.A. MISTRYUGOV'S MONOGRAPH «LOCAL EMERGENCY STRUCTURES OF SOVIET POWER DURING THE CIVIL WAR»

Abstract. The review evaluates the book by the Samara historian M.A. Mistryugov, dedicated to the Soviet local emergency authorities that operated during the difficult period of the Civil War. The reviewer notes the high scientific level of the monograph. It is concluded that the author was able to qualitatively study the process of formation and evolution of local emergency structures, such as: divisions of the Cheka, revtribunals, commissions to combat desertion, revkoms and other "anti-crisis" structures of the Soviet government and the RCP (b), based on a wide archival material (normative legal acts, office documents, etc.), introduced into scientific circulation for the first time. At the same time, it is believed that this topic has some scientific gaps that require further research.

Key words. The Civil War in Russia, local emergency bodies of Soviet power, regulatory and legal documentation.

М. А. Васильченко (Москва)

Вышедшая в Самаре в 2018 г. монография кандидата исторических наук П.А. Мистрюгова¹, выполненная при поддержке Совета по грантам при Президенте РФ, поднимает редкую для современной российской историографии тему местных чрезвычайных органов советской власти в годы Гражданской войны. Немаловажно напомнить, что «архивная революция» конца XX в. вызвала значительный интерес к антибольшевическим социально-политическим силам,

¹ Мистрюгов П.А. Местные чрезвычайные структуры советской власти в годы Гражданской войны». Самара: Самарский научный центр РАН, 2018. – 300 с.

отодвинув в тень проблему советского государственного строительства. Таким образом, поднятая автором тема имеет не только безусловную научную ценность, но и затрагивает важный государственный вопрос. Отметим, что чрезвычайные структуры советской власти, функционировавшие на региональном уровне, внесли существенный вклад в победу Красной армии на фронтах и обеспечения правопорядка в тылу. Без анализа их роли и последствий деятельности нельзя представить объективную картину Гражданской войны.

Монография стала результатом многолетней научной кропотливой работы в российских центральных и региональных архивах. Активно привлекались и опубликованные источники. Заслуживает внимания полный и качественный обзор научных трудов предшественников, который наглядно показывает отсутствие консенсуса среди исследователей и дискуссионность данной темы. Автор подчеркивает многообразие суждений и противоречивость оценок, сложившихся как в отечественной, так в зарубежной исторической науке, выявляет подходы, сложившиеся на советском и современном этапе историографии. В итоге широкий фактологический материал позволил комплексно и деидеологизировано рассмотреть слабо изученную проблематику. Исследовательские сюжеты вписываются одновременно в несколько историографических плоскостей – это становление и эволюция органов ВЧК, ревтрибуналов и других особых «антикризисных» структур. Причём местный уровень таких органов сопоставляется с подобными центральными госструктурами. Особое внимание автор уделил малоизвестным вопросам повседневности и служебного быта сотрудников чрезвычайных органов. Не осталась без пристального внимания и карательная составляющая их деятельности, каковую наглядно характеризует анализ учетной и отчетной документация о перемещении дел обвиняемых, мерах наказания и их динамики.

В монографии ярко выражена региональная специфика деятельности местных чрезвычайных советских органов, в первую очередь структуры ВЧК. Обусловлено это активизацией антибольшевистских сил в период становления таких органов в 1918 г., а также аграрными особенностями Самарской губернии. То есть деятельность чрезвычайных госструктур рассмотрена в период борьбы советов с Народной армией Комуча и Чехословацким корпусом, а также в последующее время крестьянских выступлений, вызванных политикой «военного коммунизма», когда зазвучали лозунги за советы, но без коммунистов и без продрозверстки. Самарские чрезвычайные органы были активными участниками гражданского сопротивления, стояли на гребне революционного насилия, воплощая в своих действиях волю высшего партийно-советского руководства РСФСР. В первую очередь это была борьба с дезертирством, поддержание законности и правопорядка, подавление в зародыше любых местных протестов, вызванных бесчисленными фискально-реквизиционными и военно-мобилизационными мероприятиями.

П.А. Мистрюгов удачно прослеживает протестные формы и виды реакции местного населения, отмечает, что политика «чрезвычайщины» привела к «разрушению советской власти как особой формы народоправства, резко

ограничила практики местного самоуправления»¹, способствуя формированию авторитарной системы власти и утверждению большевистской автократии.

Автор отвергает один из устоявшихся в историографии стереотипов, что к дезертирам зачастую применялась исключительно высшая мера наказания. На статистических материалах он убедительно доказывает, что к бежавшим с фронта красноармейцам или с призывных пунктов новобранцам применялись меры судебного и административного воздействия, а на укрывателей дезертиров накладывались штрафы. То есть в основном использовалась практика материального воздействия. Комплекс антидезертирных мер позволил местной власти обеспечить боеспособность частей Красной армии².

В монографии хорошо показана деятельность ревтрибуналов и чекистов по борьбе с уголовными и служебными преступлениями, среди которых стоит отметить производство алкоголя и спекуляция им. Служебные преступления классифицировались по таким статьям как взяточничество, превышение должностных полномочий и др. В целом исследование позволяет рассмотреть необычные методы подавления антибольшевистских протестов (выступлений, восстаний) как практику взаимосвязанных репрессивных, военно-карательных, судебных, административных мероприятий. Автор классифицирует крестьянские выступления в зависимости от мер репрессивного государственного воздействия.

Научная новизна рецензируемой работы состоит в отходе от «декретного» подхода и формально юридического анализа, обращение к конкретно историческим конфигурациям чрезвычайных структур, анализу способов и методов их деятельности, социокультурных последствий политики «чрезвычайщины».

Вместе с тем, стоит отметить на ряд вопросов, раскрытых как кажется не полностью. Среди них: анализ макрорегиональных показателей в работе органов ВЧК, проведение в сравнения опыта чрезвычайного управления с регионами центральной и северо-западной части РСФСР детализация процесса формирования образа сотрудника чрезвычайных органов в центральной и местной прессе начала 1920-х гг.

В целом монография П.А. Мистрюгова представляет собой высококвалифицированное научное исследование, написанное на большом круге архивных документов, с привлечением современных теоретико-методологических методов анализа и заслуживает высокой оценки. В работе сформулирована оригинальная концепция организации и деятельности чрезвычайных структур советской власти и их роли в становлении советской государственности.

¹ Мистрюгов П.А. Указ. соч. С. 254.

² Там же. С. 182.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бутов Илья Станиславович (Минск), кандидат сельскохозяйственных наук, независимый исследователь.

Васильченко Максим Анатольевич (Москва), кандидат исторических наук, доцент кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин Московского финансово-промышленного университета «Синергия».

Вебер Михаил Игоревич (Екатеринбург), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра политической и социокультурной истории Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

Войтиков Сергей Сергеевич (Москва), кандидат исторических наук, заведующий сектором выявления архивных документов и подготовки документальных публикаций Центрального государственного архива города Москвы.

Галямичев Александр Николаевич (Саратов), доктор исторических наук, профессор института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Карпухин Константин Владимирович (Красноярск), член Красноярского отделения Российского военно-исторического общества.

Лаврентьев Максим Владимирович (Саратов), кандидат юридических наук, доцент Поволжского института управления – филиала РАНХ и ГС в Саратове.

Лёвин Сергей Владимирович (Москва), доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, культуры и социального развития Московской области, историко-филологический институт, факультет истории, политологии и права, Московский государственный областной университет.

Овчаров Валентин Владимирович (Красноярск), член Красноярского отделения Российского военно-исторического общества.

Посадский Антон Викторович (Саратов), доктор исторических наук, профессор Поволжского института управления – филиала РАНХ и ГС в Саратове.

Рабинович Яков Николаевич (Саратов), кандидат исторических наук, доцент Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского.

Раджабов Кахрамон Кенджаевич (Ташкент, Республика Узбекистан), доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Института истории АН Узбекистана.

Ренёв Евгений Геннадьевич (Ижевск), кандидат исторических наук, доцент кафедры «Общественные науки» Ижевского государственного технического университета им. М.Т. Калашникова.

Семёнова Юлия Александровна (Саратов), кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Симонов Анатолий Александрович (Саратов), кандидат исторических наук, доцент Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Соложеницын Роман Владимирович (Барнаул), независимый исследователь.

Сороков Сергей Петрович (Саратов), доцент Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации.

Сулимин Александр Николаевич (Саратов), кандидат политических наук, доцент кафедры истории государства, права и международных отношений Поволжского института управления – филиала РАНХ и ГС в Саратове.

Шевела Владимир Анатольевич (Люберцы), старший научный сотрудник Центрального научно-исследовательского института Военно-Воздушных Сил МО РФ.

Щербин Артем Александрович (Саратов), магистрант кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Юшко Валентин Леонидович (Москва), член Московского отделения Российского военно-исторического общества, член Военно-исторической комиссии при Центральном совете Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Яценко Вячеслав Григорьевич (Волгоград), историк, кандидат филологических наук.

Военно-исторические исследования в Поволжье:
Сборник научных трудов
Выпуск 14

Формат 70x90 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура «Arial»
Усл. печ. л. 14,4